

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 21. No. 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2022

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 21. № 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2022

Volume 21. No. 3

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022

Том 21. № 3

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2022. Vol. 21. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: “Russia’s National Jurisdiction in the Trends of Modern Geoeconomics and Sustainable Development”

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **ReadERA** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, A.A. Lagutina*

Making up: *E.S. Reshetnikova*

Technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing July 7, 2022.

Date of publication: Oct. 15, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15,1. Published pages 16,2.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–30). Order 107. «C» 28.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2022. Т. 21. № 3

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Национальная юрисдикция России в трендах современной геоэкономики и устойчивого развития»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), ReadERA (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышианский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: М.В. Гайваль, А.А. Лагутина
Верстка Е.С. Решетниковой

Техническое редактирование О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 07.07.2022 г.

Дата выхода в свет: 15.10.2022 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,1.
Уч.-изд. л. 16,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).
Заказ 107. «С» 28.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Инишкова А.О.</i> Влияние современной геоэкономики и концепции устойчивого развития на трансформации национальной юрисдикции России	6
--	---

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Давыдова М.Л.</i> Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития	11
<i>Севостьянов В.В., Минеев О.А.</i> О гражданско-правовых механизмах защиты Российской Федерации от диффамации	20
<i>Шарно О.И.</i> Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG и устойчивого развития	29
<i>Зыков Д.В.</i> Концепция «Smart Regulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития	38
<i>Гунич С.В.</i> Вопросы этнической идентификации граждан Российской Федерации	45
<i>Усенков И.А.</i> Конституционная стабильность в свете реформы Конституции РФ 2020 года	52
<i>Матыцин Д.Е.</i> Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований	57
<i>Константинов А.М.</i> Геймификация права как ответ на современные вызовы его развития	69

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Кораблина О.В., Байбекова Э.Ф.</i> Правовые аспекты регулирования трудовой миграции в системе социетальной безопасности стран Прикаспийского региона	74
---	----

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Молчанов А.А., Бабайцева Е.А.</i> К вопросу о реализации принципа свободы договора в обязательстве по страхованию	81
<i>Белова О.А.</i> Каршеринг непоименованный: правоприменитель vs законодатель	87

<i>Балтутите И.В., Еремеева А.В.</i> Обеспечение исполнения государственных контрактов на поставку продуктов питания для нужд учреждений и органов Уголовно-исполнительной системы	93
--	----

<i>Мудрицкий С.В.</i> Образование в корпорации нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга	100
--	-----

<i>Смирнов Д.А.</i> Проблемы правового регулирования ознакомления работника с локальными актами работодателя	106
--	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Трифорова К.А., Бирюков С.Ю.</i> Уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе расследования	112
---	-----

<i>Дикарев И.С., Миликова А.В.</i> Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии	120
---	-----

<i>Чистилина Д.О., Возгрин Е.В.</i> Процедурные и фактические сложности установления объективной истины в суде с участием присяжных заседателей	128
---	-----

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Маклакова О.Г.</i> Профилактические работы участковыми уполномоченными полиции в семейно-бытовой сфере	136
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Фам Ньы Х.</i> Электронные данные как новое доказательство по Уголовно-процессуальному кодексу Вьетнама 2015 года	144
--	-----

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

<i>Ермакова Е.П.</i> Климатический пакт Глазго 2021 года: основные положения	149
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Матыцин Д.Е.</i> Геоэкономика будущего: устойчивое сельское хозяйство и альтернативная энергетика	155
--	-----

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. The Influence of Modern Geoeconomics and the Concept of Sustainable Development on the Transformation of Russia's National Jurisdiction 6

MAINSTREAM ISSUE

Davydova M.L. Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development 11

Sevostyanov V.V., Mineev O.A. On Civil Law Mechanisms of Protecting the Russian Federation from Defamation 20

Sharno O.I. Environmental Responsibility of Business as a Criterion of ESG and Sustainable Development 29

Zykov D.V. The Concept of "Smart Regulation" as an Instrumental Component of Sustainable Development 38

Gunich S.V. The issues of ethnic identification of the Russian Federation citizens 45

Usenkov I.A. Constitutional Stability in View of the 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation 52

Matytsin D.E. Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements 57

Konstantinov A.M. Gamification of Law as a Response to Modern Challenges of Its Development 69

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

Korablina O.V., Baybekova E.F. Legal Aspects of the Labor Migration Regulation in the Social Security System of the Caspian Region Countries 74

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Molchanov A.A., Babaytseva E.A. On the Implementation of the Freedom-Of-Contract Doctrine in the Insurance Obligation 81

Belova O.A. Non-defined Carsharing: The Law Enforcer vs the Legislator 87

Baltutite I.V., Ereemeeva A.V. Public Contract Performance Security for Food Supply for the Needs of the Penal System Institutions and Bodies 93

Mudritsky S.V. The Formation in the Corporation of Several Sole Executive Bodies Acting Independently of Each Other 100

Smirnov D.A. The Problems of the Legal Regulation of the Employee's Familiarization with the Employer's Local Acts 106

PROCEDURAL LAW:

THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Trifonova K.A., Biryukov S.Y. Criminal Procedural Means of Prosecutorial Supervision at the Final Stage of the Investigation 112

Dikarev I.S., Milikova A.V. The Use of Information Technologies and the Psychology of Decision-Making at the Preliminary Investigation 120

Chistilina D.O., Vozgrina E.V. Procedural and Factual Difficulties of Establishing the Objective Truth in a Jury Trial 128

CRIME PREVENTION

AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Maklakova O.G. Preventive Work by Community Policemen in the Family and Household Sphere 136

INTERNATIONAL LAW

AND COMPARATIVE LAW

Pham Ny H. Electronic Data as New Evidence Under the 2015 Vietnamese Criminal Procedure Code 144

THE LEGAL PROBLEMS

OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

AND THE USE OF NATURAL RESOURCES

Ermakova E.P. The 2021 Glasgow Climate Pact: Basic Provisions 149

CRITISISM AND BIBLIOGRAPHY

Matytsin D.E. Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy 155

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.1>

UDC 341.21:34.038

LBC 67.910.11

THE INFLUENCE OF MODERN GEOECONOMICS AND THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT ON THE TRANSFORMATION OF RUSSIA'S NATIONAL JURISDICTION

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study: the paper highlights the key issues of the main topic of the issue of the journal “Legal Concept = Pravovaya paradigma” entitled “Russia’s National Jurisdiction in the Trends of Modern Geoeconomics and Sustainable Development”. The relevance of the main topic of the issue is due to the key tasks facing modern legal scholars, whose solution is aimed primarily at the formation of the legal regulation of Russia’s integration into the global mainstream of the development of modern geoeconomics, taking into account inclusive growth and sustainable development. **The scientific novelty** of the research project presented to the reader of the journal is determined by the need to create and develop a legal infrastructure of environmentally friendly entrepreneurship relevant to modern foreign policy and foreign economic conditions during neo-industrialization. In addition, the scientific significance of the conducted research determines the perspective and goal-setting of using the new knowledge obtained for further research on these issues, as well as solving related scientific and practical problems of environmentally friendly entrepreneurship as the basis of modern economic turnover, whose consequence is the consistent implementation of the ideas of nature conservation and sustainable environment in the legislative support. **The methodological framework** for the collective research is made up of the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis and comparative law. **The results of the study:** the experimental legal regulation is considered as a means of ensuring sustainable development in the presented works. Civil law concepts and mechanisms of protection of the Russian Federation from defamation are studied, the ways of their modernization are proposed. The concept of environmental responsibility of business as a criterion of ESG and sustainable development is substantiated. The sources of formation, essence, principles, means and procedures of the concept of “Smart regulation” as an instrumental component of sustainable development are determined. The legal issues of ethnic identification of citizens of the Russian Federation are studied. The paper examines the category of constitutional stability in the light of the reform of the Constitution of the Russian Federation in 2020, as a special kind of normative act designed to carry the values of society through time and preserve the main directions of its development. The features of remote investment transactions made by individuals (private investors) on the Internet are analyzed. The theory of gamification of law as a response to modern challenges of its development is investigated and substantiated. The research results aimed at the socio-economic development of the country are introduced into legal science. The achieved understanding of the state of environmental entrepreneurship in Russia allows formulating several specific proposals to the public authorities that ensure the consistent expansion of the “green” sectors of the economy through the intensive involvement of the potential of economic entities. The basic conceptual and categorical scientific apparatus of modern legal regulation of economic turnover is developed. Some mechanisms and measures for creating an adaptive legal framework for public activity, taking into account the need for its greening in the conditions of neo-industrial development, are scientifically substantiated. **Conclusions:** it is concluded that as the significant results of the project it is possible to state the increment of the content of such

branches of legal knowledge as: theory of state and law, constitutional law, civil law, business law, private international law.

Key words: sustainable development, green technologies, digital economy, experimental legal regime, environmental responsibility of business, ESG, transactions, blockchain, gamification of law.

Citation. Inshakova A.O. The Influence of Modern Geoeconomics and the Concept of Sustainable Development on the Transformation of Russia's National Jurisdiction. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 6-10. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.1>

УДК 341.21:34.038

ББК 67.910.11

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОЭКОНОМИКИ И КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ РОССИИ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования: статья освещает ключевые вопросы главной темы номера журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Национальная юрисдикция России в трендах современной геоэкономики и устойчивого развития». Актуальность главной темы номера обусловлена ключевыми задачами, стоящими перед современными правоведами, решение которых направлено прежде всего на формирование правового регулирования интеграции России в общемировое русло развития современной геоэкономики с учетом обеспечения инклюзивного роста и устойчивого развития. **Научная новизна** представленного читателю журнала исследовательского проекта определяется необходимостью создания и развития адекватной современным внешнеполитическим и внешнеэкономическим условиям правовой инфраструктуры экологически чистого предпринимательства в условиях неоиндустриализации. Кроме того, научная значимость проведенного исследования предопределяет перспективу и целеполагание использования полученных новых знаний для дальнейших исследований указанной проблематики, а также решения смежных научно-практических проблем экологически чистого предпринимательства как основы современного экономического оборота, следствием которого является последовательное внедрение идей сохранения природы и устойчивой окружающей среды в законодательное обеспечение. **Методологическую основу** коллективного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты исследования:** в качестве средства обеспечения устойчивого развития в представленных работах рассматривается экспериментальное правовое регулирование. Изучаются гражданско-правовые понятия и механизмы защиты Российской Федерации от диффамации, предлагаются пути их модернизации. Обосновывается концепция экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития. Определяются истоки формирования, сущность, принципы, средства и процедуры концепции «Smart regulation» как инструментальной составляющей устойчивого развития. Изучены правовые вопросы этнической идентификации граждан Российской Федерации. Исследована категория конституционной стабильности в свете реформы Конституции РФ 2020 г. как особого рода нормативного акта, призванного пронести через время ценности общества и сохранять основные направления его развития. Проанализированы особенности дистанционных инвестиционных сделок, совершаемых физическими лицами (частными инвесторами) в интернете. Исследуется и обосновывается теория геймификации права как ответ на современные вызовы его развития. В юридическую науку привносятся исследовательские результаты, направленные на социально-экономическое развитие страны. Достигнутое понимание состояния экологического предпринимательства в России позволяет сформулировать ряд конкретных предложений органам публичной власти, обеспечивающих последовательное расширение «зеленых» секторов экономики посредством интенсивного вовлечения потенциала хозяйствующих субъектов. Разработан базовый понятийно-категориальный научный аппарат современного правового регулирования экономического оборота. Научно обоснован ряд механизмов и мер создания адаптивной правовой базы общественной деятельности с учетом необходимости ее экологизации в условиях неоиндустриального развития. **Выводы:** делается вывод, что в качестве полученных значимых результатов проекта можно констати-

ровать приращение содержания таких отраслей юридического знания, как теория государства и права, конституционное право, гражданское право, предпринимательское право, международное частное право.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленые технологии, цифровая экономика, экспериментальный правовой режим, экологическая ответственность бизнеса, ESG, сделки, блокчейн, электронные эквиваленты, геймификация права.

Цитирование. Иншакова А. О. Влияние современной геоэкономики и концепции устойчивого развития на трансформации национальной юрисдикции России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 6–10. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.1>

Очередной номер журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» представляет собой коллективное исследование, направленное на решение комплексной межотраслевой научной проблемы. Главная тема обозначена редакционной коллегией как «Национальная юрисдикция России в трендах современной геоэкономики и устойчивого развития» и определена ключевыми задачами, стоящими перед современными правоведомы, решение которых направлено прежде всего на формирование правового регулирования интеграции России в общемировое русло развития современной геоэкономики с учетом обеспечения инклюзивного роста и устойчивого развития. Актуальность решения поставленной проблемы особенно значима сегодня и обусловлена необходимостью создания и развития адекватной современным внешнеполитическим и внешнеэкономическим условиям экономико-правовой инфраструктуры экологически чистого предпринимательства в сфере хозяйственного оборота в условиях неоиндустриализации с использованием цифровых компьютерных технологий и искусственного интеллекта и с учетом незаконных санкционных ограничений, выдвинутых против Российской Федерации коллективным Западом. Научная значимость данного проектного исследования состоит в том, что в юридическую науку (теория государства и права, конституционное право, гражданское право, предпринимательское право, международное частное право) привносятся исследовательские результаты, направленные на социально-экономическое развитие страны, прежде всего, в области управления народным хозяйством. Кроме того, научная значимость проведенного исследования предопределяет перспективу и целеполагание использования полученных новых знаний для дальнейших исследований указанной проблематики, для решения

смежных научно-практических проблем экологически чистого предпринимательства как основы современного экономического оборота, следствием которого является последовательное внедрение идей сохранения природы и устойчивой окружающей среды в законодательное обеспечение.

Проблемное состояние в стране экологического предпринимательства требует логического поиска решений, в том числе с использованием цифровой экономики и цифрового права, направленных на разработку и внедрение сбалансированных механизмов воздействия цифровых технологий на эффективное государственное регулирование производственной и непроизводственной сфер экологического предпринимательства с учетом обеспечения инклюзивного роста и устойчивого развития России. Исследуются наиболее эффективные цифровые технологии, обеспечивающие ускоренное развитие экологического рынка товаров и услуг в Российской Федерации.

Предлагаемое коллективное исследование тесно связано с формированием научных и технологических заделов, обеспечивающих экономический рост и социальное развитие Российской Федерации. Решение конкретных задач, поставленных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, предполагает сбор эмпирических данных о сложившейся ситуации в сфере взаимодействия общества и природы, межотраслевое исследование воздействия цифровых технологий на состояние окружающей среды, жизнь и здоровье граждан, состояния общественных и государственных институтов, призванных участвовать в охране окружающей среды. Понимание общей картины позволит проанализировать сложившуюся ситуацию с состоянием экологического предпринимательства, сформулировать ряд конкретных предложений

органам публичной власти, обеспечивающих последовательное расширение «зеленых» секторов экономики посредством интенсивного вовлечения потенциала российского предпринимательства.

В качестве полученных результатов проекта можно констатировать приращение содержания перечисленных выше отраслей знания в части разработки базового понятийно-категориального научного аппарата современного правового регулирования экономического оборота, научного обоснования механизмов и мер создания адаптивной правовой базы с учетом необходимости его экологизации.

В качестве средства обеспечения устойчивого развития в представленных работах рассматривается экспериментальное правовое регулирование. Обосновывается, что для того, чтобы правотворческие решения были продуманными и гарантированно достигали поставленных целей, используются различные механизмы их апробации и совершенствования, в том числе экспериментальное правовое регулирование. Раскрываются особенности нового для российского законодательства института экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, сопоставляется понятие «экспериментальный правовой режим» с понятием «правовой эксперимент». Делается вывод о том, что законодательство об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций представляет собой попытку системного закрепления единой процедуры проведения экспериментов в правовом регулировании и оценки их результатов.

Изучаются гражданско-правовые механизмы защиты Российской Федерации от диффамации. Обосновывается целесообразность введения в действующее российское законодательство таких понятий, как «репутация» и «диффамация» в отношении РФ как субъекта гражданско-правовых отношений, а также закрепления в законе положения о том, что Россия как самостоятельный участник гражданско-правовых отношений может быть субъектом диффамации наравне с гражданами и юридическими лицами.

Обосновывается концепция экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития. Доказано, что экологическая ответственность бизнеса как

критерия ESG достигается внешними и внутренними факторами, требует участия государства, достижения экологической транспарентности, совершенствования экологического страхования, развития системы таксономии и критериальной оценки.

Изучены истоки формирования, сущность, принципы, средства и процедуры концепции «Smart regulation» как инструментальной составляющей устойчивого развития. Выявлены роль и значение того эффекта, который и позволяет обозначать какое-либо регулирование как умное. Обосновано, что традиционное правовое регулирование, основанное на идеологии вертикально-интегрированных структур с жесткой централизацией политико-экономической системы, может ради общего блага быть дополнено и сбалансировано принципами и достижениями, средствами и процедурами концепции «умного регулирования».

Уделяется внимание вопросам этнической идентификации граждан Российской Федерации. Изучен механизм реализации указанного конституционного права. Обосновано, что нормы действующего российского законодательства не позволяют формализовать результат этнической самоидентификации личности. Определяются возможность индивидуальной и групповой этнической идентификации граждан РФ и направления совершенствования соответствующего правового регулирования. Высказаны предложения по совершенствованию механизма правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений.

Рассмотрены вопросы конституционной стабильности в свете реформы Конституции РФ 2020 г. как особого рода нормативного акта, призванного сдерживать пароксизмы общественного развития, пронести через время ценности общества и сохранять основные направления его развития. Обоснованы ключевые характеристики конституционного акта, установлены элементы его стабильности в качестве нормативного акта высшей юридической силы, общественного договора и «инструмента управления изменениями».

Исследованы и проанализированы особенности дистанционных инвестиционных сделок, совершаемых физическими лицами (частными инвесторами) в Интернете. Обосно-

вано определение и законодательное закрепление категории «электронные эквиваленты обязательств и требований». Предлагается упростить и модернизировать структуру взаимодействия частного инвестора, оператора информационной системы, получателя инвестиций и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта. Предложены рекомендации по разработке типовых смарт-контрактов.

Изучена и проанализирована теория геймификации права как ответ на современные вызовы его развития. Установлено, что современные векторы развития права, связанные с использованием универсальных для различных сфер общественной жизни методов, активно применяют игровые механики, что позволяет обеспечить доступность права и повышение интереса к юридическим процедурам для людей неюридических профессий. Предложено

определение процесса геймификации права, проанализированы его аспекты. Делается вывод о том, что геймификация права прослеживается через внедрение игровых механик в различные юридические процедуры. Наиболее ярко этот процесс проявляется в условиях цифрового развития права.

Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что использованные в ходе осуществления коллективного научно-исследовательского проекта эмпирические материалы, доктринальные разработки, изученный зарубежный опыт с целью формулировки представленных авторами статей предложений по модернизации российского законодательства будут способствовать переходу России к передовым цифровым, интеллектуальным, производственным технологиям, экологизации и цифровизации существующих экономических регуляторов и национальной экономической системы в целом.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 10.05.2022
Accepted: 11.06.2022

EXPERIMENTAL LEGAL REGULATION AS A MEANS OF ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT¹

Marina L. Davydova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the priorities of sustainable development of a modern state cannot be achieved without stable and high-quality legal regulation. For law-making decisions to be thought out and guaranteed to achieve their goals, various mechanisms of their approbation and improvement are used, including experimental legal regulation.

Purpose: to reveal the features of the institution of experimental legal regimes in the field of digital innovations, new for Russian legislation, by comparing it with the concept of “legal experiment”. **Methods:** formal-legal, comparative. **Results:** the paper reveals two approaches in which the concept of “experimental legal regime in the field of digital innovation” is considered by researchers. In a broad sense, it is proposed to speak of it as a kind of legal experiment, in a narrow sense – as an independent legal institution that differs from the classical legal experiment in terms of purpose, content and role in the mechanism of legal education. With a broad approach, we can talk not only about formalized experiments (directly fixed as such by the normative legal acts), but also about the experiments actually conducted. In such cases, the experiments are not always carried out in compliance with the proper methodology, which requires the existence of experimental goals, criteria for their achievement, the procedure for evaluating and taking into account the results. **Conclusions:** the legislation on experimental legal regimes in the field of digital innovations is an attempt to systematically consolidate a unified procedure for conducting experiments in the legal regulation and evaluating their results.

Key words: experimental legal regime, legal experiment, digital innovation, legal regulation, sustainable development.

Citation. Davydova M.L. Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 11-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 10.05.2022
Дата принятия статьи: 11.06.2022

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹

Марина Леонидовна Давыдова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: приоритеты устойчивого развития современного государства не могут быть достигнуты без стабильного и качественного правового регулирования. Для того, чтобы правотворческие решения были продуманными и гарантированно достигали поставленных целей, используются различные механизмы их апробации и совершенствования, в том числе экспериментальное правовое регулирование.

Цель: раскрыть особенности нового для российского законодательства института экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, сопоставив его с понятием «правовой эксперимент». **Методы:** формально-юридический, сравнительный. **Результаты:** в статье раскрываются два подхода, в рамках которых исследователями рассматривается понятие «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций». В широком смысле предлагается говорить о нем как о разновидности правового эксперимента, в узком – как о самостоятельном правовом институте, отличающемся от классического правового эксперимента по цели, содержанию и роли в механизме правообразования. При широком подходе речь можно вести не только о формализованных экспериментах (прямо закрепленных в качестве таковых нормативно-правовыми актами), но и об экспериментах фактически проводимых. Далеко не всегда в таких случаях эксперименты проводятся с соблюдением должной методики, требующей наличия целей эксперимента, критериев их достижения, порядка оценки и учета результатов. **Выводы:** законодательство об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций представляет собой попытку системного закрепления единой процедуры проведения экспериментов в правовом регулировании и оценки их результатов.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, правовой эксперимент, цифровая инновация, правовое регулирование, устойчивое развитие.

Цитирование. Давыдова М. Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 11–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>

Введение

Приоритеты устойчивого развития современного государства не могут быть достигнуты без стабильного и качественного правового регулирования. Для того, чтобы правотворческие решения были продуманными и гарантированно достигали поставленных целей, используются различные механизмы их апробации и совершенствования. Установление правовых норм в экспериментальном порядке, являясь одним из таких механизмов, позволяет более взвешенно оценить риски, чтобы вводить в качестве общего порядка лишь то правило, которое уже подтвердило свою эффективность и работоспособность.

В 2020 г. в России появилось новое для отечественной науки и юридической практики понятие – «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций» [10]. Подобное наименование было введено для обозначения правового института регулятивных песочниц (Regulatory Sandboxes), в течение последнего десятилетия активно развивающегося во множестве современных стран [12]. Появление данного института обусловлено тем, что современные цифровые инновации зачастую не вписываются в сложившееся правовое регулирование. Проблема не только в том, что соотношение их с традиционными правовыми институтами становится предме-

том острых теоретических дискуссий [1]. Иногда даже попытки апробировать ту или иную технологию на практике сталкиваются с ограничениями в действующем законодательстве. Чтобы преодолеть подобные ограничения, устанавливается экспериментальный правовой режим.

Необходимость встраивания этого понятия в категориальный аппарат отечественной юриспруденции подтолкнула исследователей к поиску сопоставимых понятий и институтов, уже существующих в российской правовой системе.

Так, с точки зрения построения нормативных конструкций в качестве близких по своей природе явлений рассматриваются специальные правовые режимы (режим особых экономических зон, правовой режим инновационного центра «Сколково», режим территорий опережающего социально-экономического развития [11, с. 24–29]). Основанием для сравнения выступают специфические права и обязанности, устанавливаемые для участников режима, наличие изъятий из действующего законодательства, а также локальный характер его введения.

В теоретическом плане совершенно логичным является сопоставление экспериментального правового режима и правового эксперимента, позволяющее выделить различные подходы к классификации экспериментального правового регулирования.

Экспериментальный правовой режим как разновидность экспериментального правового регулирования

При первом приближении возникает соблазн механического сочетания понятий «правовой режим» и «правовой эксперимент», представляющего экспериментальный правовой режим как режим по проведению правового эксперимента. Цифровые инновации при этом рассматриваются лишь как одна из возможных сфер экспериментального регулирования.

При таком широком подходе, вытекающем из отечественной понятийной традиции, экспериментальный правовой режим может отождествляться с понятием «правовой эксперимент» либо рассматриваться как результат его реализации. В последнем случае определение экспериментального правового режима может звучать следующим образом: совокупность правовых средств и методов, с помощью которых осуществляется практическое достижение целей правового эксперимента.

Подобное широкое понимание позволяет разделить правовые эксперименты и связанные с ними режимы на формализованные и фактические.

В первом случае термин «эксперимент» фигурирует в нормативно-правовых актах, устанавливающих соответствующий режим. Сюда относится как федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», закрепляющий общие принципы и процедуру экспериментального регулирования, так и отдельные федеральные законы, принимаемые для проведения конкретных экспериментов (см., например, федеральные законы «О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха» от 26.07.2019 № 195-ФЗ (ред. от 26.03.2022); «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021); «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционно-

го электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» от 29.05.2019 № 103-ФЗ и др.).

Однако далеко не во всех случаях фактически осуществляемое экспериментальное регулирование официально обозначается как эксперимент.

Ярким примером ситуации, когда проведение формализованного эксперимента было бы затруднено, является правовое регулирование, направленное на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Множество мер, принимавшихся федеральными и региональными органами власти в условиях пандемии, не были частью единой продуманной правовой политики, которая просто невозможна в условиях непредсказуемо развивающихся событий. Выбор мер зачастую осуществлялся путем проб и ошибок, то есть фактически экспериментально. О таком характере регулирования свидетельствуют временные и территориальные ограничения вводимых правил, локальный характер многих из них, возможность, но не обязательность использования положительного опыта регулирования другими регионами.

Важно отметить при этом, что сам термин «эксперимент» в контексте поиска антиковидных мер не употреблялся. И дело не только в том, что должная методика проведения правового эксперимента, как правило, отсутствовала (как будет показано ниже, она зачастую нарушается и в официально проводимых экспериментах). Представляется, что упоминание слова «эксперимент» в кризисной ситуации неуместно по этическим соображениям. У людей, испытывающих стресс от вынужденных ограничений и неизвестных ранее опасностей, подобная риторика может создать впечатление, что государство, не зная, как решить проблему, ставит эксперименты на собственных гражданах [9, с. 36].

Приведенный пример является ярким, но не единственным случаем фактического экспериментального правового регулирования. Можно предположить, что правовое регулирование, осуществляемое для восполнения пробелов в праве, возникающих при появлении новых общественных отношений, часто экспериментальное в широком смысле этого

слова. Законодатель в такой ситуации иногда не стремится сразу устранить пробелы, а, напротив, пробует протестировать варианты регулирования или даже временно отказаться от действующего правового регулирования для развития новых общественных отношений. В первом случае можно говорить о пробном, частичном устранении пробела, а во втором – о поиске удачных вариантов его преодоления, которые могут быть положены в основу будущего правотворческого решения. Такое временное дерегулирование общественных отношений или проверка эффективности альтернативных вариантов регулирования становятся вариантами работы с пробелами в праве, развивающими классические способы их восполнения: устранение и преодоление.

Рассмотренное широкое значение понятия «экспериментальный правовой режим» может использоваться применительно к любой сфере правового регулирования, независимо от особенностей общественных отношений, на которые осуществляется воздействие. Именно в рамках такого широкого подхода экспериментальные правовые режимы предлагается делить на оптимизирующие, прогрессивистские и мобилизационные [3, с. 30–35] в соответствии с различными целями, которые может преследовать правовой эксперимент.

Специфика второго подхода обусловлена исключительно отношениями по внедрению инновационных технологий, поэтому предполагает гораздо более узкое понимание термина «экспериментальный правовой режим». Его значение вытекает из нормативных дефиниций, закрепленных в ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» и в ст. 13 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». В обеих дефинициях данное понятие связывается с установлением специального регулирования, включая отказ от применения обязательных требований. В этом и заключается суть регулятивных песочниц, которые ранее были определены нами как специальные нормативно предусмотренные ограниченные во времени и по своему предмету на-

циональные или международные экспериментальные правовые режимы, направленные на тестирование цифровых инноваций посредством применения к участникам исключений из действующего правового регулирования и реализуемые под контролем законодательно определенного регулятора [13].

Рассматриваемое нормативное значение термина «экспериментальный правовой режим» требует пересмотра его соотношения с понятием «правовой эксперимент» и позволяет заключить, что речь идет о разных по своей природе явлениях.

Суть классического правового эксперимента состоит в апробации юридического решения некой проблемы. Экспериментальные правила вводятся именно для того, чтобы оценить, способны ли они оптимальным путем эту проблему решить. Применение экспериментальных норм, таким образом, составляет основное содержание правового эксперимента, а оценка их потенциальной эффективности – его цель.

Для экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций изменение правового регулирования не является основной задачей. Смысл проведения эксперимента в данном случае лежит вне сферы юридического и заключается в тестировании и апробации технологического решения. Изменение, точнее, временное «блокирование» некоторых правовых нормативов необходимо здесь как внешнее условие для проведения эксперимента технологического.

В теоретическом плане приведенное различие позволяет говорить о том, что понятия «правовой эксперимент» и «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций» применимы к разным этапам процесса правообразования. Представляется, что необходимость проведения правового эксперимента возникает на этапе формализации правовых интересов и идей о том, какие правила необходимы для их удовлетворения. Если общественные запросы на определенное регулирование сформировались, но их формализация в масштабе всей правовой системы кажется слишком революционной, законодатель принимает решение об ограниченном (во времени и/или по территории) внедрении новых правовых норм с целью постепенного и

контролируемого введения их в действие. Как было показано выше, правовой эксперимент выступает в этом случае как один из способов устранения пробела в праве.

Необходимость установления экспериментального правового режима возникает, когда нормы уже формализованы, акты позитивного права прошли должную социализацию, но технологическое развитие вступает с ними в конфликт. Общественные отношения, обусловленные новыми технологиями, еще не сложились настолько, чтобы требовать конкретного нового регулирования. При этом старое регулирование мешает этому развитию и нуждается во временной «заморозке».

Подобная конкретизация содержания и сферы применения экспериментальных правовых режимов существенным образом ограничивает круг правовых явлений, которые могут быть затронуты в рамках их исследования. Например, поиск вариантов мотивации граждан к вакцинированию через позитивные или негативные правовые стимулы может соответствовать признакам правового эксперимента – официально либо фактически проводимого, но не будет рассматриваться как экспериментальный правовой режим в его узком понимании. Гипотетическое же тестирование системы цифровых пропусков может потребовать введения экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, если эта система вступает в конфликт с действующим законодательством о персональных данных.

Таким образом, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций представляет собой специфический правовой институт, не совпадающий по объему и содержанию с тем, что традиционно принято понимать под правовым экспериментом.

Процедура экспериментального правового регулирования

Если между двумя рассматриваемыми понятиями есть что-то бесспорно общее, то это методические требования к порядку проведения и механизму оценки результатов. Важнейшими и общепризнанными из них являются следующие: правовой эксперимент проводится по заранее разработанной про-

грамме, преследует цель проверки той или иной научной гипотезы, предполагает контроль над его осуществлением [2, с. 5]. В этой части нормативные акты, предусматривающие проведение экспериментов, традиционно подвергаются критике. Закона, устанавливающего общие правила экспериментального правового регулирования, в России нет. Соответственно, нормативно-правовой акт, устанавливающий проведение эксперимента, как правило, сам закрепляет (или не закрепляет) цели, а также показатели и способы оценки их достижения, применительно к этому конкретному эксперименту. В итоге проводимый специалистами анализ статистики за период с 1994 по 2019 г. дает следующие результаты [11, с. 32–34]. За это время проведение экспериментов предусматривалось в 24 федеральных законопроектах (принято из них 8), 9 указах президента и 45 постановлениях правительства. При этом цели эксперимента указаны лишь в половине из этих актов (преимущественно в постановлениях правительства), показатели достижения целей – только в одном, механизм оценки эффективности – в 56 %, но, как правило, он сводится к необходимости представления доклада о результатах эксперимента.

Показательно, что если обратиться к двум новейшим (еще не вступившим в действие на момент подготовки статьи) федеральным законам, устанавливающим проведение правовых экспериментов, то в одном из них (Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации») закрепляется необходимость утверждения программы проведения эксперимента с последующим мониторингом ее реализации (ст. 7), а во втором (Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Автоматизированная упрощенная система налогообложения”») – определяются лишь территория и сроки проведения эксперимента без указания его целей и показателей их достижения.

Что касается экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, наличие федерального закона, посвященного не введению конкретного режима, а общему

порядку их установления и функционирования, вселяет определенные надежды на более системное решение вопроса о порядке учета результатов проведенных экспериментов.

В частности, закон предусматривает в качестве обязательных этапов утверждение программы экспериментального правового режима, осуществление его мониторинга, подготовку и порядок рассмотрения отчетов об итогах деятельности в рамках режима, варианты правовых последствий оценки результативности и эффективности его реализации.

В рамках этой общей процедуры уже на уровне подзаконных нормативно-правовых актов устанавливаются требования к инициативному предложению, закрепляется необходимость определить в программе режима его цели, показатели их достижения, периодичность предоставления сведений для мониторинга эффективности и результативности экспериментального правового режима [8], определяются правила проведения такого мониторинга [4].

В соответствии с этим формулируются и утверждаются параметры оценки конкретного экспериментального режима. Основная роль в разработке критериев оценки качества проведенного эксперимента принадлежит инициатору, предлагающему проект программы будущего экспериментального режима, и Правительству РФ, эту программу утверждающему. Утвержденные весной 2022 г. первые три такие программы содержат, в частности, приложения с указанием конкретных количественных показателей, которые должны быть достигнуты в течение каждого года действия режима [5; 6; 7].

Вывод

Вероятно, если данная попытка системного закрепления единой процедуры проведения экспериментов в правовом регулировании и оценки их результатов покажет свою эффективность, то соответствующий алгоритм экспериментального правового регулирования вполне может быть распространен на все проводимые в нашей стране правовые эксперименты. В этом смысле институт экспериментальных правовых режимов может рассматриваться не только как площадка для тестирования цифровых инноваций, но и как способ

апробации самой процедуры правового экспериментирования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках научно-го проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Экспериментальные правовые режимы (Regulatory Sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России».

The chapter was prepared with financial support of the Russian Fund for Fundamental Research. Grant of the RFFR 20-011-00583 A.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыков, Д. В. Блокчейн и другие технологии в системе традиционных государственно-правовых институтов / Д. В. Зыков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 42–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.7>
2. Лазарев, В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права / В. В. Лазарев // *Избранные труды*. – М. : Новая юстиция, 2010. – С. 5–15.
3. Макаров, В. О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19 / В. О. Макаров // *Правоприменение*. – 2021. – № 5 (4). – С. 30–42. – DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).30-42](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42)
4. Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, оценки эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370406/. – Загл. с экрана.
5. Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411811/. – Загл. с экрана.
6. Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 458 «Об установлении эксперименталь-

ного правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412683/. – Загл. с экрана.

7. Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 462 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Камчатском крае, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Чукотском автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412681/. – Загл. с экрана.

8. Приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 755 (ред. от 14.07.2021) «Об утверждении требований к форме и содержанию инициативного предложения об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и проекта программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, а также перечня документов, прилагаемых к инициативному предложению об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.01.2021 № 62131). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374378/. – Загл. с экрана.

9. Расулова, А. М. Развитие цифровизации в современном российском государстве / А. М. Расулова, Д. В. Шепелев, Д. В. Шепелева // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 36–40.

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>. – Загл. с экрана.

11. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / А. А. Ефремов [и др.]. – М. : Дело, 2020. – 126 с.

12. Davydova, M. L. Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia / M. L. Davydova, V. O. Makarov // Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018) / ed. by A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. – Cham : Springer Nature, 2020. – P. 577–584. – (Lecture

Notes in Networks and Systems ; vol. 110). – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68

13. Makarov, V. O. On the Concept of Regulatory Sandboxes / V. O. Makarov, M. L. Davydova // “Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020 / ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi B. – Cham : Springer, 2021. – P. 1014–1020. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 155). – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_112

REFERENCES

1. Zikov D.V. Blokcheyn i drugie tekhnologii v sisteme traditsionnykh gosudarstvenno-pravovykh institutov [Blockchain and Other Technologies in the System of Traditional State and Legal Institutions]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 3, pp. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2021.3.7>

2. Lazarev V.V. K voprosu o ponjatii i predelakh jeksperimenta v oblasti gosudarstva i prava [On the Question of the Concept and Limits of the Experiment in the Field of State and Law]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Novaya yustitsiya Publ., 2010, pp. 5–15.

3. Makarov V.O. Eksperimental'nye pravovye rezhimy mobilizacionnogo vida kak sposob pravovogo regulirovaniya v usloviyah rasprostraneniya COVID-19 [Experimental Legal Regimes of Mobilization Type as a Method of Legal Regulation in the Context of COVID-19 Spread]. *Pravoprimenenie* [Law Enforcement Review], 2021, no. 5 (4), pp. 30–42. DOI: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).30-42](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42)

4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.12.2020 № 2011 «Ob utverzhdenii Pravil monitoringa eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy, otsenki effektivnosti i rezul'tativnosti realizatsii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy, obshchestvennogo obsuzhdeniya voprosov effektivnosti i rezul'tativnosti realizatsii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 2011 Dated December 3, 2020 “On Approval of the Rules for Monitoring the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations Assessing the Effectiveness and Efficiency of the Implementation of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations, Public Discussion of the Effectiveness and Efficiency of the Implementation of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411811/

5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.03.2022 № 309 «Ob ustanovlenii eksperimental'nogo*

pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy i utverzhenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy po ekspluatatsii vysokoavtomatizirovannykh transportnykh sredstv» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 309 Dated March 9, 2022 “On the Establishment of an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation and the Approval of the Program of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation for the Operation of Highly Automated Vehicles”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412683/

6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.03.2022 № 458 «Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy i utverzhenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy po ekspluatatsii bespilotnykh aviatsionnykh sistem v Tomskoy oblasti»* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 458 Dated March 24, 2022 “On the Establishment of an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations and the Approval of the Program of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations for the Operation of Unmanned Aerial Systems in the Tomsk Region”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412681/

7. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.03.2022 № 462 «Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy i utverzhenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy po ekspluatatsii bespilotnykh aviatsionnykh sistem v Kamchatskom krae, Khanty-Mansiyskom avtonomnom okruge – Yugre, Chukotskom avtonomnom okruge i Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge»* [Decree of the Government of the Russian Federation Dated March 24, 2022 “On the Establishment of an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations and the Approval of the Program of the Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovations for the Operation of Unmanned Aerial Systems in the Kamchatka Territory, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Chukotka Autonomous Okrug and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374378/

8. *Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 18.11.2020 № 755 (red. ot 14.07.2021) «Ob utverzhenii trebovaniy k forme i sodержaniyu initsiativnogo predlozheniya ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy i proekta programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy, a takzhe perechnya dokumentov, prilagaemykh k initsiativnomu*

predlozheniyu ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovyykh innovatsiy» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 19.01.2021 № 62131) [Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 755 Dated November 18, 2020 (as amended on July 14, 2021) “On Approval of the Requirements for the form and Content of an Initiative Proposal to Establish an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation and a Draft Program of an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation, and Also the List of Documents Attached to the Initiative Proposal on the Establishment of an Experimental Legal Regime in the Field of Digital Innovation” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on January 19, 2021 No. 62131)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374378/

9. Rasulova A.M., Shepelev D.V., Shepeleva D.V. *Razvitie cifrovizatsii v sovremennom rossijskom gosudarstve* [The Development of Digitalization in the Modern Russian State]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2021, vol. 14, no. 6, pp. 36-40.

10. *Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 258-FZ (red. ot 02.07.2021) «Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law No. 258-FZ Dated July 31, 2020 (as amended on July 2, 2021) “On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>

11. Efremov A.A., Dobroljubova E.I., Talapina Je.V., Juzhakov V.N. *Jeksperimental'nye pravovye rezhimy: zarubezhnyy opyt i rossijskij start* [Experimental Legal Regimes: Foreign Experience and Russian Start]. Moscow, Delo Publ., 2020. 126 p.

12. Davydova M.L., Makarov V.O. *Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia. Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)*. Inshakova A.O., Inshakova E.I. (eds.). Cham, Springer Nature Publ., 2020, pp. 577-584. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 110). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_68

13. Makarov V.O., Davydova M.L. *On the Concept of Regulatory Sandboxes. “Smart Technologies” for Society, State and Economy*. ISC 2020. Popkova E. G., Sergi B. S., eds. Cham, Springer Publ., 2021, pp. 1014-1020. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 155). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_112

Information About the Author

Marina L. Davydova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

Информация об авторе

Марина Леонидовна Давыдова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8392-9592>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.3>

UDC 347.53
LBC 67.404.022

Submitted: 20.03.2022
Accepted: 15.05.2022

ON CIVIL LAW MECHANISMS OF PROTECTING THE RUSSIAN FEDERATION FROM DEFAMATION

Vadim V. Sevostyanov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Oleg A. Mineev

Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the era of the digital economy it is impossible to imagine today's world without mass media, without the Internet, which greatly affect the surrounding reality. There are often cases when many phenomena of modern reality, the ideas of which are available in society, over time have received an interpretation that is fundamentally different from the original one. It is the mass media that plays a huge role in this, which, thanks to the achievements of the digital sphere, literally shape people's consciousness and their way of thinking. The information sphere of public and state life is becoming open and vulnerable to various kinds of fake news and publications, which to a large extent makes it an environment "favorable" for abuse and the commission of offenses. The **purpose** of the study is to substantiate the expediency of introducing into the legislation such concepts as "reputation" and "defamation" in relation to the Russian Federation as a subject of civil law relations, based on repeatedly recurring situations involving the dissemination of defamatory information (defamation) towards it, as well as ensuring that in the conditions of rapid development of the digitalization and digital technologies, Russia could protect such a special kind of intangible good as "reputation". **Methods:** the methodological framework for the study includes the theoretical, comparative legal methods, the method of analysis and synthesis. **Results:** it has been established that currently the issues of ownership of intangible goods and personal non-property rights to them, as well as the participation of the state in personal non-property legal relations are not regulated by law. Considering the provision of Part 1 of Art. 125 of the Civil Code of the Russian Federation which explicitly recognizes but does not clearly specify the personal non-property rights of the state, the study of the participation of the Russian Federation in personal non-property relations as an equal party to civil law relations is relevant. In addition, the current situation and the state of affairs in these public relations relating to personal non-property rights does not allow talking about the equality in the position of the state in comparison with other parties to civil law relations in cases of defamation, stated in Part 1 of Article 124 of the Civil Code of the Russian Federation. The existing legislation does not provide a real opportunity to protect the intangible good of the state from defamation, such as reputation, the rights to which have been violated. **Conclusions:** to prevent negative consequences for Russia that may arise as a result of frequent cases of defamation, it is necessary to ensure the civil protection of Russia's reputation from defamation. It is necessary to take a set of measures: firstly, to legislatively define the term "defamation", to enshrine in the law that Russia as an independent party to civil law relations can be a subject of defamation on an equal basis with citizens and legal entities, and also to define the concept of "reputation" applicable to the Russian Federation.

Key words: digitalization, digital economy, civil offense, business reputation, protection of honor and dignity, defamation.

Citation. Sevostyanov V.V., Mineev O.A. On Civil Law Mechanisms of Protecting the Russian Federation from Defamation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 20-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.3>

УДК 347.53
ББК 67.404.022

Дата поступления статьи: 20.03.2022
Дата принятия статьи: 15.05.2022

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМАХ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ДИФФАМАЦИИ

Вадим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Олег Александрович Минеев

Московский финансово-юридический университет, г. Москва, Российская Федерация

Введение: сегодняшний мир в эпоху цифровой экономики невозможно представить без средств массовой информации, без Интернета, которые очень сильно влияют на окружающую действительность. Часто возникают случаи, когда многие явления современной действительности, представления о которых имеются в обществе, с течением времени получают интерпретацию, принципиально отличную от первоначальной. Именно средства массовой информации играют в этом огромную роль, благодаря достижениям цифровой сферы буквально формируют сознание людей и их образ мышления. Информационная сфера общественной и государственной жизни становится открытой и уязвимой для разного рода фейковых новостей и публикаций, что в немалой степени делает ее средой «благоприятной» для злоупотреблений и совершения правонарушений. **Цель исследования:** обоснование целесообразности введения в законодательство таких понятий, как «репутация» и «диффамация» в отношении Российской Федерации как субъекта гражданско-правовых отношений, исходя из неоднократно повторяющихся ситуаций, связанных с распространением порочащих сведений (диффамацией) по отношению к ней, а также обеспечение того, чтобы в условиях бурного развития цифровизации и цифровых технологий Россия могла защитить такой особый вид нематериального блага, как «репутация». **Методы:** в методологическую основу данного исследования входят теоретический, сравнительно-правовой, метод анализа и синтеза. **Результаты:** установлено, что в настоящее время законодательно не урегулированы вопросы принадлежности России нематериальных благ и личных неимущественных прав на них, а также участия государства в личных неимущественных правоотношениях. Учитывая положение ч. 1 ст. 125 ГК РФ, в которой прямо признаются, но четко не указываются личные неимущественные права государства, актуальным является исследование участия Российской Федерации в личных неимущественных отношениях как равноправной стороны гражданско-правовых отношений. Кроме того, текущее положение и состояние дел в указанных общественных отношениях, связанных с личными неимущественными правами, не позволяет говорить о равенстве в положении государства по сравнению с другими участниками гражданско-правовых отношений по делам о диффамации, заявленной в ч. 1 ст. 124 ГК РФ. Существующее законодательство не предоставляет реальной возможности для защиты от диффамации нематериального блага государства, такого как репутация, права на которую были нарушены. **Выводы:** для предотвращения негативных последствий для России, которые могут возникнуть в результате частых случаев диффамации, необходимо обеспечить гражданско-правовую защиту репутации России от диффамации. Необходимо принять комплекс мер: законодательно определить термин «диффамация», установить в законе, что Россия, как самостоятельный участник гражданско-правовых отношений, может быть субъектом диффамации наравне с гражданами и юридическими лицами, а также нормативно определить понятие «репутация», применимое к Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, гражданское правонарушение, деловая репутация, защита чести и достоинства, диффамация.

Цитирование. Севостьянов В. В., Минеев О. А. О гражданско-правовых механизмах защиты Российской Федерации от диффамации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 20–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.3>

Введение

В эпоху активного развития цифровой экономики и информационных технологий в рамках продолжающегося формирования цифрового общества произошло резкое увеличение потока информации, непосредственно связанной с правами и обязанностями всех субъектов гражданских и иных общественных отношений и, прежде всего, тех отношений, стороной которых является Российская Федерация, что обусловило острую потребность в научном осмыслении влияния цифровизации на эти отношения [10, с. 211].

В связи с этим новые процессы цифровизации и расширения доступа к информации для всех, в том числе получаемой с электронных носителей, привели к возникновению новых рисков, вызовов и угроз информационной безопасности государства [6, с. 6].

К таким вызовам и угрозам, несомненно, можно отнести участвовавшие в последнее время масштабные потоки информации, фейковые новости и публикации, дискредитирующие Российскую Федерацию, в различных частях информационного пространства [2, с. 77]. Такие публикации направлены на разрушение репутации Российской Федерации во всех сферах ее деятельности, например, сознательно искажается и принижается культурный, нравственный, экономический и общий социальный потенциал страны, ставятся под сомнение спортивные достижения России и т. д.

В связи с тем, что часто встречается в средствах массовой информации, Интернете искаженная информация о Вооруженных силах РФ (далее – ВС РФ), был принят Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [11], в котором установлена уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ, а также за публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ.

Принятие указанного закона направлено на предотвращение искусственного формирования у общества искаженных представлений о действиях ВС РФ.

Таким образом, защита информационного пространства от фейковых новостей и публикаций, диффамации и других негативных явлений и процессов в настоящее время является актуальной и стратегической задачей в сфере обеспечения национальных интересов Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики. Это, в свою очередь, требует совершенствования существующих и формирования новых механизмов правового регулирования общественных отношений, а также введения однозначной юридической ответственности за правонарушения в информационной сфере, в которой информационные потоки играют решающую экономическую, социальную и культурную роль, что немаловажно в цифровом обществе.

Понятие и правовая природа диффамации в отечественном и зарубежном законодательстве

В случае диффамации (распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности) между участниками общественных отношений должны возникнуть гражданские правоотношения по охране нематериального блага, принадлежащего лицу, в отношении которого имела место диффамация. Такое правоотношение возникает при желании потерпевшего реализовать свое субъективное право на восстановление своего положения до диффамации [10, с. 211].

Участники указанных правоотношений становятся носителями гражданских прав и обязанностей, и, как отмечает Г.Ф. Шершеневич: «Одно лицо, которому принадлежит право, называется активным субъектом, в противном случае – субъектом права; другое лицо, на котором лежит соответствующая обязанность, называется пассивным субъектом» [12, с. 142]. При этом активным субъектом или субъектом права является потерпевшее лицо, которому причинен вред диффамацией и которое имеет право требовать возмещения причиненного вреда и восстановления своего положения до причинения вреда. Соответственно, пассивным субъектом, несущим надлежащую ответственность, будет лицо, совершившее диффамацию, противоправное поведение которого привело к причинению вреда.

В п. 2 и п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» [9] указываются активные субъекты, которые вправе обращаться с исками о защите чести и достоинства от граждан и юридических лиц, считающих, что в отношении них были распространены клеветнические сведения, не соответствующие действительности. В п. 5 данного Постановления Пленума определены возможные пассивные субъекты ответственности: авторы заведомо ложных, порочащих сведений; лица, распространившие эти сведения; автор и редакция средства массовой информации, в том числе электронные (в случае если была распространена данным СМИ), их учредителей, журналистов и иных лиц, распространивших информацию от их имени в СМИ.

Однако в настоящее время субъектами, фактически затрагиваемыми диффамацией, являются не только физические и юридические лица, но и публично-правовые образования, в частности Российская Федерация, при распространении клеветнических сведений об их деятельности [1, с. 149].

Практические примеры диффамации в отношении Российской Федерации многочисленны. К ним относится, например, серия статей в прессе США о виновности России во вмешательстве в президентские выборы в США 2016 г. [7], серии публикаций об использовании допинга российскими спортсменами и др.

Эти дела о диффамации основаны на непроверенной, ничем не подтвержденной информации, предположениях, домыслах и заведомо выставляют Россию в негативном свете, формируют общий негативный фон вокруг страны, дискредитируют репутацию государства. Чтобы этого не произошло, эти ситуации необходимо правильно решать, не только для сохранения позиций страны на международном уровне, но и для укрепления ее позиций, укрепления репутации страны.

Если Российская Федерация, ее репутация не будут защищены от диффамации, то распространяемая ложная и недостоверная информация будет восприниматься в обществе как правдивая. А это может, в свою очередь,

негативно сказаться на торгово-экономических отношениях России с другими странами, может впоследствии стать основанием для санкций против России, не допустит к участию наших спортсменов в международных спортивных соревнованиях под государственным флагом и т. д. Результатом будет материальный и нематериальный ущерб не только России в международных отношениях и внутри страны, но и всем лицам (физическим и юридическим лицам), находящимся под российской юрисдикцией.

В то же время абзац 4 ст. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам, связанным с защитой чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц» в соответствии с положениями ст. 3–4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой 12 февраля 2004 г. [4], указывает более широкие пределы допустимой критики в адрес государства и должностных лиц для обеспечения публичного и ответственного осуществления ими своих полномочий, что может позволить сделать мнимые выводы о том, что любая порочащая и недостоверная информация против России может распространяться безнаказанно, а также вывод о том, что государство не имеет права на защиту в случаях диффамации.

Однако, на наш взгляд, следует, с одной стороны, различать обоснованную критику государства и его должностных лиц, а с другой стороны, необоснованное и преднамеренное распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности, относительно деятельности государства.

Согласно общепринятому пониманию, критика представляет собой отрицательное оценочное суждение о чем-либо, акцентирование внимания на недостатках. То есть критика – это объективная оценка уже имевших место событий и явлений. Даже при наличии обоснованной критики или негативной оценки деятельности государства такое суждение можно считать правомерным, если оно объективно. Но, когда критика основывается на оценке необъективной и заведомо порочащей деятельности государства или основана на непроверенной информации, не соответствующей

действительности, такую критику нельзя считать приемлемой. Следовательно, в этих ситуациях редакции средств массовой информации, в том числе редакции электронных СМИ, главный редактор и журналист должны нести ответственность за свои действия по делам о диффамации государства, основанные либо на заявлениях о фактах или событиях, не имеющих места в действительности и носящих порочащий характер, либо оценочные суждения (мнения), основанные на этих фактах или событиях, либо такие оценочные суждения носят явно предвзятый, нелогичный и прямо направленный на очернение репутации государства.

Нельзя также согласиться с позицией, выраженной в ст. 39 Постановления Европейского суда по правам человека от 08.10.2009 г. № 11751/03 по делу «Романенко и другие против Российской Федерации», а также в отчете об исполнении обязательств и ответственности Российской Федерации в Комиссию по наблюдению Парламентской ассамблеи Совета Европы, № 10568 от 3 июня 2005 г. (п. 389, 392–393), что «возможность предъявления исков к СМИ и журналистам со стороны органов государственной власти должна быть исключена, поскольку последние не могут сами по себе обладать такими качествами, как достоинство, честь или репутация» [8].

Однако возможность Российской Федерации быть равноправным субъектом гражданско-правовых отношений как имущественных, так и личных неимущественных, наряду с другими участниками этих отношений – физическими и юридическими лицами – и наравне с этими участниками закреплена в ч. 1 ст. 2 ГК РФ и в ч. 2 ст. 124 ГК РФ [3].

Относительно участия Российской Федерации в имущественных правоотношениях и обладания ею вещными правами вопрос решен законодательно. При этом вопросы принадлежности России нематериальных благ и личных неимущественных прав на них, а также участия государства в личных неимущественных правоотношениях в настоящее время практически не изучены и законодательно не урегулированы. Это связано с распространенным в доктрине особым подходом о принадлежности нематериальных благ и личных неимущественных прав к физическим и юри-

дическим лицам, а также с тем, что публично-правовой характер России как публично-правового образования затмевает его гражданско-правовой статус.

В этой части в настоящее время весьма актуальным является исследование участия Российской Федерации в личных неимущественных отношениях как равноправной стороны гражданско-правовых отношений, учитывая положение ч. 1 ст. 125 ГК РФ, в которой прямо признаются, но четко не указываются личные неимущественные права государства.

На основе анализа законодательства можно обозначить право на защиту деловой репутации (п. 11 ст. 152 ГК РФ), вытекающее из положения п. 1 ч. 2 ст. 124 ГК РФ, согласно которому «к субъектам гражданского права, указанным в п. 1 настоящей статьи (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономные округа, автономная область, а также городские и сельские поселения и иные муниципальные образования), применяются правила, регулирующие участие юридических лиц в отношениях, установленных гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей этих субъектов» [3].

Но могут быть и другие права, например право на репутацию по делам о диффамации в отношении России в сферах ее деятельности, не связанных непосредственно с предпринимательской и иной экономической деятельностью, не связанных с деловой репутацией, но имеющих общесоциальный характер.

Такое положение и современное состояние дел в названных общественных отношениях, связанных с личными неимущественными правами, не позволяет говорить о равенстве в положении государства по сравнению с другими участниками гражданско-правовых отношений по делам о диффамации, заявленной в ч. 1 ст. 124 ГК РФ [3]. Существующее законодательство не предоставляет реальной возможности для защиты от диффамации нематериального блага государства такого, как репутация, права на которую были нарушены.

Результатом диффамации являются негативные материальные или нематериальные

последствия для государства. Любые гражданские права, в том числе права государства как субъекта гражданско-правовых отношений, могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов и других, обеспечивающих оборону страны и безопасность государства, что следует из ч. 2 ст. 1 ГК РФ [3].

Во многих государствах поддерживается на законодательном уровне позиция «защиты от диффамации». Так, в каждом штате США разработаны свои законы о диффамации, а термин «диффамация» означает «выявление ложных сведений, порочащих честь и достоинство лица или компании» [13, с. 114]. Кроме того, в Великобритании, Сингапуре действуют специальные законы о диффамации.

Исходя из положений гражданского права, знаний международного права, положений судебной практики, правовой доктрины, возникает необходимость законодательного определения такого понятия, как «репутация» – отдельного вида нематериальных активов, который выступает в отечественном законодательстве в качестве предмета гражданского права, необходимость законодательного определения такого понятия, как «диффамация» – особый вид гражданско-правового правонарушения, а также закрепление в качестве равноправного субъекта – Российской Федерации, которые, наряду с физическими и юридическими лицами, также могут быть жертвой диффамации [10, с. 214].

Выводы

Исходя из вышеизложенного, представляется, что для предотвращения негативных последствий для России, которые могут возникнуть в результате частых случаев диффамации, необходимо обеспечить гражданско-правовую защиту репутации России от диффамации.

Для этого необходимо, прежде всего, законодательное определение термина «диффамация». Определение клеветы как «распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности», содержащееся в

ст. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц», упомянутое в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, является узким и не отражает все особенности этого явления, которые могут гарантировать защиту потерпевшей стороне [5, с. 135]. Кроме того, нельзя согласиться с тем, что понятие «диффамация» отождествляется с конкретной нормой права (норма ст. 152 ГК РФ), поскольку наличие тождества подразумевает полное совпадение.

Использование термина «диффамация» в российском законодательстве и его нормативное закрепление именно в этом значении, безусловно, необходимо, исходя из широкого использования этого общепринятого юридического термина в большинстве зарубежных стран и в международном праве, например, в постановлениях Европейского суда по правам человека.

Таким образом, если речь идет о защите личных неимущественных прав в случаях распространения недостоверных, порочащих сведений, например в отношениях с иностранным элементом или за пределами территории нашей страны термин «диффамация» должен быть определен в законе для обеспечения его общепринятого понимания, в том числе и нерезидентами, чтобы его можно было защитить наиболее эффективно и чтобы это было легче сделать.

Кроме того, необходимо законодательно определить, что Россия, как самостоятельный участник гражданско-правовых отношений, может быть субъектом диффамации наравне с гражданами и юридическими лицами. Невыполнение этого требования приведет к постоянным разногласиям на всех уровнях (законодательном, доктринальном, правоохранительном) о том, имеет ли государство право и способность защищать себя в случаях диффамации, чего ни в коем случае нельзя допускать в настоящее время, когда диффамация против нашей страны крайне распространена.

Считаем также необходимым нормативно определить такое нематериальное благо,

как репутация, которым может обладать такой субъект гражданско-правовых отношений, как Россия, который может пострадать от клеветнических посягательств в отношении него.

Если диффамация касается сферы бизнеса, экономической сферы, то следует говорить о защите «деловой репутации». Если нарушение касается какой-либо другой сферы, то затронутым нематериальным благом будет являться «репутация» России, относящаяся к более широкой сфере общественных отношений, включающей в себя общесоциальную оценку деятельности государства, а не только оценку бизнеса и другие виды экономической деятельности.

Понятие «репутация», наряду с «диффамацией», также является распространенным термином в западных правовых системах, когда речь идет об идентификации нематериального блага, затронутого диффамацией. И в связи с этим использование понятия «репутация» также будет способствовать цели защиты от диффамации личных неимущественных прав Российской Федерации.

В делах о диффамации в отношении Российской Федерации важно быстро и эффективно реагировать, защищать личные неимущественные права государства, для чего необходимо принимать комплекс мер, в том числе правовых. Если этого не сделать, положение нашей страны с большим потоком недостоверной информации будет дестабилизировано, а ее репутация в глазах мировой общественности понизится, что, в свою очередь, сформирует негативное отношение к российским гражданам и организациям, так как существует очевидное взаимовлияние репутации государства на репутацию граждан и организаций.

Таким образом, с целью предотвращения огромных убытков, которые могут понести российские компании из-за нежелания иностранных компаний сотрудничать с ними в торгово-экономической сфере из-за их связи с российской юрисдикцией, необходимо ввести в гражданское законодательство термины «диффамация» и «репутация» и дать им соответствующее определение, а также закрепить тот факт, что Российская Федерация может быть субъектом диффамации наряду с физическими и юридическими лицами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова, Е. Б. Зарубежный опыт правового обеспечения защиты чести, достоинства и деловой репутации / Е. Б. Абакумова, А. В. Комиссаров, Д. Ю. Тарасов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 148–154.
2. Буткевич, С. А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации / С.А. Буткевич // Юристъ – Правоведъ. – 2021. – № 2 (97). – С. 74–79.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Российская газета. – 1994. – 8 дек. (№ 238–239).
4. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ от 12 февраля 2004 года // База данных российской судебной практики по информационному праву. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://media-pravo.info/law/128> (дата обращения: 11.03.2022). – Загл с экрана.
5. Институт диффамации в гражданском праве / В. Н. Гаврилов [и др.] // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 135–139.
6. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lejvolsu.2019.4.1>
7. Как Россию обвиняли во вмешательстве в американские выборы. Досье // Офиц. сайт информ. агентства ТАСС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/4324773> (дата обращения: 11.03.2022). – Загл с экрана.
8. Постановление ЕСПЧ от 08.10.2009 «Дело «Романенко и другие (Romanenko and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 11751/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 4.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
10. Тельнов, А. В. Российская Федерация как участник диффамационных гражданско-правовых отношений / А. В. Тельнов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 211–215.
11. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2022. – 9 мар. (№ 49).

12. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : СПАРК, 1995. – 556 с.

13. Ястребов, В. В. Распространение ложных, неверных сведений, порочащих честь и достоинство лица или компании по законодательству США / В. В. Ястребов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2018. – Т. 17, №4. – С. 113–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2018.4.16>

REFERENCES

1. Abakumova E.B., Komissarov A.V., Tarasov D.J. Zarubezhnyj opyt pravovogo obespechenija zashhity chesti, dostoinstva i delovoj reputacii [Foreign Experience in Legal Support for the Protection of Honor, Dignity and Business Reputation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2021, vol. 5, no. 2, pp. 148-154.

2. Butkevich S.A. Fejk-njus i media: problemy differenciacii i penalizacii [Fake News and Media: Problems of Differentiation and Penalization]. *Jurist – Pravoved*, 2021, no. 2 (97), pp. 74-79.

5. Gavrilov V.N., Sirotin A.A., Fokin D.D., Akinina S.S., Bagaev I.Z. Institut diffamacii v grazhdanskom prave [Institute of Defamation in Civil Law]. *Juridicheskaja nauka* [Legal Science], 2021, no. 5, pp. 135-139.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 25.02.2022) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) Dated November 30, 1994 (As Amended on February 25, 2022)]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 1994, December 8, no. 238-239.

4. *Deklaracija o svobode politicheskoi diskussii v SMI ot 12 fevralja 2004 goda* [Declaration on Freedom of Political Debate in the Media of February 12, 2004]. *Baza dannyh rossijskoj sudebnoj praktiki po informacionnomu pravu* [Database of Russian Judicial Practice on Information Law]. URL: <https://media-pravo.info/law/128> (accessed 11 March 2022).

6. Inshakova A.O. Pravo i informacionno-tehnologicheskie preobrazovanija obshhestvennyh otnoshenij v uslovijah industrii 4.0 [Law and Information Technology Transformations of Public Relations in Industry 4.0]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2019.4.1>

7. Kak Rossiiju obvinjali vo vmeshatelstve v amerikanske vybory. Dose [How Russia Was Accused of Interfering in the American Elections. Dossier]. *Ofic. sajt inform. agentstva TASS* [TASS]. URL: <https://tass.ru/info/4324773> (accessed 11 March 2022).

8. Postanovlenie ESPCh ot 08.10.2009 «Delo «Romanenko i drugie (Romanenko and Others) protiv Rossijskoj Federacii» (zhaloba № 11751/03) [Judgment of the European Court of Human Rights Dated 08.10.2009 “The Case of Romanenko and Others v. The Russian Federation” (Complaint No. 11751/03)]. *Bjulleten Evropejskogo Suda po pravam cheloveka* [Bulletin of the European Court of Human Rights], 2010, no. 4.

9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 № 3 «O sudebnoj praktike po delam o zashhite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoj reputacii grazhdan i juridicheskij lic» [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 “On Judicial Practice in Cases of Protecting the Honor and Dignity of Citizens, as Well as the Business Reputation of Citizens and Legal Entities”]. *Bjulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2005, no. 4.

10. Telnov A.V. Rossijskaja Federacija kak uchastnik diffamacionnyh grazhdansko-pravovyh otnoshenij [The Russian Federation as a Participant in Defamatory Civil Law Relations]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2021, no. 9 (160), pp. 211-215.

11. Federalnyj zakon ot 04.03.2022 № 32-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stati 31 i 151 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 32-FZ dated March 4, 2022 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], 2022, March 9, no. 49.

12. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniju 1907 g.)* [Textbook of Russian Civil Law (According to the Edition of 1907)]. Moscow, SPARK Publ., 1995. 556 p.

13. Jastrebov V.V. Rasprostranenie lozhnyh, nevernyh svedenij, porochashhih chest i dostoinstvo lica ili kompanii po zakonodatelstvu SSHA [Distribution of False, Incorrect Information Discrediting the Honor and Dignity of a Person or Company Under Us Law]. *Pravovaya paradihma* [Legal Concept], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 113-116.

Information About the Authors

Vadim V. Sevostyanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, vad1705@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Oleg A. Mineev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Moscow University of Finance and Law, Vvedenskogo St, 1A, 117342 Moscow, Russian Federation, oleg.mineev.67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5101-7281>

Информация об авторах

Вадим Владимирович Севостьянов, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, vad1705@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Олег Александрович Минеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет, ул. Введенского, 1А, 117342 г. Москва, Российская Федерация, oleg.mineev.67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5101-7281>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.4>

UDC 349.6
LBC 67.407

Submitted: 29.04.2022
Accepted: 15.06.2022

ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS AS A CRITERION OF ESG AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Oksana I. Sharno

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
The Lawyer Chamber of the Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the context of a sanctioned foreign policy, which includes the possibility of abandoning Russian energy carriers, in addition to risks, some opportunities for sustainable development and implementation of ESG strategies are revealed. The innovative green projects in the interests of the Russian Federation are implemented for sustainable development mainly by the business community, whose responsibility is interpreted in the context of ESG criteria. The **purpose** of the study: to substantiate the concept of environmental responsibility of business as a criterion of ESG and sustainable development. **Methods:** the research was carried out by means of a set of methods of scientific cognition, namely, analysis (the analysis of concepts, identification of their signs, traits) and synthesis (the generalization of debatable conclusions, contrasted definitions), the method of analogies, by which the characteristics of the studied theses and definitions were projected onto legal relations. The preparation of the paper required the use of special legal research methods, such as formal legal and comparative legal. **Results:** ESG as a new trend and category is correlated in content with the sustainable development goals. The principles of ESG and sustainable development are implemented in Russia taking into account the local peculiarities. The ESG criteria are data that capture the measure of responsibility of business in the environmental protection field. The environmental responsibility of business as a type of environmental responsibility is a responsible approach of business to nature protection not out of fear of being held liable, but on the basis of the calculations of stimulating indicators, positive factors. The environmental responsibility of business, in this sense, becomes a value criterion, an incentive for the use of green technologies, innovative “clean” business models and can be attributed to the criteria of ESG and sustainable development. **Conclusions:** the environmental responsibility of business as an ESG criterion is achieved by external and internal factors, requires the state participation, achieving environmental transparency, improving environmental insurance, developing a system of taxonomy and criteria assessment.

Key words: environmental responsibility of business, ESG, sustainable development goals, green technologies, environmental transparency, environmental insurance, green taxonomy.

Citation. Sharno O.I. Environmental Responsibility of Business as a Criterion of ESG and Sustainable Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 29-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.4>

УДК 349.6
ББК 67.407

Дата поступления статьи: 29.04.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК КРИТЕРИЙ ESG И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Оксана Игоревна Шарно

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Адвокатская палата Волгоградской области, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в условиях санкционной внешней политики, включающей возможность отказа от российских энергоносителей. помимо рисков, обнаруживаются возможности устойчивого развития и реализации ESG-стратегий. Инновационные зеленые проекты в интересах Российской Федерации реализуются в целях устойчивого развития преимущественно бизнес-сообществом, ответственность которого интерпретируется в разрезе

критериев ESG. **Цель исследования:** обосновать концепцию экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития. **Методы:** исследование проведено посредством совокупности методов научного познания, а именно анализа (разбора понятий, выявления их признаков, черт) и синтеза (обобщение дискуссионных выводов, противопоставляемых определений), метода аналогий, с помощью которого характеристики исследуемых тезисов, определений проецировались на правовые отношения. Подготовка статьи потребовала применения специальных правовых методов исследования, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** ESG как новая тенденция и категория соотносима по содержанию с целями устойчивого развития. Принципы ESG и устойчивого развития реализуются в России с учетом локальных особенностей. Критерии ESG есть данные, фиксирующие меру ответственности бизнеса в области защиты окружающей среды. Экологическая ответственность бизнеса как вид экологической ответственности является ответственным подходом бизнеса к охране природы не из опасения быть привлеченным к ответственности, а на основании расчетов стимулирующих показателей, позитивных факторов. Экологическая ответственность бизнеса в этом значении становится ценностным критерием, стимулом для применения зеленых технологий, инновационных «чистых» моделей ведения бизнеса и может быть отнесена к критериям ESG и устойчивого развития. **Выводы:** экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG достигается внешними и внутренними факторами, требует участия государства, достижения экологической транспарентности, совершенствования экологического страхования, развития системы таксономии и критериальной оценки.

Ключевые слова: экологическая ответственность бизнеса, ESG, цели устойчивого развития, зеленые технологии, экологическая транспарентность, экологическое страхование, зеленая таксономия.

Цитирование. Шарно О. И. Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG и устойчивого развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.4>

Введение

В условиях инновационной трансформации современного общества, санкционной весны 2022 г., нельзя забывать об экологической безопасности, благополучии человека, охране окружающей среды, устойчивом развитии. Целесообразно не приостанавливать, а модернизировать имеющиеся, внедрять инновационные зеленые проекты в интересах Российской Федерации, преимущественно, когда трансграничное сотрудничество оказалось под угрозой, несмотря на то что охрана трансграничных объектов (Ладонезское озеро, Байкал, Арктика и др.) не может осуществляться изолированно, а углеродный след требует минимизации путем внедрения экологических проектов, реализуемых за счет межгосударственного взаимодействия и зеленого финансирования. Ослабление системы защиты окружающей среды в условиях экологических рисков за счет снижения поставок зарубежного оборудования в мусороперерабатывающей (используются иностранные инструменты) и нефтяной отрасли (производится модернизация оборудования за счет международных технологий) в актуальных условиях политики отказа от российских энергоносителей обнаруживает, помимо рисков, безусловные

возможности. Речь идет о продолжении таких экологических проектов, как Национальный проект «Экология до 2030 года» [9], включающего Федеральный проект «Чистый воздух» (прогнозирует кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха не менее 20 % до 2024 г. в крупных городах; снижение выбросов опасных загрязняющих веществ до 2030 г., а также 473 млрд внебюджетных средств, направленных на экологическую модернизацию предприятий [6]), а также «Реформу чистоты», предполагающую распространение политики раздельного сбора отходов, создание цивилизованной системы сбора мусора. К прогнозируемым возможностям следует причислить снижение избыточного потребления (сокращение спроса), развитие циклической экономики, включая внедрение циклических бизнес-моделей, реализуемых через распространение вещей, используемых повторно либо долгосрочно, оптимизацию перестраиваемых процессов, расширение осведомленности о зеленых практиках и их изучение. Подобные тенденции, помимо рисков, обеспечивают реализацию целей устойчивого развития России, соответствие экономических рычагов и моделей критериям ESG, повышают экологическую ответственность бизнеса.

Критерии ESG, устойчивое развитие, экологическая ответственность

В переводе с английского ESG (Environmental, Social, Governance) – ‘экология’ (ответственное отношение к окружающей среде), ‘социальная политика’ (высокая социальная ответственность), ‘корпоративное управление’ (высокое качество корпоративного управления). ESG – это универсальный язык, на котором говорит мир, аббревиатура, символизирующая комплекс приоритетов, сформулированных в 2006 г. по просьбе бывшего генерального секретаря ООН Кофи Аннана, принципы, которые ложатся в основу стратегического управления в целях устойчивого развития и борьбы с изменением климата, посредством которых инвесторы выбирают объекты для инвестирования, это развивающееся направление в государственном и бизнес-управлении, праве. Применение данной аббревиатуры в этой связи не просто целесообразно, но необходимо, так как в ближайшем будущем мировые фонды прекратят инвестирование компаний, игнорирующих постулаты устойчивого развития, что скажется на экономическом уровне и создаст угрозу экологической безопасности.

ESG как новая тенденция и категория соотносима по содержанию с целями устойчивого развития (далее – ЦУР) (17 направлений), установленными в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН для достижения к 2030 г. [8], из которых:

– «E» соотносимо с такими ЦУР, которые касаются чистой воды, энергии и санитарии (№ 6, 7), ответственного потребления и производства (№ 12), изменения климата (№ 13), сохранения экосистем моря и суши (№ 14, 15), качественного образования (№ 4);

– «S» можно сопоставить с ликвидацией нищеты, голода (№ 1, 2), здоровьем и благополучием (№ 3), сокращением неравенства, обеспечением мира и правосудия (№ 5, 10, 16);

– «G» характеризует такие ЦУР, как достойная работа и экономический рост (№ 8), промышленность, инновации, инфраструктура (№ 9), партнерство в интересах устойчивого развития (№ 17).

ESG характеризуется тремя категориями: 1) экологической, предопределяющей заботу

компаний об окружающей среде и сокращение ущерба, наносимого природе; 2) социальной, демонстрирующей отношение компании к персоналу, контрагентам, инвестициям в социальные проекты, требованиям действующего законодательства; 3) управленческой (экономической), обеспечивающей эффективный менеджмент компаний, антикоррупционную политику.

Данные направления (экономическое, социальное и экологическое) легли в основу Глобального договора ООН, регламентирующего основополагающие принципы в сфере прав человека, трудовых отношений, защиты окружающей среды и противодействия коррупции, отражающие концепцию устойчивого развития [2]. Глобальный договор ООН реализуется в России с учетом принципа «Making Global Coals Local Business», согласно которому стороны, присоединившиеся к договору, имея различные возможности и ресурсы, достигают глобальной устойчивости через локальные особенности. В Российской Федерации создана Ассоциация «Национальная сеть участников Глобального договора по внедрению в деловую практику принципов ответственного ведения бизнеса», перед которой поставлена цель реализовать принципы ESG в деятельности компаний, реализующих проекты направленные на достижение ЦУР [4].

Критерии ESG – это ценностные критерии, на которые следует ориентироваться при ведении бизнеса как на реалии, обусловленные экономическим и экологическим развитием. Данные категории ложатся в основу ESG-рейтинга, по которому компании оцениваются по критериям ESG (стобалльная шкала).

Относительно «экологического» критерия-ESG, применяемого в ESG-рейтингах, следует отметить, что это не столько количественные показатели, сколько данные, фиксирующие меру ответственности бизнеса в области защиты окружающей среды, соблюдения экологических прав, минимизации неиспользуемых природных ресурсов, формируемых в недрах земной коры: нефть, газ, различные виды руд, минералы, строительные материалы (песок, щебень, глина, ракушечник, различные осадочные породы), мел, горючие сланцы, водород, и других, а также в разрезе снижения энергопотребления за счет применения зеленых технологий и энергоперехода.

Экологическая ответственность бизнеса является межотраслевой. Это объясняется тем, что институт экологической ответственности выступает предметом различных отраслей права – конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового, земельного и др. Межотраслевой характер ответственности за экологические правонарушения является основанием ее классификации и деления на следующие виды: уголовную, административную, гражданско-правовую или имущественную (материальную), которые, в зависимости от степени вредности (опасности) наступивших последствий, могут быть подразделены на: проступки (гражданские, административные) и преступления. Представленное разграничение экологической ответственности на виды нормативно закреплено. Примером могут служить ст. 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды»; гл. 8 Земельного кодекса Российской Федерации; ст. 99 Лесного кодекса Российской Федерации; ст. 68 Водного кодекса Российской Федерации; ст. 31 Федерального закона Российской Федерации «Об охране атмосферного воздуха». Аналогичные предписания содержат иные федеральные законы в области охраны окружающей среды (совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов).

Исходя из видового разграничения, экологическая ответственность характеризуется как способность лица претерпевать санкции за допущенные нарушения экологического законодательства (определение автора. – *О. Ш.*), так как «юридическая ответственность – это специфическая обязанность претерпевания соответствующих лишений личного или материального характера за совершенное правонарушение в соответствии с санкцией нарушенной нормы права» [3].

Экологическая ответственность бизнеса содержательно отражает ответственное отношение к природе и окружающей среде [1].

Анализ понятия, значения и видов экологической ответственности позволяет прийти к выводу о наличии такого вида экологической ответственности, как зеленый подход бизнеса к охране природы не из опасения быть привлеченным к уголовной, административной, гражданско-правовой и иной ответственно-

сти, а на основании расчетов стимулирующих показателей, позитивных факторов. Негативное воздействие на окружающую среду или ее загрязнение, причинение экологического вреда, влекущее экологическую ответственность, становятся невыгодными. Экологическая ответственность бизнеса в этом значении становится ценностным критерием, стимулом для применения зеленых технологий, инновационных «чистых» моделей ведения бизнеса и может быть отнесена к критериям ESG и ЦУР.

Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG должна отвечать следующим принципам Глобального договора ООН [2]:

- принцип 7. Бизнес ответственно поддерживает подход к экологическим вопросам, основываясь на принципе предосторожности;
- принцип 8. Бизнес принимает инициативы, направленные на повышение ответственности за состояние окружающей среды;
- принцип 9. Бизнес содействует развитию и распространению экологически безопасных технологий.

Целью экологической ответственности бизнеса как критерия ESG становится снижение углеродного и прошлого экологического следа, экологизация традиционных энергоресурсов (нефть, газ, уголь), действующих технологий (достижение углеродной нейтральности), расширение и развитие зеленой альтернативы, зеленых био- и иных технологий (ветер, солнце, вода).

Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG и устойчивого развития

Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG и ЦУР посредством ответственного отношения к природе и охране окружающей среды, зеленого поведения, применения зеленых технологий и стратегий достигается внешними и внутренними факторами.

К внешним факторам достижения экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития относятся:

1. Государственно-правовая политика и стимулирование бизнеса.

Охрана окружающей среды сегодня важна как основополагающее направление госу-

дарственного и национального развития, в связи с чем проекты, обеспечивающие реализацию ESG, поддерживаются на государственном уровне путем принятия направленных на обеспечение качества жизни граждан программ и проектов, таких как Национальный проект Экология, Национальные цели развития до 2030 г. и др. При этом оставлять повестку ESG без развития государство не должно, на нее следует ориентировать все критические технологии, которые не могут быть применены без ветропарков, солнечной энергии, что обеспечивает экономику зеленым потенциалом и погашает углеродный след. Особенным представляется то, что «бремя» энергоперехода в том виде, в котором это представлено в европейской повестке, в России и в азиатских странах возможно с учетом локальных предпочтений и реализации вышеназванного принципа «Making Global Coals Local Business». Положительно отмечать и «клонировать» с учетом региональных особенностей, распространять зеленый опыт регионов (Сахалина, Камчатки: ответственное рыбовоспроизводство, экологический туризм, логистика северного морского пути, Арктика и ее устойчивость и др.), реализующих концепции ESG и ЦУР. Опыт Сахалина следует заимствовать. По мнению Светланы Бик, озвученному на ежегодной онлайн-конференции цикла «ESG – охрана окружающей среды» 27.04.2022 г. в г. Санкт-Петербург, увлечение аббревиатурой ESG без смысла не оправдано, доминантой ESG является климатическая повестка, глобально энергетический переход требует порядка 20 трлн руб., пока удалось привлечь от 1 до 3 трлн руб. за более чем 10 лет привлечения зеленых облигаций, поэтому необходимо избавиться от иллюзий и справиться с теми амбициями, которые были приняты подписанием международных обязательств. Следует сосредоточиться на направлении бюджетных средств на развитие экологического производства (направлять денежные средства именно на сложные бизнесы и ресурсы (уголь)) и «коричневое» делать «зеленым», заниматься экологизацией существующих энергоресурсов, например угля, совершенствовать ESG-методологию. В этой связи перед государством стоят задачи по созданию и развитию специализированных площадок, спо-

собных заниматься разработкой национальных стандартов ESG (например, экологического строительства для полигонов с ТКО), развитием сертификации зеленых технологий в целях экологизации. Следует отказаться от разделения экономики на «способную к экологизации» и «не способную к озеленению».

2. Регулятивная и нормативная практика.

С позиции экологической ответственности как критерия ESG следует диагностировать излишнюю громоздкость и бюрократичность действующего законодательства в области охраны окружающей среды. С одной стороны, мы наблюдаем совершенствование нормативной практики, с другой – диагностируем проблемы нормативной регламентации. Так, принято Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587, утвердившее критерии проектов устойчивого развития. Однако упоминание о наилучших доступных технологиях (далее – НДТ) в указанном постановлении отсутствует, несмотря на то что в Распоряжении Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р, концептуально определившем основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития, НДТ как критерий «зеленых» проектов содержался [7]. Вместе с тем данным постановлением разработан набор критериев, так называемая зеленая таксономия, по которым проект может быть признан экологичным. Следует и дальше развивать ESG-индекс рейтинги и ренкинги, это логичный путь к озеленению. При таких обстоятельствах следует стремиться устранять нормативные барьеры в целях реализации зеленых технологий и повышения экологической ответственности бизнеса. В частности, представителям бизнеса предлагается «облегчить» регулирование земельных отношений для ветропарков без перевода земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда, чему следует дать качественную регуляторную оценку.

3. Зеленое образование и экологическая культура.

Возможность существования экологической ответственности бизнеса зависит от наличия экологически устойчивого мышления. В этой связи представляется необходимым развивать национальные центры компетенций (например, Центр устойчивого развития Южного федерального университета), которые будут обучать и совершенствовать управлен-

ческий и предпринимательский потенциалы, воспитывать и образовывать молодежь и будущих, а также действующих специалистов через бакалавриат и магистратуру, подготовку кадров, изучение международной практики и национальных стандартов. При этом систему зеленого образования следует строить на стыке трех направлений:

- экологии, формирующей представление о взаимодействии общества, человека и природы (тенденция теории антропоцентризма);
- экономики, обучающей как нужно развиваться в целях ESG и устойчивого развития;
- права, представляющего понимание об экологических нормах и правоведении за тем, чтобы два первых направления реализовывались.

4. Международное сотрудничество и взаимодействие.

Актуальным представляется сотрудничество, основанное на развитии трансграничного устойчивого взаимодействия по повышению экологической эффективности, в том числе на площадках СНГ, а также обеспечивающее внедрение и финансирование зеленых технологий.

5. Инвестиционно-правовая политика.

Данное направление с позиции экологической ответственности бизнеса должно базироваться на возможности оценки и предвидения экологических рисков, что выражается в выявлении тех компаний, которые создают угрозу экологии и не стремятся к экологической транспарентности и ESG-развитию, а также проектов, потенциально экологически не выгодных. Следует развивать экономические программы по повышению экологической эффективности, создавать систему зеленого и климатического финансирования. Реальный бизнес-сектор нужно связывать с зелеными облигациями, в основе которых лежит зеленая таксономия (критериальная оценка «нуждающихся») и методология, экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG). Уже сегодня кредитные организации финансируют зеленые технологии с учетом зеленой таксономии. Например, ответственное зеленое финансирование является одной из ключевых задач ESG-стратегии ПАО Сбербанк России, которая выражается в зеленом кредитовании организаций, стремящихся проводить политику, направленную на сокращение негативного воздействия на окружающую сре-

ду, то есть политику ответственного экологического и устойчивого отношения к бизнесу. Все развитые страны идут от обязательного страхования к добровольному, над этим нужно работать вместе с законодателем, а не возлагать все на «озеленение», за которое заплатит население. Озеленение бизнеса путем финансовых инструментов направлено на то, чтобы предприниматель стал ESG-ответственным, осознающим, что, когда общественно-экономическая формация ставит задачей максимизацию прибыли и эксплуатирует природу, так как это недопустимо в устойчивом развитии, его реальное положение станет уязвимым.

Внутренними факторами достижения экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития являются следующие:

1. Экономико-управленческая составляющая бизнеса, социальные и экологические факторы в их взаимосвязи: трансформация бизнеса с позиции ESG, реализация стратегий устойчивого развития, объединяющих в единстве целей экологию, социальные аспекты и управление, где E-критериями выступают экологическая политика, воздействие на атмосферный воздух, водные объекты и земельные ресурсы, снижение НВОС, зеленые проекты, зеленый офис (экологические системы); S-критериями являются корпоративная социальная ответственность, оплата труда, социальная защищенность и профессиональное развитие, охрана труда и производственная, пожарная безопасность, работа с клиентами и контрагентами; к G-критериям относятся деловая репутация, стратегия и система развития, степень защиты и транспарентности.

2. Экологические стратегии и зеленые технологии. Важно отметить, что любая компания должна осознавать экологическую ответственность бизнеса и реализовывать ESG-повестку без амбиций, достигая целей по минимизации и погашению углеродного следа. В этой связи бизнес должен строиться с учетом программ по повышению экологической эффективности. Задача, стоящая перед руководством бизнеса по реализации экологических программ и проектов, состоит в том, что базовые потребности бизнеса должны быть сохранены, однако должны отвечать принци-

пам устойчивого развития. В особенности энергоемкие предприятия, выпускающие металл, цемент, стекло, а также предприятия по добыче и обработке невозобновляемых природных ресурсов, обязаны показать, как они напрямую реализуют зеленую экономику, достигают экологизации существующих энергоресурсов, демонстрируя экологически устойчивое мышление. При этом средства (от прибыли или зеленого финансирования) должны направляться на экологизацию производства и его перевод на экологические технологии, что должно быть отражено в Целях таксономии для каждой компании. Достижение экологической ответственности бизнеса без экологической транспарентности невозможно.

Выводы

Следует подчеркнуть, что экологическая ответственность бизнеса (экологически ответственное зеленое поведение) как критерий ESG и устойчивого развития при отсутствии механизмов распределения сфер ответственности на государственном уровне не достижима. Повестка ESG и устойчивого развития со стороны государства в целом реализуется, вместе с тем имеются проблемы в определении и закреплении ответственных за комплексную реализацию целей. Это требует определения ответственного органа и обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия [5]. Повышение экологической ответственности государственного сектора и качества федерального отношения к природе будет являться примером бизнесу.

В целях повышения экологической ответственности бизнеса как критерия ESG и устойчивого развития следует достигнуть экологической транспарентности, открытость бизнеса сегодня недостаточна именно в экологических вопросах. ESG-рейтинги имеют 30 % компаний, не имеют 56 %, а 14 % только планируют получение (исследование АО «Эксперт РА» 2022 г.). В этой связи представляется возможным сделать экологическую отчетность императивной, в особенности для компаний с государственным участием.

Следует развивать экологическое страхование и систему таксономии и критериальной оценки (рейтинги, ренкинги), согласно ко-

торой определять макро-, микро- и мезокритерии, которые позволят давать оценку экологической ответственности крупных компаний и микробизнеса.

Целесообразным представляется введение штрафов за нарушение природоохранных норм, которые станут существенно превышать стоимость очистных сооружений, что сделает невыгодными экологические нарушения, а также устранять коррупционную составляющую бизнес-стратегий.

С помощью экономических инструментов вопрос охраны окружающей среды сегодня необходимо сделать выгодным для бизнеса, что предполагает создание системы материального и морального стимулирования бизнеса, активизации корпоративной экологической ответственности, содействие созданию новых и совершенствованию существующих экономических и правовых механизмов формирования экологической ответственности бизнеса. Этому будет способствовать вовлечение в экологические проекты малого и среднего бизнеса, реализация мер государственной и общественной поддержки компаний, занимающихся экологическим сервисом (экологический мониторинг, экологический аудит, экологические рейтинги, экологическая информация, экологическое просвещение и воспитание и т. д.), реабилитацией окружающей среды.

Следует помнить, что недовольство состоянием окружающей среды может стать рычагом протестных акций, в то время как изменение климата по-прежнему происходит быстрее, чем прогнозировалось. Между тем возрастают темпы закисления океана, продолжается деградация земель, множество биологических видов находится под угрозой исчезновения, по-прежнему повсеместно распространены нерациональные модели потребления и производства [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виттенберг, Е. Я. Экологическая ответственность российского бизнеса / Е. Я. Виттенберг // Россия и современный мир. – 2010. – № 2 (67). – С. 31–48.
2. Глобальный договор ООН. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/36167>. – Загл. с экрана.

3. Ерофеев, Б. В. Экологическое право : учебник / Б. В. Ерофеев. – М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2004. – 140 с.

4. Об Ассоциации «Национальная сеть участников Глобального договора по внедрению в деловую практику принципов ответственного ведения бизнеса». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://globalcompact.ru/about/globalcompact-russia/>. – Загл. с экрана.

5. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ системы государственного управления по внедрению Повестки устойчивого развития за период 2019 года, истекший период 2020 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf>. – Загл. с экрана.

6. Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/45da8841765f8eb5fcccef6cdb801897e354873b/. – Загл. с экрана.

7. Переладов, А. ESG и бизнес: что не так с новыми законами об окружающей среде / А. Переладов // Право.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/236742/>. – Загл. с экрана.

8. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюции, принятой генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R. – Загл. с экрана.

9. Реализация Национального проекта «Экология». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/. – Загл. с экрана.

10. The Sustainable Development Goals Report. – 2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://unstats.un.org/sdgs/>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Vittenberg E.Ya. *Ekologicheskaya otvetstvennost' rossijskogo biznesa* [Environmental Responsibility of Russian Business]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2010, no. 2 (67), pp. 31-48.

2. *Global'nyj dogovor OON* [UN Global Compact]. URL: <https://www.un.org/ru/36167>

3. Erofeev B.V. *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental Law. Textbook]. Moscow, FORUM Publ., INFRA-M Publ., 2004. 140 p.

4. *Ob Assotsiatsii «Natsional'naya set' uchastnikov Global'nogo dogovora po vnedreniyu v delovuyu praktiku principov otvetstvennogo vedeniya biznesa»* [About the Association “National Network of Participants of the Global Compact for the Implementation of the Principles of Responsible Business Conduct in Business Practice”]. URL: <http://globalcompact.ru/about/globalcompact-russia/>

5. *Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz sistemy gosudarstvennogo upravleniya po vnedreniyu Povestki ustojchivogo razvitiya za period 2019 goda, istekshij period 2020 goda»* [Report on the Results of the Expert and Analytical Event “Analysis of the Public Administration System for the Implementation of the Sustainable Development Agenda for the Period of 2019, the Past Period of 2020”]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b06/b065c140de24fbc32271bb2267f621ec.pdf>

6. *Pasport nacional'nogo proekta «Ekologiya» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nyim proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16)* [Passport of the National Project “Ecology” (Approved by the Presidium of the Council Under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16 Dated December 24, 2018)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/45da8841765f8eb5fcccef6cdb801897e354873b/

7. Pereladov A. ESG i biznes: chto ne tak s novymi zakonami ob okruzhayushchej srede [ESG and Business: What is Wrong with the New Laws on the Environment]. *Pravo.ru*. URL: <https://pravo.ru/opinion/236742/>

8. *Povestka dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda Rezolyucii, prinyatoj general'noj Assambleej OON 25 sentyabrya 2015 goda* [The 2030 Agenda for Sustainable Development Resolution Adopted by the UN General Assembly Dated September 25, 2015]. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R

9. *Realizatsiya Nacional'nogo proekta «Ekologiya»* [Implementation of the National Project “Ecology”]. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/

10. *The Sustainable Development Goals Report*. 2020. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/>

Information About the Author

Oksana I. Sharno, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Lawyer's Office of Sharno O.I., The Lawyer Chamber of the Volgograd Region, 40 let VLKSM St, 1-11 (Office 4), 400051 Volgograd, Russian Federation, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

Информация об авторе

Оксана Игоревна Шарно, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционно-го и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; адвокатский кабинет Шарно О.И., Адвокатская палата Волгоградской области, ул. 40 лет ВЛКСМ, 1-11 (оф. 4), 400051 г. Волгоград, Российская Федерация, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>

UDC 34.01
LBC 67.00

Submitted: 17.05.2022
Accepted: 15.06.2022

THE CONCEPT OF “SMART REGULATION” AS AN INSTRUMENTAL COMPONENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT ¹

Dmitry V. Zykov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: today, there is an interest in the problems of Western legal science in our scientific community, due to its great desire to solve specific social problems and tasks in comparison with the domestic academic tradition, focused more on essentialist problems about the essence of law and the state, their forms, purpose, ultimate foundations, laws, etc. One of such instrumentalist concepts of Western discourse is the concept of “smart regulation”. The **purpose** of the paper is a theoretical understanding of the key aspects of this concept. **Methods:** analytical, deductive, comparison, generalization. **Results:** the origins of the formation, the essence, principles, means and procedures of the concept are revealed. The role and significance of the effect that allows designating any regulation as “smart” are revealed. **Conclusions:** the traditional legal regulation based on the ideology of vertically integrated structures with rigid centralization of the political and economic system can be supplemented and balanced by the principles and achievements, means and procedures of the concept of “smart regulation” for the common good. Without such a combination of approaches to the regulation, it is not possible in modern conditions of a highly integrated world economic system to harmonize the social interests of various groups around one goal: the growth of public welfare.

Key words: legal regulation, smart regulation, smart regulation tools, decentralization, feedback, sustainable development.

Citation. Zykov D.V. The Concept of “Smart Regulation” as an Instrumental Component of Sustainable Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 38-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>

УДК 34.01
ББК 67.00

Дата поступления статьи: 17.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

КОНЦЕПЦИЯ «SMART REGULATION» КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ¹

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: сегодня в нашей научной среде наблюдается интерес к проблематике западной юридической науки, обусловленный большим ее стремлением к решению конкретных социальных проблем и задач в сравнении с отечественной академической традицией, ориентированной больше на эссенциалистскую проблематику о сущности права и государства, их форм, назначения, предельных оснований, закономерностей и т. п. Одной из таких инструменталистских концепций западного дискурса является концепция умного регулирования. **Целью** статьи является теоретическое осмысление ключевых аспектов данной концепции. **Методы:** аналитический, дедуктивный, сравнение, обобщение. **Результаты:** раскрыты истоки формирования, сущность, принципы, средства и процедуры концепции. Выявлены роль и значение того эффекта, который и позволяет обозначать какое-либо регулирование как умное. **Выводы:** традиционное правовое регулирование, основанное на идеологии вертикально-интегрированных структур с жесткой централизацией политико-экономической системы, может ради общего блага быть дополнено и сбалансировано принципами и достижениями, средствами и процедурами концепции умного регулирования. Без такого сочетания подходов к

регулированию не представляется возможным в современных условиях высокоинтегрированного мирохозяйственного уклада гармонизировать социальные интересы различных групп вокруг одной цели: роста общественного благосостояния.

Ключевые слова: правовое регулирование, умное регулирование, средства умного регулирования, децентрализация, обратная связь, устойчивое развитие.

Цитирование. Зыков Д. В. Концепция «Smart Regulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 38–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>

Введение

Одной из глобальных проблем мировой экономики является устойчивое развитие, то есть такое, при котором удовлетворение потребностей сегодняшнего дня не должно ставить под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои потребности. В этой связи концепция устойчивого развития вступает в противоречие не только с традиционной экономикой, заряженной на максимизацию прибыли, но и с традиционным правовым регулированием, фактически обеспечивающим и защищающим прежде всего интересы крупного капитала. Чтобы произвести необходимые реформы традиционной экономики, нужно пересмотреть сам подход к правовому регулированию, поскольку право первично по отношению к экономике, если не в хронологическом и генетическом, то в любом случае в логическом смысле. Отсюда и наш интерес к концепции умного регулирования как дополняющей, корректирующей традиционное правовое регулирование.

Традиционное правовое регулирование строится на отношениях власти-подчинения, где обеспечительным механизмом в конечном итоге оказывается принуждение объекта регулирования воле «внешнего» привилегированного субъекта регулирования и управления (суверен, законодатель, правительство, официальная инстанция, государство в целом). Существование последнего как бы презюмирует следующую максиму. Не является приоритетом управления позволять отдельным индивидам и их группам руководствоваться собственными интересами, которые их волнуют, и непосредственные последствия которых они способны предвидеть. Но прежде всего следует заставлять их делать то, что видится правильным Субъекту, поскольку он

обладает более полным пониманием значения и последствий их совокупных действий, результирующихся на макроуровне, а значит, их опека с его стороны необходима и оправдана. Такой подход регулирования основан на идеологии вертикально-интегрированных структур с жесткой централизацией политико-экономической системы, идущей из глубины времен.

Такая система построена на страхе перед наказанием и авторитете законодателя. Норма принята и должна исполняться вне зависимости от ее содержания.

В юридической литературе замечается по этому поводу: «Качество нормы, ее разумность, целесообразность, исполнимость в условиях односторонних иерархических связей в расчет не принимаются, потому что каналы, по которым информация о недостатках нормы могла бы дойти до правотворческого органа, отсутствуют. Подобное (“неумное”) регулирование опирается исключительно на авторитет законодателя и страх перед наказанием». Однако М.Л. Давыдова далее замечает: «Представление о законодателе, сидящем на высоком троне и транслирующем свою волю послушным подданным, безнадежно устарело» [1, с. 15–16].

Современный мирохозяйственный уклад сформировался на сочетании стратегического планирования и рыночной самоорганизации, в котором право должно играть роль интегратора всех социальных групп и предприятий. Интегральный мирохозяйственный уклад пытается гармонизировать социальные интересы различных групп вокруг одной цели – рост общественного благосостояния. Данная идеология отражает современные тенденции в сфере представлений о характере, способах и целях регулирования общественных отношений. В западной науке и философии выражением данной идеологии стали последователь-

но развивающиеся и взаимодополняющие друг друга концепты – «Less Regulation», «Better Regulation», «Smart Regulation».

Содержание и принципы концепции «Smart Regulation»

Концепция «Smart Regulation» является дальнейшим развитием и совершенствованием концепций меньшего регулирования («Less Regulation») и качественного регулирования (Better Regulation). Они сменяли друг друга по принципу кумулятивности [8, с. 13].

Концепция «Smart Regulation», аккумулируя и далее развивая принципы данных идейных течений, для целей регуляторной политики сосредоточивает внимание на возможности и необходимости достижения большего результата наименее затратным способом посредством вовлечения в процесс создания нормы права самих заинтересованных лиц, ее адресатов.

Умное регулирование заключается в создании всесторонне продуманных нормативных правовых актов по конкретным социальным проблемам и задачам, которые позволяли бы достигнуть целей повышения общего уровня жизни и благосостояния, увеличения доступности и прозрачности процедур и информационных баз, защиты окружающей среды, повышения конкурентоспособности, экономии и эффективности в управлении ресурсами, открытости рынка.

К средствам и процедурам умного регулирования исследователи относят оценку (анализ) фактического и регулирующего воздействия, проводимого законодательными, исполнительными органами и общественными организациями [2], консультации с заинтересованными лицами, технико-юридические решения (правовой эксперимент, регулятивные песочницы [3; 12], транспарентность нормативно-правовой базы и иных баз данных [6], электронные платформы для публичных консультаций), уменьшение административных барьеров (регуляторная гильотина), упрощение существующего законодательства посредством консолидации и кодификации, программные акты-регуляторы стратегического планирования, цифровизацию и автоматизацию взаимодействий участников, «регулятивное подтал-

кивание» [5], мягкое право [10]. Данный перечень не является исчерпывающим.

Анализ научной литературы показывает, что эффект умного регулирования достигается на основе следующих принципов:

1. Отказ от централизованного императивного регулирования в пользу саморегулирования и совместного регулирования общества и государства. Иными словами, стремление к горизонтальному гетерархичному регулированию взамен вертикальному иерархичному.

2. Выявление и вовлечение заинтересованных лиц из числа наиболее влиятельных в процесс принятия решения.

3. Достижение высокой результативности регулирования наименее затратным способом. Поскольку либо адресаты начинают сами стремиться к тем же целям, что и законодатель, например при «подталкивании», либо инструменты такого регулирования сами по себе обеспечивают существенное снижение издержек, например при цифровизации процессов.

Сущностные характеристики концепции «Smart Regulation»

Ключевой смысл для понимания умное перед нами регулирование или неумное (или «не достаточно умное»), на который также обращают внимание в юридической литературе, связан еще как минимум с тремя пунктами.

Первое. Все вышеперечисленные средства и процедуры пронизывает общая цель – налаживание качества обратных связей между субъектом и объектом регулирования для получения информации о состоянии и потребностях объекта регулирования [7, с. 5].

Умное регулирование исходит из того, что результативность любой деятельности прямо пропорциональна уровню информатизации объекта управления и обратно пропорциональна уровню владения информацией, знаниями, информационными технологиями субъектов управления [4, с. 202].

Как известно, социальные науки не сформулировали своего понятия обратной связи. Этот термин пришел к нам из технических наук. Как бы то ни было, но это понятие мо-

жет быть с пользой экстраполировано в социальную теорию как критерий, способствующий проверке системы на устойчивость. По аналогии с действием кибернетического механизма представляется возможным для наших целей следующее утверждение.

Обратная связь есть процесс взаимодействия (ответов, сигналов, реакций) субъекта (законодатель) и объекта регулирования (сфера, сегмент общественных отношений), приводящий к тому, что результат в виде конечного состояния объекта влияет на процедуры и средства, параметры и идеи, от которых зависит дальнейшая его динамика в сторону упорядоченности или беспорядка.

Обратная связь между субъектом и объектом может быть отрицательной и положительной. Отрицательной является обратная связь, когда правовое воздействие корректируется, преломляется объектом, встречая противодействие изменениям в самих объективных условиях общественной жизни или в убеждениях людей, предполагая дальнейшее совершенствование и адаптацию воздействия к условиям и ментальности объекта с целью его развития, а не подавления. Такое состояние системы говорит о ее устойчивости, существовании механизмов преодоления противоречий.

По принципу отрицательной обратной связи действует умное регулирование.

Положительной обратной связью будет состояние, когда правовое воздействие, несмотря на сопротивление объекта изменениям, не обусловленным его свойствами, принудительно заставляет его подчиниться под страхом наказания. Такое состояние системы указывает на ее неустойчивость, обусловленную внутренними неутрачивающими противоречиями.

По принципу положительной обратной связи действует традиционное правовое регулирование.

Второй пункт заключается не в том, какие по своей природе средства и процедуры используются для достижения целей наименее обременительным способом, будь то экономические, психологические, правовые, организационные, политические, IT-решения, а в правильном сбалансированном гибком динамичном сочетании уже известных инструментов и средств.

Н. Ганнингом и Д. Синклер предлагают следующую классификацию регулятивных инструментов: командно-контрольные (подчинение субъектов определенным стандартам технологического процесса, иначе не будет ожидаемого результата); экономические (премии или штрафы за результат, недискриминационные, антимонопольные правила рыночной игры); волюнтаризм (свободное усмотрение участников отношений в выборе поведения или решения); информационные стратегии (образование и обучение, всевозможные публичные базы данных, реестры, кадастры, из которых официально можно получить информацию, публичная отчетность компаний и государственных органов, электронные услуги).

Данные инструменты можно использовать каждый в отдельности, причем правильно или неправильно, эффективно или неэффективно, а можно использовать в комбинации с другими, тоже успешно и результативно или нет. Например, авторами утверждается, что контрпродуктивно использовать одновременно командно-контрольные и экономические инструменты для достижения одних и тех же целей, что делается повсеместно. И, напротив, продуктивно использовать «волюнтаризм + командно-контрольное регулирование», что встречается редко. В книге приводятся соответствующие примеры [11, с. 133–148].

И третий пункт состоит в том, что умное регулирование не может предполагать непредвиденных побочных эффектов в виде неблагоприятных последствий. Как отмечает Н.Н. Тарасов: «...любое управленческое действие сопровождается следствиями, как минимум, трех типов: входившими в целевую рамку действия; не входившими, но просчитанными и скомпенсированными; не входившими, не просчитанными и, следовательно, не скомпенсированными. Следствия второго типа способны минимизировать полезный эффект управленческого акта, а третьего типа – превратить его в отрицательный» [9, с. 44].

Вряд ли мы можем назвать то регулирование умным, которое допустило не просчитанные и не скомпенсированные последствия. Хотя данный пункт кажется в то же время излишним. Поскольку умное регулирование (как и традиционное регулирование) также связано с рисками недостижения ис-

когого результата по причине ошибок, эксцессов или форс-мажорных обстоятельств и скорее подчеркивает общую ответственность за результат всех учреждений и акторов, принимающих решения и их реализующих, поскольку между ними предполагались диалог и сотрудничество. Тем не менее сам смысл умного регулирования предполагает успех в достижении результатов, а это значит, что в подавляющем большинстве случаев побочные непредвиденные последствия должны исключаться.

Выводы

Едва ли завтра исчезнет социальная иерархия, поскольку везде и всегда, где появляется общество, оно организуется на управляющих и управляемых, и первые всегда имеют больше возможностей и благ, чем последние. Это законы социальности, их нельзя нарушить. Однако от них можно уклониться или смягчить их действие с помощью ограничителя, которым является умное правовое регулирование, подобно тому, как мы, используя законы аэродинамики, уклоняемся от закона притяжения. Понятно, что традиционное правовое регулирование, построенное на иерархии и принуждении, останется существовать, и в этом есть своя необходимость, поскольку некоторые сферы регулирования (уголовное право, административное право и т. п.) немислимы в другом формате. Но хочется надеяться, что экономическая, социально-культурная сферы будут все больше освобождаться от прямого командного управления и регулироваться децентрализованно на основе обратной связи. Ведь представляется верным, что именно готовность государства слышать обратную связь от общества и доверять ему в дозволенных пределах развиваться спонтанно, а не по указке, может сохранять свободу выбора и поддерживать устойчивость общественного мнения в необходимости и ценности самой власти.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / М. Л. Давыдова // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 14–29.
2. Давыдова, М. Л. Оценка регулирующего воздействия как разновидность правотворческих экспертиз и инструмент умного регулирования / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 103–108.
3. Давыдова, М. Л. Регулятивные песочницы и особенности их имплементации в российское законодательство / М. Л. Давыдова // Хозяйство и право. – 2021. – № 7 (534). – С. 60–70.
4. Давыдова, М. Л. Пресс-релиз международной интернет-конференции «Модернизация технологий юридической деятельности в правовых системах современного мира» (г. Волгоград, 1–30 июня 2013 г.) / М. Л. Давыдова, Д. В. Зыков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 2 (19). – С. 202–210.
5. Козлова, М. Ю. Средства «умного регулирования», влияющие на выбор потребителями полезных для здоровья продуктов / М. Ю. Козлова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 24–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.4>
6. Козлова, М. Ю. Раскрытие информации как средство «умного» регулирования (на примере договора займа) / М. Ю. Козлова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 2 (245). – С. 66–75.
7. Купряшин, Г. Л. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России / Г. Л. Купряшин, Н. Н. Сарычева // Вестник МГУ. Серия 21, Управление (государство и общество). – 2013. – № 2. – С. 5–10.
8. Слеженков, В. В. Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования / В. В. Слеженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 12–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>
9. Тарасов, Н. Н. О праве в современном обществе (размышления на тему) / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6 (123). – С. 39–46.
10. Усенков, И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства / И. А. Усенков

// Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 28–58.

11. Gunningham, N. Smart Regulation / N. Gunningham, D. Sinclair // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / ed. by P. Drahos. – Canberra : The Australian National University, 2017. – P. 133–148. – DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>

12. Makarov, V. O. On the concept of regulatory sandboxes / V. O. Makarov, M. L. Davydova // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2021. – Vol. 155. – P. 1014–1020.

REFERENCES

1. Davydova M.L. «Umnoye regulirovaniye» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva [“Smart Regulation” as a Basis for Improving Modern Lawmaking]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2020, no. 11, pp. 14–29.

2. Davydova M.L. Otsenka reguliruyushchego vozdeystviya kak raznovidnost' pravotvorcheskikh ekspertiz i instrument umnogo regulirovaniya [Regulatory Impact Assessment as a Kind of Law-Making Expertise and a Tool for Smart Regulation]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2022, no. 16, pp. 103–108.

3. Davydova M.L. Regulativnyye pesochnitsy i osobennosti ikh implementatsii v rossiyskoye zakonodatel'stvo [Regulatory Sandboxes and Features of Their Implementation in Russian Legislation]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2021, no. 7 (534), pp. 60–70.

4. Davydova M.L., Zykov D.V. Press-reliz mezhdunarodnoy internet-konferentsii «Modernizatsiya tekhnologiy yuridicheskoy deyatel'nosti v pravovykh sistemakh sovremennogo mira» (Volgograd, 1-30 iyunya 2013 g.) [Press Release of the International Internet Conference “Modernization of Technologies of Legal Activity in the Legal Systems of the Modern World” (Volgograd, June 1-30, 2013)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence], 2013, no. 2 (19), pp. 202–210.

5. Kozlova M.Yu. Sredstva «umnogo regulirovaniya», vliyayushchiye na vybor potrebitelyami poleznykh dlya zdorov'ya produktov [Means of “Smart

Regulation”, Influencing the Choice of Healthy Products by Consumers]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, no. 3, pp. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.4>

6. Kozlova, M.Yu. Raskrytiye informatsii kak sredstvo «umnogo» regulirovaniya (na primere dogovora zayma) [Disclosure of Information as a Means of “Smart” Regulation (On the Example of a Loan Agreement)]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* [Property Relations in the Russian Federation], 2022, no. 2 (245), pp. 66–75.

7. Kupryashin G.L., Sarycheva N.N. Kontseptsiya «umnogo regulirovaniya»: zarubezhnyy opyt i vozmozhnost' yego primeneniya v gosudarstvennom upravlenii Rossii [The Concept of “Smart Regulation”: Foreign Experience and the Possibility of Its Application in Public Administration in Russia]. *Vestnik MGU. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)* [Bulletin of Moscow State University. Series 21. Management (State and Society)], 2013, no. 2, pp. 5–10.

8. Slezhenkov V.V. Teoriya «umnogo regulirovaniya»: ideyno-istoricheskiy kontekst formirovaniya [The Theory of “Smart Regulation”: The Ideological and Historical Context of Formation]. *Legal Concept*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

9. Tarasov N.N. O prave v sovremennom obshchestve (razmyshleniya na temu) [On Law in Modern Society (Reflections on the Topic)]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Legal Journal], 2018, no. 6 (123), pp. 39–46.

10. Usenkov I.A. Natsional'noye myagkoye pravo kak pravovoy fenomen i instrument povysheniya stabil'nosti zakonodatel'stva [National Soft Law as a Legal Phenomenon and a Tool to Improve the Stability of Legislation]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 28–58.

11. Gunningham N., Sinclair D. Smart Regulation. Drahos P., ed. *Regulatory Theory: Foundations and Applications*. Canberra, The Australian National University, 2017, pp. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08>

12. Makarov V.O., Davydova M.L. On the Concept of Regulatory Sandboxes. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2021, vol. 155, pp. 1014–1020.

Information About the Author

Dmitry V. Zykov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zykov_dv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zykov_dv@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.6>

UDC 342.723

LBC 67.400.323

Submitted: 15.05.2022

Accepted: 10.06.2022

THE ISSUES OF ETHNIC IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN FEDERATION CITIZENS

Sergey V. Gunich

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russian Federation

Introduction: the Constitution of the Russian Federation has proclaimed the right of everyone to freely determine and indicate their nationality as a reflection of the result of self-identification, commitment of the individual to certain language, culture, customs and traditions of the nations and nationalities living within the territory of the state. **Purpose:** to study the mechanism of implementation of this constitutional right, to determine the possibilities of individual and group ethnic identification of citizens of the Russian Federation, to determine the directions for improving the legal regulation in this area. **Methods:** during the research, both general scientific and special methods of scientific cognition have been widely used. The achievement of the goal set in the work, to a greater extent, has become possible thanks to the use of formal-logical and comparative-legal methods, as well as the method of generalization of legal doctrines in combination with a systematic analysis of the legislation. **Results:** the author comes to the conclusion that the norms of the current legislation do not allow to formalize the result of the ethnic self-identification of the individual. The official documents, which nevertheless contain an indication of the nationality of a person, allow talking about the secondary and static nature of the mechanism for the implementation of the right in question, since they are not aimed at fixing exactly the nationality, and also do not provide for the possibility of their re-registration due to the changes in ethnic preferences. The considered collective forms of national and cultural self-determination allow making an assumption about the need to prove belonging to certain ethnic communities, which in itself connects the process of identifying citizens not with their own will, but with the presence or absence of legal facts determined by the legislator. **Conclusions:** the activity of using the studied constitutional law is seen by the author in the legal regulation and practical implementation of the possibility of specifying the nationality in the main document certifying the identity of a citizen of the Russian Federation. Based on the conducted research, the proposals have been made to improve the mechanism of the legal regulation of the studied sphere of public relations.

Key words: ethnic identification, ethno-cultural values, identity, nationality, citizenship, national-cultural autonomy, indigenous peoples, ethnic community.

Citation. Gunich S.V. The Issues of Ethnic Identification of the Russian Federation Citizens. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 45-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.6>

УДК 342.723

ББК 67.400.323

Дата поступления статьи: 15.05.2022

Дата принятия статьи: 10.06.2022

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Владимирович Гунич

Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск, Российская Федерация

Введение: Конституция Российской Федерации провозгласила право каждого свободно определять и указывать свою национальную принадлежность как отражение результата самоидентификации, приверженности личности к определенным языку, культуре, обычаям и традициям проживающих на территории государства наций и народностей. **Цель исследования:** изучить механизм реализации указанного конституционного права, определить возможности индивидуальной и групповой этнической идентификации граждан Российской Федерации, определить направления совершенствования правового регулирования в

данной сфере. **Методы исследования:** при проведении исследования широко применялись как общенаучные, так и специальные методы научного познания. Достижение поставленной в работе цели в большей степени стало возможным благодаря использованию формально-логического и сравнительно-правового методов, а также метода обобщения правовых доктрин в сочетании с системным анализом законодательства. **Результаты исследования:** автор приходит к выводу, что нормы действующего законодательства не позволяют формализовать результат этнической самоидентификации личности. Официальные документы, содержащие указание на национальность лица, позволяют говорить о второстепенности и статичности механизма реализации рассматриваемого права, поскольку не нацелены на фиксацию именно национальной принадлежности, а также не предусматривают возможности их переоформления ввиду изменения этнических предпочтений. Рассмотренные коллективные формы национально-культурного самоопределения позволяют высказать предположение о необходимости доказывания сопричастности к определенным этническим общностям, что само по себе связывает процесс идентификации граждан не с собственным волеизъявлением, а с наличием либо отсутствием определенных законодателем юридических фактов. **Выводы:** активность использования исследуемого конституционного права видится автору в правовой регламентации и практической реализации возможности указания национальности в основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации. На основании проведенного исследования высказаны предложения по совершенствованию механизма правового регулирования исследуемой сферы общественных отношений.

Ключевые слова: этническая идентификация, этнокультурные ценности, самобытность, национальность, гражданство, национально-культурная автономия, коренные малочисленные народы, этническая общность.

Цитирование. Гунич С. В. Вопросы этнической идентификации граждан Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 45–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.6>

Я русский человек, и, как говорит-ся, у меня в роду кругом Иваны да Марьи. Но когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова – уроженца Дагестана, лака по национальности, других наших воинов, мне хочется сказать: я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин... Всех из более чем трехсот национальных групп и этнических групп России просто невозможно перечислить – думаю, вы меня понимаете, – но я горжусь тем, что я часть этого мира, часть могучего, сильного, многонационального народа России.

*В.В. Путин*¹

Введение

Вопросы идентичности личности, осознание принадлежности самого себя к определенной социальной группе имеют не только культурологическую, но и явную правовую окраску. Выступая в качестве ценностно-ориентационной, психологической в своей первооснове категорией, самоидентификация членов общества по признакам общности языка, культуры, традиций и иных смыслообразую-

щих составляющих способствует сохранению единства государства в периоды нестабильного функционирования его внутренних систем, обострения конфронтационного взаимодействия с другими странами. Она же выступает тем необходимым элементом, вокруг которого выстраивается взаимодействие государственно-властных структур и индивида по поводу обеспечения принадлежащих ему прав и свобод.

Этническая идентификация граждан Российской Федерации актуализируется на фоне переосмысления так называемым «прогрессивным сообществом» традиционных ценностей, становится ориентиром развития изменяющегося под воздействием западноевропейской культуры современного Человека. Сегодня, в условиях патриотического возрождения российского общества, все большее количество его членов стремятся сохранить свою самобытность, отгородиться от аморального влияния чуждых для преемственного развития многонационального государства псевдоценностей. Не случайно соответствующие идеалы получили закрепление в конституции страны, а в последние годы еще и возведены в статус национальных ориентиров ее стратегического развития [8; 9].

Формы реализации права на этническую идентификацию

В правовом аспекте описываемое явление показывает себя в признании государством возможностей каждого человека отождествлять себя с определенными социальными группами, в создании условий для их самобытного функционирования, а также в обеспечении охраны и защиты их самостийности. Очевидно, что такие наиболее значимые для всего общества ценности получают закрепление и в конституционном акте государства, составляя в наиболее общем виде право на этническую идентификацию граждан. Реализация же этого права, по замечанию Е.А. Гунаева, происходит в двух основных формах: индивидуальной (самоидентификация) и коллективной (право идентифицировать себя как определенное этническое сообщество) [2, с. 82]. Ожидаемо, что государство должно создавать соответствующие условия для беспрепятственного осуществления этого и подобного им прав.

Применительно к возможности индивидуальной этнической самоидентификации отметим, что она выражена посредством конституционного закрепления права каждого на определение и указание своей национальной принадлежности. Однако приходится признать, что практический механизм реализации этого права в Российской Федерации отсутствует. Так, проведя соответствующее научное исследование, Ю.М. Коцубин приходит к выводу, что «на сегодняшний день совершеннолетние граждане имеют возможность указать свою национальность в официальных документах только в случаях их вступления в брак, расторжения брака, рождения у них ребенка либо перемены ими своего имени» [4, с. 21]. Ясно, что ни один из перечисленных актов гражданского состояния не нацелен на формализацию волеизъявления лица по вопросу определения и указания им своей этнической принадлежности. В особенности это проявляется в том, что законодатель не определил в качестве основания для внесения исправлений и изменений в подтверждающие их свидетельства случаи перемены заинтересованным лицом своей национальной принадлежности [10]. Подобное не может быть признано удовлетворитель-

ным в правовом демократическом государстве, провозгласившем человека, его права и свободы в качестве высшей ценности.

По своей сути, декларирование данного права свелось лишь к необходимости соблюдения запрета на принуждение к определению и указанию своей национальной принадлежности. В случае же изъявления желания по собственной воле реализовать опосредованную им возможность субъект этого права неминуемо столкнется с полным отсутствием практического механизма воплощения ее в действительность. В такой ситуации следует согласиться с выводом Н.А. Зайнитдинова о том, что наиболее убедительным аргументом существования в правовой системе России подобного права будет выступать возможность указания национальности в основном документе, удостоверяющем личность, – паспорте гражданина Российской Федерации [3, с. 53].

Немаловажным аспектом реализации рассматриваемого права выступает также признаваемый государством факт самостоятельного определения личностью своей национальной принадлежности вне зависимости от национальности родителей, иных родственников, а также любых других фактических обстоятельств. Как следствие, в Конституции Российской Федерации нашли отражение такие опосредованные сопутствующими потребностями блага индивида, как: право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; свобода литературного и художественного творчества; право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и т. п. Тем не менее в правоприменительной практике подобный подход не получил должного применения, что в определенной части будет продемонстрировано далее.

Коллективная реализация права на этническую идентификацию в наиболее общей форме проявляет себя применительно к категории соотечественников. Она носит конклюдентный характер в отношении граждан Российской Федерации, поскольку юридически институт гражданства сам по себе соотносится с принципом непрерывности (континуитета) российской государственности. Фактически

же именно граждане России непосредственно вовлечены в процесс формирования и сохранения этнокультурных ценностей. В отличие от них, признание своей принадлежности к соотечественникам в качестве акта самоидентификации иными, указанными в соответствующем законе категориями лиц должно подкрепляться активной общественной, либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, развитию русской культуры, иными свидетельствами свободного выбора в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией [12].

Думается, что столь размытая законодательная формулировка не позволяет с точностью установить круг субъектов правоотношений, связанных, например, с поддержкой соотечественников, находящихся за рубежом. Если предположить, что акцент выделенного направления государственной политики смещается в сторону граждан Российской Федерации, то принятие подобного нормативного правового акта представляется излишним, поскольку данной категории лиц конституционно гарантируется безусловное покровительство и защита со стороны государства за пределами его границ. Очевидно, что отмеченный законодательный акт в большей степени адресован лицам, не имеющим отечественного гражданства. В таком случае следует согласиться с В.А. Герасимовой, которая отмечает декларативность приводимого в данном законе множества положений, что «блокирует механизм их правовой реализации», а самому исследуемому термину приписывает «в большей степени не юридическое, а политическое значение» [1, с. 905].

Все это указывает на несовершенство механизма этнической идентификации соотечественников ввиду отсутствия конкретного механизма формализации их волеизъявления. Не добавляет ясности в решение данного вопроса и предусмотренная возможность регистрироваться в общественных объединениях соотечественников в соответствии с их уставами и получать документы (свидетельства), подтверждающие членство в таких объединениях. Подобное способно навести на мысль, что государство делегирует полномочия по ведению учета и признанию иностранных граждан и лиц без гражданства в качестве

соотечественников на руководящие органы общественных объединений. Они же, в свою очередь, способны преследовать собственные цели и формулировать не предусмотренные законодательством условия присвоения соответствующего статуса.

Национально-культурная автономия и коренные малочисленные народы в механизме отождествления индивида с этнической общностью

Более конкретизированными способами коллективной идентификации граждан выступают право на присоединение к национально-культурной автономии и возможность признания индивида в качестве представителя коренных малочисленных народов. Что касается первого из них, то в этом случае проявляются уже перечисленные недостатки, присущие общественным объединениям, поскольку именно от их решения зависит результат отнесения гражданина к определенной этнической общности [11]. Кроме того, реализация желания идентифицировать себя с представителями национального меньшинства, зарегистрировавшими рассматриваемую форму национально-культурного самоопределения и не желающими расширять свой круг за счет других членов, сталкивается на практике с запретом создания нескольких национально-культурных автономий одной этнической принадлежности. О.В. Романовская отмечает в этой связи, что такой подход «нарушает принцип равенства общественных объединений перед законом, ограничивает свободу создания на основе полной добровольности любых общественных объединений и свободу их деятельности» [7, с. 18]. О свободе этнической идентификации в таких условиях также можно говорить весьма условно.

Что же касается реализации рассматриваемой процедуры применительно к коренным малочисленным народам, то прежде всего следует отметить, что учет их представителей ведет государство в лице уполномоченных органов посредством соответствующего списка, формируемого на основе сведений, представляемых лицами, относящимися к малочисленным народам, общинами малочисленных народов, а также органами публичной власти различного

уровня [13]. Включение заинтересованного лица в такой список осуществляется в заявительном порядке с учетом предоставления установленных законом документов. Основным среди таковых, без сомнения, выступает документ, содержащий сведения о национальности заявителя. Как было показано ранее, ввиду отсутствия возможности указания признака национальной принадлежности в основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации, сведения о национальности заявителя могут быть почерпнуты лишь в свидетельствах о государственной регистрации отдельных актов гражданского состояния. Причем, напомним, возможности внесения в них исправлений и изменений в случае изъявления желания указать национальность либо изменить свой выбор законодательством не предусмотрено.

Не изменяет столь странного положения дел и признаваемая законодателем презумпция подтверждения национальной принадлежности лица к коренным малочисленным народам посредством предоставления документов, содержащих сведения о национальности родственника (родственников) заявителя по прямой восходящей линии. Подобное допущение явно расходится со смыслом ранее выделенного конституционного права каждого на свободное определение и указание своей национальной принадлежности, подлежащего реализации, по своему смыслу, без юридической привязки к факту ее наследования.

В рассматриваемом аспекте не может быть признан удовлетворяющим свободу реализации права на этническую идентификацию граждан и механизм предоставления искомым сведений общинами малочисленных народов, либо установление необходимого юридического факта посредством обращения в суд. Первое, как уже отмечалось, в отдельных случаях способно привести не столько к самоидентификации лица, сколько к выражению воли на то общественной организации. Второе же, как высказывается Т.Р. Полищук-Молодоженя, не всегда может удовлетворить потребности удаленно проживающих граждан, претендующих на получение соответствующего статуса ввиду недоступности, относительно затратности в финансовом и временном плане, а также юридической сложности прохождения судебной процедуры [5, с. 115].

Выводы

Таким образом, конституционно провозглашенное право на этническую идентификацию граждан Российской Федерации можно признать декларативным, практический смысл которого сводится лишь к запрету принуждения кого-либо к определению и указанию своей национальной принадлежности. Возможность же его активного использования ограничена отсутствием либо несовершенством механизма реализации и, в частности, формализации соответствующего волеизъявления заинтересованных в этом лиц. Кроме того, существующие все же в текущем законодательстве отдельные аспекты, которые позволяют, пусть и нецеленаправленно, публично раскрыть обществу свою приверженность к определенным языку, культуре, традициям, образу жизни и т. п., придают данному праву статический характер, поскольку не регламентируют порядка внесения исправлений и изменений в документы, содержащие сведения о национальности. Думается, что такое положение дел не способно в полной мере удовлетворить запросы многонационального населения страны на свободу волеизъявления в этнокультурной сфере, в особенности тех его представителей, которые рождены в смешанных браках и в силу определенных жизненных обстоятельств могут быть вынуждены по несколько раз изменять свою национальную идентичность.

В качестве исправления сложившейся ситуации можно предложить, во-первых, предусмотреть возможность указания национальности в основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации, во-вторых, отказаться от доказательной практики установления национальной принадлежности конкретного лица. Очевидно, что подобные меры способны привести к возникновению правовых споров другого характера, связанных, например, с обеспечением льготного режима традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [6]. Однако их можно предотвратить посредством внесения изменений в законодательство в части предоставления соответствующих мер поддержки не индивиду в отдельности как представителю соответствующего этноса, а определенным формам их объединения (общинам).

Подобное позволит отграничить лица, объективно нуждающиеся в реализации в отношении них мер государственной поддержки, от тех, кто, возможно, на фоне нахлынувшего патриотизма или стремления приобщиться к определенным этнокультурным ценностям либо по иным субъективным причинам воспользовался конституционным правом на определение своей национальной принадлежности. Кроме того, это в большей степени будет соответствовать принципу, вытекающему из положений ст. 19 Конституции Российской Федерации, согласно которому национальность не может являться условием для реализации гражданином принадлежащих ему прав и свобод либо основанием для предоставления лицу каких-либо особых привилегий (льгот). В конечном итоге это позволит настроить механизм обеспечения рассмотренного конституционного права на действительную реализацию гражданами России предоставляемой им возможности свободной этнической идентификации самих себя с импонируемыми им национальными общностями и этническими группами, составляющими ту самую частичку могучего, сильного, многонационального народа Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Из выступления на совещании с постоянными членами Совета Безопасности Российской Федерации 3 марта 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67903> (дата обращения: 21.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимова, В. А. Российские соотечественники за рубежом / В. А. Герасимова // *Постсоветские исследования*. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 904–921.
2. Гунаев, Е. А. Этническая идентификация: правовые аспекты / Е. А. Гунаев // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2013. – № 2. – С. 81–85.
3. Зайнитдинов, Н. А. Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность / Н. А. Зайнитдинов // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 1 (110). – С. 46–53.

4. Коцубин, Ю. М. О праве каждого на определение и указание национальности / Ю. М. Коцубин // *Конституционное и муниципальное право*. – 2021. – № 8. – С. 19–23.

5. Полищук-Молодоженя, Т. Р. Правовые проблемы определения статуса коренных малочисленных народов Севера в России (на примере Мурманской области) / Т. Р. Полищук-Молодоженя // *Труды Кольского научного центра РАН*. – 2017. – Т. 8, № 4–11. – С. 106–121.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. – 2011. – № 1.

7. Романовская, О. В. Правовой статус национально-культурных автономий / О. В. Романовская // *Культура: управление, экономика, право*. – 2013. – № 2. – С. 16–21.

8. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

9. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // *Собрание законодательства РФ*. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

10. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // *Собрание законодательства РФ*. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

11. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.

12. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // *Собрание законодательства РФ*. – 1999. – № 22. – Ст. 2670.

13. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

REFERENCES

1. Gerasimova V.A. Rossijskie sootchestvenniki za rubezhom [Russian Compatriots Abroad]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2019, vol. 2, no. 1, pp. 904-921.
2. Gunaev E.A. Jetnicheskaja identifikacija: pravovye aspekty [Ethnic Identification: Legal Aspects]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh*

issledovaniy RAN [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS], 2013, no. 2, pp. 81-85.

3. Zajnitdinov N.A. Ukazanie nacional'nosti v pasporte grazhdanina Rossijskoj Federacii kak forma realizacii prava na nacional'nuju prinadlezhnost' [Indication of Nationality in the Passport of a Citizen of the Russian Federation as a Form of Realization of the Right to Nationality]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 1 (110), pp. 46-53.

4. Kocubin Ju.M. O prave kazhdogo na opredelenie i ukazanie nacional'nosti [On the Right of Everyone to Determine and Indicate Nationality]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 8, pp. 19-23.

5. Polishhuk-Molodozhenja T.R. Pravovye problemy opredelenija statusa korennyh malochislennyh narodov Severa v Rossii (na primere Murmanskoy oblasti) [Legal Problems of Determining the Status of the Indigenous Minorities of the North in Russia (On the Example of the Murmansk Region)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 8, no. 4-11, pp. 106-121.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 nojabrja 2010 g. № 27 «O praktike rassmotrenija del ob administrativnyh pravonarushenijah, svjazannyh s narusheniem pravil i trebovanij, reglamentirujushhikh rybolovstvo» [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 27 Dated November 23, 2010 “On the Practice of Considering Cases of Administrative Offenses Related to Violation of the Rules and Requirements Governing Fishing”]. *Bjulleten' Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2011, no. 1.

7. Romanovskaja O.V. Pravovoj status nacional'no-kul'turnyh avtonomij [Legal Status of National-Cultural Autonomies]. *Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo* [Culture: Management, Economics, Law], 2013, no. 2, pp. 16-21.

8. Ukaz Prezidenta RF ot 2 ijulja 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj

Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 Dated July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2021, no. 27 (p. II), art. 5351.

9. Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrja 2012 g. № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 Dated December 19, 2012 “On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 52, art. 7477.

10. Federal'nyj zakon ot 15 nojabrja 1997 g. № 143-FZ «Ob aktah grazhdanskogo sostojanija» [Federal Law No. 143-FZ Dated November, 1997 “On Acts of Civil Status”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 47, art. 5340.

11. Federal'nyj zakon ot 17 ijunja 1996 g. № 74-FZ «O nacional'no-kul'turnoj avtonomii» [Federal Law No. 74-FZ Dated June 17, 1996 “On National-Cultural Autonomy”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2965.

12. Federal'nyj zakon ot 24 maja 1999 g. № 99-FZ «O gosudarstvennoj politike Rossijskoj Federacii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom» [Federal Law No. 99-FZ Dated May 25, 1999 “On the State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Abroad”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 22, art. 2670.

13. Federal'nyj zakon ot 30 aprelja 1999 g. № 82-FZ «O garantijah prav korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 82-FZ Dated April 30, 1999 “On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 18, art. 2208.

Information About the Author

Sergey V. Gunich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazarmenny Lane, 15, 680020 Khabarovsk, Russian Federation, sertylio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4706-3925>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Гунич, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России, пер. Казарменный, 15, 680020 г. Хабаровск, Российская Федерация, sertylio@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4706-3925>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.7>

UDC 340
LBC 67.0

Submitted: 26.04.2022
Accepted: 15.06.2022

CONSTITUTIONAL STABILITY IN VIEW OF THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION¹

Ivan A. Usenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the stability of the constitution is a special kind of stability, because if its relevance to rapidly changing social relations is usually fundamentally important for a normative act, then the constitution is largely designed to restrain the paroxysms of social development, carry the values of society through time and preserve the main directions of its development. The study attempts to give an answer about the prerequisite for the most natural and correct change of the constitutional act, despite the fact that, ultimately, it may depend on the specific conditions of constitutionalism in each individual country. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the method of analysis and the system method. **Results:** the imperative of necessity and prerequisites for the reform of constitutional acts are formulated, the logic and inevitability of the 2020 constitutional reform in Russia are noted, and at the same time, its internal features, which in the future may increase the frequency of constitutional changes. The **conclusions** are drawn that the stability of the constitutional act should not mean its immutability at all; the answer to the question about the prerequisite for the most natural and correct amendment of the constitutional act depends on the interpretation of the essence of the constitution: if the constitution is a normative act of the highest legal force, then the constitutional text will lose any degree of conformity with the needs of society and the state; if it is a social contract, then the conditions of the latter will be changed by its participants; if it is the act of fixing the alignment of political forces, then there will be a change in such an alignment; if it is a “change management tool”, then there will be a change in the “core of consent”; in each of the above interpretations of the essence of the constitutions, the time for changing the domestic Basic law, apparently by 2020, has really come, and therefore, the 2020 constitutional reform, despite the ambiguity of its assessments, is a logical development of the state in Russia.

Key words: stability, constitution, constitutional reform, social contract, the core of consent.

Citation. Usenkov I.A. Constitutional Stability in View of the 2020 Constitutional Reform in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 52-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.7>

УДК 340
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 26.04.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

КОНСТИТУЦИОННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ КОНСТИТУЦИИ РФ 2020 ГОДА¹

Иван Алексеевич Усенков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация: стабильность конституции – это стабильность особого рода, поскольку, если обычно для нормативного акта принципиально важна его релевантность быстро меняющимся общественным отношениям, то конституция во многом призвана сдерживать пароксизмы общественного развития, пронести через время ценности общества и сохранять основные направления его развития. В исследовании предпринята попытка дать ответ о предпосылке для наиболее естественного и корректного изменения конституционного акта, несмотря на то что в конечном счете он может зависеть от конкретных условий конституционализма в каждой отдельной стране. **Методологическую основу** работы составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают метод анализа и системный. **Результаты:** сформулированы императив необходимости и предпосылки реформирования конституционных актов, отмечены логичность и неиз-

бежность конституционной реформы 2020 г. в России и в то же время – ее внутренние особенности, которые в перспективе могут увеличить частоту конституционных изменений. Сделаны **выводы** о том, что стабильность конституционного акта вовсе не должна означать его неизменность; ответ на вопрос о предпосылке для наиболее естественного и корректного изменения конституционного акта зависит от трактовки сущности конституции (как нормативного акта высшей юридической силы, общественного договора, акта закрепления расстановки политических сил либо «инструмента управления изменениями»). Автор приходит к заключению о том, что каким бы ни было понимание конституции, к 2020 г. накопилось достаточное число предпосылок для изменения российского Основного закона, в связи с чем конституционная реформа 2020 г. в России, несмотря на неоднозначность ее оценок, является логичным развитием государства.

Ключевые слова: стабильность, конституция, конституционная реформа, общественный договор, ядро согласия.

Цитирование. Усенков И. А. Конституционная стабильность в свете реформы Конституции РФ 2020 года // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 52–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.7>

Введение

Конституционная стабильность имеет особое значение для любых социума и государства поскольку конституционный акт, в отличие от любого другого закона, должен не просто меняться вслед за общественными отношениями, но и зачастую сдерживать и направлять, обуславливать такие изменения. Однако, что в таком случае означает стабильность конституционного акта? Должен ли он меняться с течением времени, и как часто? Какое влияние в свете ответов на приведенные вопросы оказывает конституционная реформа 2020 г. в России на стабильность основного закона страны?

О необходимости и своевременности изменения конституций

Неизменность конституции – не самоцель и не однозначно положительная характеристика. Конституция Японии, например, не меняется с момента ее принятия в 1947 г., и все чаще об этом говорят как о «патологии культуры поправок» [7, с. 266]. Использование концепта «культура» становится более распространенным в конституционном праве [2, с. 118]. В патологию подобное «застывшее» состояние конституционного акта превращается в связи с постепенной утратой доверия народа к действительной силе текста конституции, который становится настолько гибким, что способен в силу адаптируемого толкования соответствовать практически любым изменившимся обстоятельствам. Поэтому конституции меняются, и средний срок действия

конституций во всем мире составляет около 17 лет (а в период после Первой мировой войны – и вовсе 12 лет) [6].

Для того, чтобы определить момент, предпосылку для естественного изменения, нужно объяснить, что мы понимаем под сущностью конституции.

Ключевые позиции относительно указанной проблемы можно представить следующим образом:

1. Конституция – это общественный договор, договор общественного согласия, заключенный:

– между государством и гражданским обществом, то есть согласующий интересы всего общества [4, с. 13];

– между элитами [3, с. 78].

2. Конституция – документ, фиксирующий расстановку политических сил на момент его принятия [1, с. 10];

3. Конституция – это инструмент управления изменениями, который призван задавать вектор развития общества во времена неопределенности, слабости государственных институтов и отсутствия социального консенсуса [5, с. 45]. Эта концепция предполагает формирование в конституционном тексте некоего устойчивого «ядра согласия» относительно ценностей общества и образа желаемого будущего. Включение таких «точек консенсуса» в конституцию и формирование из них ее ядра позволяет создать одновременно программный акт и функциональный документ даже в ситуации отсутствия полного консенсуса в обществе: согласие социума в вопросе будущего страны и разделяемых ценностей обуславливает высокую легитимность подобных

«аксиологических» норм и дает возможность закрепить сложный порядок их изменения, тем самым утвердив стабильность.

4. Конституция – не более чем нормативный правовой акт, пусть и обладающий наивысшей юридической силой и некоторыми юридико-техническими особенностями.

Выбор между этими позициями делать непросто, да и, пожалуй, не нужно, поскольку он может зависеть от конкретных условий конституционализма в каждой отдельной стране.

Основание для внесения изменений в конституцию будет отличаться в зависимости от того, что в конкретном обществе признается существом Основного закона. Так, если конституция понимается социумом в последнем из приведенных смыслов, то предпосылкой для ее изменения является потеря релевантности общественной жизни; если в первом, то конституция – общественный договор и переменится она как только стороны такого договора внесут в него изменения. Соответственно, конституция, закрепляющая расстановку политических сил, должна будет поменяться в момент изменения действующего их соотношения, а представляющая собой «инструмент управления изменениями» – при смене «ядра согласия». При этом распространенная разноуровневая модель изменения конституции является важным механизмом стабилизации Основного закона во всех означенных концепциях, кроме последней, поскольку «ядро согласия» своей общепризнанностью и консенсуальностью призвано оберегать конституционный акт от изменений, а при применении указанной модели оказывается запертым в определенных разделах конституции и стабилизирует лишь само себя.

Конституционная реформа 2020 г. в России в контексте стабильности Конституции Российской Федерации

В каждой из приведенных выше трактовок сущности конституций время для изменения отечественного Основного закона, по всей видимости, наступило. С 1993 г. изменились и российское общество в целом, и его элита, и отношения между ними. Существенно поменялась расстановка политических сил, а «ядро согласия», пусть и в целом

легитимное и поддерживаемое по сегодняшний день, замкнуто в отдельных главах Конституции РФ, поэтому не распространяет свои легитимность и стабильность на остальные ее части. В этом смысле конституционная реформа 2020 г., несмотря на неоднозначность ее оценок, является логичным развитием государства в России. Не вдаваясь в ее детальный разбор, выделим некоторые особенности последних конституционных поправок, которые в будущем могут оказать влияние на стабильность Конституции РФ.

1. «Развертывание» текста конституции. Так, объем текста увеличился с 9 023 слов до 12 812 слов, то есть на 41,99 %.

2. Текстуальные недостатки измененной конституции. Например, в ней на 52 % – с 65 до 99 – увеличилось количество отсылочных норм, которые в целом не желательны к использованию в конституционных актах, а в рассматриваемом случае еще и зачастую являются излишними и малосодержательными.

3. Внутренние противоречия новой редакции Конституции РФ. К примеру, новая ч. 3 ст. 132 Конституции РФ о вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти выглядит констатацией факта, призванной устранить разрыв между Основным законом и реальностью. Однако ст. 12 Конституции РФ по-прежнему содержит указание на то, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а его органы не входят в систему органов государственной власти.

4. Включение в текст Конституции РФ норм уровня законов. Так, ч. 5–7 ст. 75 Конституции РФ (минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума, индексация пенсий, обязательное социальное страхование), безусловно, социально значимы, но не ясна необходимость их присутствия именно в тексте конституционного акта.

Выводы

Стабильность конституционного акта вовсе не должна означать его неизменность. Ответ на вопрос о предпосылке для наиболее естественного и корректного изменения конституционного акта зависит от трактовки кон-

ституции: если конституция – это нормативный акт высшей юридической силы, то утрата в любой степени конституционным текстом соответствия потребностям общества и государства; если общественный договор, то изменение условий последнего его участниками; если акт закрепления расстановки политических сил, то изменение такой расстановки; если «инструмент управления изменениями», то смена «ядра согласия».

При этом в каждой из приведенных выше трактовок сущности конституций время для изменения отечественного Основного закона, по всей видимости, к 2020 г. действительно наступило. В этом смысле конституционная реформа 2020 г., несмотря на неоднозначность ее оценок, является логичным развитием государства в России. При этом некоторые ее детальные особенности могут привести к более частым изменениям Конституции РФ в будущем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90067.

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-311-90067.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выдрин, И. В. Черты конституции – категория науки конституционного права / И. В. Выдрин // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 11. – С. 9–14.

2. Давыдова, М. Л. Рец. на кн.: Сазонникова, Е. В. Конституционное право и концепт «культура»: монография / Е. В. Сазонникова. – Воронеж: Науч. кн., 2011. – 155 с. / М. Л. Давыдова, О. И. Шарно // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 1 (18). – С. 118–120.

3. Старостина, И. А. Современное конституционное реформирование Японии / И. А. Старостина, М. И. Амара // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 8. – С. 73–80.

4. Тарабан, Н. А. Конституция Российской Федерации как общественный договор: стабильность и динамизм / Н. А. Тарабан // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 9. – С. 12–15.

5. Шахрай, С. М. Конституция России: стабильность и развитие / С. М. Шахрай // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 44–54.

6. Yokodaido, S. Constitutional Stability in Japan not Due to Popular Approval / S. Yokodaido // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20, iss. 2. – P. 263–283. – DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.16>

7. Ginsburg, T. The Lifespan of Written Constitutions / T. Ginsburg, Z. Elkins, J. Melton // Alumni Magazine. – 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.law.uchicago.edu/alumni/magazine/lifespan> (date of access: 26.03.2022). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vydrin I.V. Cherty konstitucii – kategorija nauki konstitucionnogo prava [Features of the Constitution – A Category of the Science of Constitutional Law]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2019, no. 11, pp. 9-14.

2. Davydova M.L., Sharno O.I. Rec. na kn.: Sazonnikova, E. V. Konstitucionnoe pravo i koncept «kul'tura»: monografija / E. V. Sazonnikova. – Voronezh: Nauch. kn., 2011. – 155 s. [Review of the Book: Sazonnikova E.V. Constitutional Law and the Concept of “Culture”. Monograph / E.V. Sazonnikova. – Voronezh: Scientific Book Publ., 2011. – 155 p.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5, Jurisprudencija* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence], 2013, no. 1 (18), pp. 118-120.

3. Starostina I.A., Amara M.I. Sovremennoe konstitucionnoe reformirovanie Japonii [Modern Constitutional Reformation of Japan]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 8, pp. 73-80.

4. Taraban N.A. Konstitucija Rossijskoj Federacii kak obshhestvennyj dogovor: stabil'nost' i dinamizm [The Constitution of the Russian Federation as a Social Contract: Stability and Dynamism]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2018, no. 9, pp. 12-15.

5. Shahraj S.M. Konstitucija Rossii: stabil'nost' i razvitie [Constitution of Russia: Stability and Development]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2018, no. 10 (95), pp. 44-54.

6. Yokodaido S. Constitutional Stability in Japan not Due to Popular Approval. *German Law Journal*, 2019, vol. 20, iss. 2, pp. 263-283. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.16>

7. Ginsburg T., Elkins Z., Melton J. The Lifespan of Written Constitutions. *Alumni Magazine*, 2009. URL: <http://www.law.uchicago.edu/alumni/magazine/lifespan> (accessed 26 March 2022).

Information About the Author

Ivan A. Usenkov, Assistant, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, i.usenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2522-8517>

Информация об авторе

Иван Алексеевич Усенков, ассистент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, i.usenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2522-8517>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 16.05.2022
Accepted: 15.06.2022

INVESTMENTS ON THE INTERNET: REMOTE TRANSACTIONS WITH THE ELECTRONIC EQUIVALENTS OF OBLIGATIONS AND REQUIREMENTS ¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
International Law Institute (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Introduction: to date, transactions with complex new investment objects are investigated, including utilitarian digital rights, digital financial assets, and digital currency. In this regard, the author sets a **goal:** to analyze and investigate the features of remote investment transactions made by individuals (private investors) on the Internet. **Methods:** the methodological framework for the study was the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis and comparative law. **Results:** the specifics of the circumstances justified by the fact that the category “electronic equivalents of obligations and requirements” should be fixed as the key concept that should be included in the title of the Federal Law “On Digital Financial Assets” instead of the word formation “digital financial assets”. **Conclusions:** based on the analysis of the legislation, it is necessary to simplify and modernize the structure of interaction between a private investor, an information system operator, an investment recipient and eliminate unnecessary irrational stages of their interaction using digital computer technologies of a smart contract. Based on the results of the study, the author offers recommendations for the development of standard smart contracts.

Key words: private investor, Internet, requirements, obligations, information system, blockchain, electronic equivalents, transaction.

Citation. Matytsin D.E. Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 57-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 16.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

ИНВЕСТИЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ: ДИСТАНЦИОННЫЕ СДЕЛКИ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ТРЕБОВАНИЙ ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Введение: на сегодняшний день исследуются сделки со сложными новыми объектами инвестирования, в числе которых утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта. В связи с этим автором поставлена **цель:** проанализировать и исследовать особенности дистанционных инвестиционных сделок, совершаемых физическими лицами (частными инвесторами) в Интернете. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** изучена специфика обстоятельств, обоснованных тем, что в качестве ключевого понятия, которое должно быть вынесено в название Федерального закона «О цифровых финансовых активах», вместо словосочетания «цифровые финансовые активы» следует закрепить категорию «электронные эквиваленты обязательств и требований». **Выводы:** на основе анализа законодательства следует упростить и модернизировать струк-

туру взаимодействия частного инвестора, оператора информационной системы, получателя инвестиций и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта. По итогам проведенного исследования автором предложены рекомендации по разработке типовых смарт-контрактов.

Ключевые слова: частный инвестор, Интернет, требования, обязательства, информационная система, блокчейн, электронные эквиваленты, сделка.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

Введение

Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ) регулирует деятельность операторов инвестиционных платформ [10], порядок возникновения и обращение утилитарных цифровых прав, выдачу и обращение ценных бумаг, удостоверяющих утилитарные цифровые права. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ мы находим легальные способы осуществления дистанционно-цифровых инвестиционных сделок с новыми объектами, которые Законодатель назвал «утилитарные цифровые права».

По нашему мнению, слово «цифровые» в сочетании с термином «права» не несет никакого смысла. Реально никакие права нигде не имеют никаких цифровых отметок и цифрового содержания. Это не права на какие-либо цифры, Законодатель имеет в виду электронный способ фиксации тех или иных прав (требований), включая базовые положения Гражданского кодекса РФ о цифровых правах. Мы убеждены, что корректным и наполненным смыслом является термин «оцифрованные права (требования)». Оцифровка, осуществляемая при помощи компьютерных программ, всегда связана с использованием алгоритмов, которые, в свою очередь, всегда предусматривают шифрование – криптографическую защиту данных при их передаче. В этой связи, рассматривая оцифрованные права (требования) с позиций инвестиционных отношений, мы считаем обоснованным и целесообразным называть их криптообъекты [1, с. 180–190].

Исследование

Согласно ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, утилитарность утилитарных цифровых прав означает их практично-прикладной характер. По существу, утилитарные цифровые права – это обыкновенные требования кредитора к должнику. Законодатель предусмотрел пять разных вариантов этих требований: во-первых, требование передать вещь (вещи); во-вторых, требование передать исключительное право на результат интеллектуальной деятельности; в-третьих, требование передать право использования результата интеллектуальной деятельности; в-четвертых, требование выполнить работы; в-пятых, требование оказать услуги. Указанные требования, юридически выраженные цифровыми правами, выпускаются, переходят от лица к лицу и прекращаются только внутри базы данных инвестиционной платформы. По нашему мнению, подобное электронно-виртуальное утилитарное требование представляет собой не что иное, как оцифрованное инвестиционное предложение, совмещенное с обязательством получателя инвестиций, который взаимодействует с оператором данной инвестиционной платформы. Логично, что такие инвестиционные предложения, совмещенные с обязательством оферента и превращенные при помощи специальных компьютерных программ, которыми владеет оператор, в зашифрованные записи (которые еще и фиксируют сами инвестиционные предложения), далее уже в виде особых криптообъектов могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться инвесторами только внутри данной инвестиционной платформы. В законе предусмотрено присвоение уникальных условных обозначений для утилитарного цифрового права или для одинаковых утилитарных цифровых прав. Такие обозначения должны

позволять идентифицировать эти криптообъекты как в инвестиционной платформе, так и вне ее. Должны также позволять различать утилитарные цифровые права между собой без необходимости выяснения их содержания.

В этой связи Законодатель в ст. 11 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ устанавливает специальные требования к инвестиционной платформе. Во-первых, программно-аппаратные средства инвестиционной платформы должны быть физически разделены на несколько узлов (один узел – один пользователь). Это достигается без особых проблем при помощи Интернета. Каждый узел (каждый пользователь) имеет техническую возможность хранить (дублировать) базу данных инвестиционной платформы, безусловно, каждый узел имеет подключение к информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Во-вторых, каждый узел обеспечивается одной и той же компьютерной программой, которой управляется указанная база данных. В-третьих, информационные технологии платформы в автоматическом режиме (без участия человека) при помощи указанной компьютерной программы обеспечивают дублирование (поддержание тождественности) сведений, содержащихся в базах данных инвестиционной платформы, на каждом из узлов инвестиционной платформы. По нашему мнению, в этом пункте указанной статьи Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ Законодатель закрепил применение субъектами, взаимодействующими в инвестиционной платформе, технологии блокчейн [4, с. 221–229]. Фиксация и дублирование (без участия человека) данных при осуществлении сделок с утилитарными цифровыми правами – особыми криптообъектами в базе данных (одинаково во всех узлах) каждого из участников позволяют исключить на техническом уровне любые возможности изменить и (или) удалить информацию о состоявшихся фактах по каждому этапу единичной дистанционной инвестиционной сделки.

Законодатель в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ выводит из состава утилитарных цифровых прав три разновидности требований. Во-первых, требование передачи имущества, права на которое подлежат государственной регистрации. Во-вторых, требование передачи имущества, сделки с кото-

рым подлежат государственной регистрации. В-третьих, требование передачи имущества, сделки с которым подлежат нотариальному удостоверению. Следовательно, указанные требования не могут быть оцифрованы и не могут в качестве особых криптообъектов появиться в обороте на какой-либо инвестиционной платформе.

Возникновение утилитарного цифрового права по мысли Законодателя основано на договоре о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Именно по факту заключения такого договора, в котором в качестве предмета закрепляется цифровое право (требование), происходит рождение и дальнейшее существование в обороте этих особых криптообъектов. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ мы не находим никаких подробностей относительно положений указанного договора. При этом имеется регулирование непосредственно самих криптообъектов. Получатель инвестиций в своем инвестиционном предложении обязан раскрыть содержание и условия осуществления утилитарных цифровых прав: во-первых, сущность самого требования; во-вторых, порядок осуществления данного требования; в-третьих, количество предлагаемых инвесторам требований. Эти условия не могут измениться с момента начала срока действия инвестиционного предложения. Как видим, утилитарные цифровые права первоначально рождаются как электронно-виртуальная идея и будущая юридическая форма обязательства, которое возникнет между инвестором и получателем инвестиций, но может и не возникнуть, если инвестиционное предложение не будет воспринято инвесторами как привлекательное и перспективное. Полагаем, такая минимально затратная технология выдвижения инвестиционных предложений, предусматривающая их последующее превращение в оборотное обязательство, весьма рациональна и выгодна для потенциальных получателей инвестиций. При этом инвесторы также имеют широчайшие возможности выбора вариантов дистанционных инвестиций тоже без особых затрат – от них требуется только внимательное изучение широкого спектра вариантов вложений в инвестиционном сегменте Интерне-

та, непрерывный доступ к которому тоже стоит совсем недорого.

Как отмечено выше, эти особые криптообъекты имеют четко очерченные рамки своего оборота. А именно: возникновение утилитарного цифрового права, его осуществление, распоряжение им (включая передачу, залог, обременение другими способами). Ограничение распоряжения им возможны только в инвестиционной платформе. Указанные варианты пребывания в обороте, равно как и переход криптообъекта от одного лица к другому становятся юридически значимыми с момента фиксации соответствующего факта в базе данных платформы, а также в каждом узле дублирования [13, р. 328–336]. В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ч. 8 ст. 8) Законодатель установил обязанность оператора обеспечить для инвесторов техническую возможность приобретать утилитарные цифровые права, знакомиться с их содержанием, осуществлять имеющиеся во владении требования, а также распоряжаться ими. Предусмотрено также (ч. 9 ст. 8) право оператора предоставить возможность принять для учета обращающиеся утилитарные цифровые права четвертому лицу (не себе – оператору, не инвестору, не получателю инвестиций). Здесь, к сожалению, мы сталкиваемся в законе с очередным нерациональным нагромождением, при котором в схему инвестиционного взаимодействия оператора, инвестора, получателя инвестиций добавляется совершенно излишний субъект, причем добавляется обязанность оператора установить юридическую личность такого субъекта. Наряду с этим загадочным четвертым лицом, Законодатель допускает учет утилитарных цифровых прав депозитарием в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Вовлечение в схему инвестиционного взаимодействия депозитария сопровождается созданием Законодателем в рамках Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ новой ценной бумаги – это цифровое свидетельство. В гражданском обороте хорошо известны свидетельство о рождении, свидетельство о заключении брака, двойное складское свидетельство, простое складское свидетельство и др. Здесь цифровое свидетельство тракту-

ется как неэмиссионная бездокументарная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости. Во-первых, эта бестелесная бумага принадлежит лицу, владеющему утилитарным цифровым правом. Во-вторых, эта бумага свидетельствует, что владельцу бумаги принадлежит утилитарное цифровое право. В-третьих, эта бумага закрепляет право ее владельца требовать от депозитария оказания услуг по осуществлению утилитарного цифрового права и (или) распоряжения им определенным образом. В-четвертых, эта бумага – цифровое свидетельство выдается депозитарием владельцу утилитарного цифрового права, учет которого осуществляется этим депозитарием. По всей видимости, Законодатель, вводя в правовое поле цифровое свидетельство, пытался создать юридический заменитель утилитарного цифрового права с целью облегчения его восприятия участниками гражданского оборота, которым, возможно, более привычно и более доверительно воспринимать оборот объектов инвестирования при участии давно известного депозитария. В очередной раз можно с сожалением указать на нерациональное нагромождение, которое возникает в регулировании оборота криптообъектов вследствие надуманного вовлечения в схему инвестиционного взаимодействия четвертого лица – сначала некоего загадочного субъекта, затем еще более громоздкое вовлечение депозитария. При этом пришлось на ходу придумывать, какие именно «ценные бумаги» депозитарий сам будет рождать, а потом сам же их будет учитывать. Здесь следует поблагодарить Законодателя, что выдача цифрового свидетельства не требует государственной регистрации. Следует уточнить, что по гибкой мысли Законодателя оборот утилитарных цифровых прав возможен вообще без всякого обращения к депозитарию и без выдачи в отношении утилитарных цифровых прав цифровых свидетельств.

Полагаем, что негативные (противоправные) варианты осуществления оборота утилитарных цифровых прав, которые приводит Законодатель в подп. 1, 2, 3 ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, возможны только при наличии сговора всех субъектов, участвующих в инвестиционной сделке, а именно: инвестор, получатель ин-

вестиций, оператор платформы. Первый вариант предполагает возможность внесения в базу данных, содержащую информацию о возникновении, переходе и прекращении утилитарных цифровых прав информации о переходе утилитарного цифрового права, которое было прекращено. То есть имеется в виду продолжение оборота оцифрованного инвестиционного предложения, совмещенного с обязательством – требования, которое на самом деле уже прекратилось в силу исполнения обязательства (ст. 407 Гражданского кодекса Российской Федерации). Второй вариант, расширяя первый, предполагает, что не соблюдаются условия обращения и прекращения утилитарных цифровых прав, определенных в инвестиционном предложении. Третий вариант предполагает возможность увеличения (уменьшения) количества утилитарных цифровых прав в обращении в инвестиционной платформе не только путем их возникновения у инвестора, принявшего инвестиционное предложение, и прекращения не только по основаниям, установленным Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

Полагаем также, что Законодатель вполне обоснованно усматривает противоправные возможности создания цифровой финансовой пирамиды, поскольку в инвестиционной платформе генерировать утилитарные цифровые права можно практически мгновенно и это практически ничего не стоит по затратам, необходимо лишь подготовить привлекательное инвестиционное предложение. По нашему мнению, установленной в законе ответственности оператора инвестиционной платформы в юридической конструкции «в такой инвестиционной платформе должны обеспечиваться...» недостаточно. Следует усилить гарантии для инвесторов, а также в целях поддержания долгосрочной стабильности инвестиционного сегмента Интернета следует осуществлять сделки с утилитарными цифровыми правами на инвестиционных платформах по предложенной нами ранее схеме полисубъектного юрисдикционного блокчейна, в которой должны системно взаимодействовать 6 субъектов. При этом участия депозитария не требуется [6, с. 171–174].

Особый криптообъект (утилитарное цифровое право) представляет собой оцифрован-

ное требование к потенциальному получателю инвестиций, которое он сам приготовил для инвесторов, чтобы получить деньги на определенный срок и по определенной цене, превратив тем самым инвестиционное предложение в свое обязательство должника. Например, завод железобетонных изделий предлагает на инвестиционной платформе утилитарное цифровое право: требование к нему о передаче владельцу требования 12 тыс. куб. метров товарного бетона марки М500 в течение срока 12 месяцев по 1 тыс. куб. метров бетона в месяц самовывозом получателя из адреса должника. Вполне возможно, что инвестор какого-то строящегося жилого комплекса нуждается в таком количестве бетона, режим исполнения обязательства его устраивает. Очевидно, что цена за указанный товар, которая будет уплачена инвестором за год вперед, будет существенно ниже, чем цена, которую уплачивают покупатели бетона, ожидающие отгрузки в порядке «живой очереди» у заводской проходной. Лицо, привлекающее инвестиции (завод железобетонных изделий), получив от инвестора крупную денежную сумму – годовую выручку за еще не изготовленный и не поставленный бетон, добросовестно израсходует эти деньги на свои задачи развития. Например, им будет закуплено новое высокоэффективное оборудование, которое усилит имущественный комплекс завода и принесет получателю инвестиций существенную выгоду в дальнейшей предпринимательской деятельности.

В Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ Законодатель предусмотрел возможность оборота в инвестиционной платформе криптообъектов еще двух видов. Во-первых, цифровые финансовые активы; во-вторых, цифровые права, включающие одновременно утилитарные цифровые права плюс цифровые финансовые активы [5, с. 28–31]. Так же, как и оцифрованные требования, указанные активы и цифровая валюта, несомненно, интересны нам с исследовательских позиций, потому что являются объектами инвестирования и предметом дистанционно-цифровых инвестиционных сделок.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации» (Федеральный закон «О цифровых финансовых активах») регулирует 3 группы отношений [12]. Первая группа: отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов. Вторая группа: особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов. Третья группа: отношения, возникающие при обороте цифровой валюты. Рассмотрим далее варианты совершения дистанционных инвестиционных сделок, продвигаясь в анализе тоже по группам регулируемых отношений.

К новейшим объектам гражданских прав и объектам инвестирования следует отнести цифровые финансовые активы. Законодатель трактует цифровые финансовые активы как цифровые права, включая в их состав 4 вида требований. Первый вид – денежные требования. Второй вид – права по эмиссионным ценным бумагам. Третий вид – права участия в капитале непубличного акционерного общества. Четвертый вид – требование передачи эмиссионных ценных бумаг. Все четыре указанных вида цифровых прав (требований) должны быть предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов (в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах»). При этом выпуск, учет и обращение цифровых прав (требований) возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»). По нашему мнению, термин «информационная система» заменяет простейшее понятие веб-сайт, при этом термины «финансовая платформа», «инвестиционная платформа» уже задействованы Законодателем в других федеральных законах. Вполне обоснованно можно было назвать применяемую технологию оборота указанных выше требований «блокчейн-платформа», но, как видим, Законодатель применил термин «информационная система», который наиболее нейтрален и не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки [15, р. 205–213]. Кроме того, полагаем, что термин «циф-

ровые финансовые активы» привязан к инвестору, который вложив деньги встречно получает определенный оцифрованный актив, также непротиворечиво можно называть эти криптообъекты «оцифрованное обязательство», привязав термин к получателю инвестиций.

По нашему мнению, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» содержит самые широкие инвестиционные свободы, которые могут быть реализованы креативными получателями инвестиций и инвесторами. Решение о выпуске этих криптообъектов может быть принято любым российским индивидуальным предпринимателем, юридическим лицом, обязателен его действующий веб-сайт в Интернете. Выпускаются криптообъекты в той самой информационной системе блокчейн-платформе, веб-сайт которой указывается в Решении. Указывается также вид, объем, количество требований, представленных выпускаемыми криптообъектами. Указывается цена при их оплате денежными средствами и (или) пропорции других цифровых финансовых активов при встречном расчете бартером. В решении также фиксируется дата начала размещения цифровых финансовых активов. Здесь обратим внимание на следующую фразу Законодателя: «...дату начала размещения выпускаемых цифровых финансовых активов путем заключения договоров об их приобретении;» (подп. 7 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О цифровых финансовых активах»). Полагаем, имеется в виду, что размещение всего объема криптообъектов происходит на основании заключения каждым инвестором договора о приобретении цифровых финансовых активов. Заметим, что нигде далее в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах» мы не находим положений, раскрывающих содержание указанного договора. В Решении также может быть указано, что допускаются сделки, предусматривающие исполнение сторонами возникающих из них обязательств при наступлении определенных обстоятельств. Причем без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон, а путем применения информационных технологий. Здесь, как видим, Законодатель имеет в виду смарт-контракты, их применение в инвестиционных отношениях мы полностью под-

держиваем. Кроме того, в Решении возможно даже зафиксировать ограничение оснований и (или) размера ответственности лица, выпускающего цифровые финансовые активы. Банк России вправе установить дополнительные требования к содержанию Решения о выпуске цифровых финансовых активов. Указанное Решение о выпуске (публичная оферта) размещается на веб-сайте самого оферента, а также на веб-сайте информационной системы – блокчейн-платформы в электронной форме, с усиленной электронной подписью.

Согласно ст. 2 Федерального закона «О цифровых финансовых активах», Законодатель приравнивает выпуск цифровых финансовых активов к записи об их зачислении первому «обладателю». Это довольно странный термин, не понятно, какое правомочие Законодатель имеет в виду, поскольку в гражданском праве существует классическая триада правомочий: владение, пользование, распоряжение. Причем здесь ст. 1229 ГК РФ и лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель) [9, с. 117–125]? Почему Законодатель не использует термин «владелец»? Потому что это категория вещного права? А какое правомочие Законодатель здесь имеет в виду?

С момента записи о зачислении лицу (инвестору) цифровых финансовых активов в указанной выше информационной системе блокчейн-платформе у инвестора возникает конкретное право (требование). Далее мы сталкиваемся с особо либеральным положением о том, что те самые записи в информационную систему блокчейн-платформу вправе вносить любые индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации. То есть владельцем информационной системы блокчейн-платформы может быть одно лицо (оператор), вносить записи о зачислении инвесторам цифровых финансовых активов могут другие лица. При этом Банк России может установить порядок зачисления в определенных случаях цифровых финансовых активов номинальному их держателю – классическому лицензированному депозитарию.

Инвесторы, которые вкладываются в цифровые финансовые активы, во-первых, включаются в Реестр пользователей инфор-

мационной системы. Во-вторых, получают уникальный код доступа, позволяющий им получать информацию об имеющихся активах, а также распоряжаться ими. Оборот цифровых финансовых активов сопровождается записями об их принадлежности. Записи вносятся и (или) изменяются по указанию выпустившего их получателя инвестиций, по указанию инвестора-владельца, а также автоматически на основании смарт-контракта. Законодатель в ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О цифровых финансовых активах» указывает, что по исполнению обязательства получателем инвестиций «записи о цифровых финансовых активах должны быть погашены». Это некорректное выражение, ошибочно образованное от юридической процедуры «запись о погашении (списании погашаемых) ценных бумаг». Невозможно погасить запись, поскольку это всего лишь буквы и цифры в таблице в базе данных. Запись может быть только аннулирована (что вовсе не означает стерта), то есть больше не имеет юридической силы. В этой части требуется изменение законодательства. Переход цифровых финансовых активов к новому приобретателю считается состоявшимся также с момента внесения записи в информационную систему.

Информационная система блокчейн-платформа находится под управлением оператора. Это юридическое лицо – российский резидент. В качестве оператора могут на условиях совмещения осуществлять предпринимательскую деятельность российские кредитные организации, депозитарии, организаторы торговли. По нашему мнению, требования Законодателя, установленные к оператору в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах», весьма высокие и жесткие. Правовая характеристика оператора (ст. 5), требования к деятельности оператора (ст. 6), ответственность оператора (ст. 9) занимают более трети объема всего закона. В этой связи представляется очень сомнительной норма закона о том, что некий индивидуальный предприниматель, некое юридическое лицо помимо оператора (даже, например, на условиях аутсорсинга) будут допущены этим оператором к внесению записей о движении цифровых финансовых активов. Тем более, что оператор сам разрабатывает и утверждает

Правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, представляет их на согласование в Банк России вместе с огромным пакетом иных документов. Банк России имеет право до 60 дней рассматривать Правила и иные документы, представленные заявителем, затем согласовывает эти Правила либо выносит отказ. В положительном случае в срок до трех дней Банк России включает заявителя в Реестр операторов информационных систем на своем веб-сайте, тем самым легитимируя заявителя в статусе оператора. Банк России вправе исключить оператора из указанного Реестра за нарушения, а также по его добровольному заявлению.

Упомянутый выше Реестр пользователей информационной системы ведет сам оператор (может также для этого привлечь лиц, функционирующих в качестве узлов блокчейн-платформы). В нем фиксируются, во-первых, сведения о каждом пользователе информационной системы; во-вторых, сведения, необходимые для аутентификации пользователя в информационной системе; в-третьих, запись о статусе пользователя, кто это: лицо, выпускающее цифровые финансовые активы; владелец цифровых финансовых активов; оператор обмена цифровых финансовых активов. Как видим, дистанционная инвестиционная сделка с цифровыми финансовыми активами не обходится без посредника.

Согласно ст. 10 Федерального закона «О цифровых финансовых активах», сделки купли-продажи и все иные сделки с этими криптообъектами «совершаются через оператора обмена цифровых финансовых активов». Законодатель неудачно поименовал его оператором, как минимум сразу в трех федеральных законах 2019–2020 гг. встречается субъект с таким же названием. Данный субъект «обеспечивает заключение сделок с цифровыми финансовыми активами путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в сделке с цифровыми финансовыми активами в качестве стороны такой сделки в интересах третьих лиц» [12]. По существу, это хорошо знакомый нам брокер и дилер одновременно. Его бизнес могут на условиях совмещения осуществлять кредитные организации и

организаторы торговли. Если это будет иная коммерческая, некоммерческая организация, необходим капитал в размере не менее 50 млн рублей, а также необходимо соответствие еще целому ряду высоких и жестких требований на уровне, близком к уровню коммерческого банка. В этом случае на основании ходатайства и поданного огромного пакета документов в установленном Банком России порядке такой брокер-дилер будет включен в Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Заметим, что бизнес оператора кредитные организации и организаторы торговли вправе осуществлять на основании своих действующих лицензий, им не требуется включение в указанный Реестр [16, с. 199].

Дистанционные инвестиционные сделки с цифровыми финансовыми активами осуществляются по Правилам их обмена. Эти Правила оператор обмена (брокер-дилер) согласовывает с Банком России. Банк России имеет право до 45 дней рассматривать Правила и иные документы, представленные заявителем, затем согласовывает эти Правила либо выносит отказ. В положительном случае в срок до трех дней Банк России включает заявителя в Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов на своем веб-сайте.

Выводы

По нашему мнению, инвестиционная сделка с указанными криптообъектами имеет сложносоставную структуру. Инвестор и потенциальный получатель инвестиций, оба двигаясь каждый к своей цели получения прибыли, находят в Интернете веб-сайт оператора обмена. Каждому указанному субъекту необходимо вступить в контакт и выстроить договорное отношение с оператором обмена для того, чтобы оператор подыскал инвестору соответствующего получателя инвестиций, помог купить у него утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты. Справедливо и обратное: поиск потенциальным получателем инвестиций инвестора должен также закончиться положительно при помощи оператора обмена – совершением продажи криптообъектов. Оператор обмена может не совпадать в одном лице с оператором информационной системы –

блокчейн-платформы, тогда потребуется еще одно договорное отношение. Возникает нагромождение сразу четырех договоров. По нашему мнению, следует упростить и модернизировать структуру взаимодействия указанных выше субъектов и устранить лишние нерациональные этапы их взаимодействия при помощи цифровых компьютерных технологий смарт-контракта [14, р. 3–13].

Криптообъекты инвестирования, названные Законодателем «цифровые финансовые активы» в течение последних 4–5 лет были удостоены весьма пристального внимания крупных, авторитетных, ведущих представителей юридической доктрины. С одной стороны, законотворческая работа над Федеральным законом «О цифровых финансовых активах» продолжалась около трех лет, с другой – законодателем была воспринята всего лишь примерно треть рекомендаций, предложенных учеными.

Громоздкость положений, в частности правового режима оператора информационной системы, правового режима оператора обмена цифровых финансовых активов, вполне ожидаемо обернулась печальным фактом. К середине 2022 г. на веб-сайте Банка России мы находим в Реестре операторов информационных систем, в Реестре операторов обмена цифровых финансовых активов, только трех хозяйствующих субъектов [2]. Считаем весьма проблематичным участие частных инвесторов в инвестиционных сделках в этих сложных информационных системах блокчейн-платформах [9]. Понятно, что Законодатель пытался ввести в правовое поле интенсивные интернет-процессы токенизации – оцифровки обязательств и требований получателями инвестиций под их предпринимательские проекты. Следует здесь также напомнить, что сам Законодатель допускает сделки с цифровыми финансовыми активами еще и в инвестиционных платформах [4, с. 221–229].

К сожалению, текст нормативного акта имеет просто ошибки, также присутствуют содержательные противоречия. Например, в составе основных понятий (ч. 2 ст. 1) Законодатель указывает, что цифровые финансовые активы есть оцифрованные требования нескольких видов. Однако буквально в следующих статьях закона мы видим совсем иное. Так, в ст. 2 (ч. 1, 2), в ст. 3 (п. 3, п. 11 ч. 1), в ст. 12, 13

представлена конструкция – аналог ценных бумаг, поскольку в тексте закреплено: «...права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами...». Здесь возникает тупик, потому что неясно, цифровые финансовые активы – это сами оцифрованные требования и одновременно обязательства, или это их юридические заменители в электронной форме?

Вполне соответствует понятийная категория «электронные эквиваленты обязательств и требований» цифровой валюте, закрепленной в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах». Это тоже электронный способ фиксации обязательства, фиксации требования – это особые криптозаписи, формируемые в Интернете и используемые по технологии блокчейн коллективами пользователей на взаимно-доверительной основе для расчетов между участниками этих коллективов. Как новые объекты гражданских прав [8] данные криптозаписи названы Законодателем «совокупностью электронных данных» и допускаются Законодателем в качестве объектов инвестирования в дистанционных сделках [7, с. 39–47]. Следует уточнить, что внутри блокчейн-коллектива пользователей указанные денежные суррогаты превращаются в обязательства и требования в каждом случае индивидуально и спонтанно, только при наличии взаимного интереса участников расчетов. При этом отметим, что Законодатель устанавливает гарантии судебной защиты прав инвесторов в рамках подобных сделок только при условии, что инвестор-владелец этих криптозаписей своевременно и в полном объеме уведомил о фактах своего владения и о фактах состоявшихся сделок с его участием налоговые органы.

Заключение

По нашему мнению, наиболее острым противоречием, которое мы считаем особенно вредным для инвестиционного оборота, является бессодержательность и несоответствие смыслу регулируемых отношений центрального термина нормативного акта «цифровые финансовые активы». Относительно бессодержательности термина «цифровые» мы уже высказывались ранее. Термин «финансовые» нигде Законодателем не раскрывается и не имеет принципиального значения применительно к

регулированию оборота криптообъектов, тем более сам Законодатель допускает безденежный бартерный обмен одних криптообъектов встречно на другие объекты. Термин «активы» односторонне привязан к позиции инвестора, который, вложив деньги, получает во владение некие активы. Можно вполне резонно задать вопрос, а где же позиция получателя инвестиций, у которого возникает обязательство, уравновешивающее те же самые активы, которые «получает» инвестор? Полагаем, термин «активы» традиционно имеет больше экономико-бухгалтерское звучание и содержание, чем инвестиционное и юридическое. По нашему мнению, в качестве ключевого понятия, которое должно быть вынесено в название Федерального закона «О цифровых финансовых активах» вместо словосочетания «цифровые финансовые активы», следует закрепить «электронные эквиваленты обязательств и требований». Такая терминология юридически прозрачна и понятна, точно отражает сущность регулируемых отношений и функциональное предназначение самих криптообъектов: электронный способ фиксации обязательства, способ фиксации требования. Полагаем, что практическая отработка положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах» в течение 2022–2024 гг. должна осуществляться на основе смарт-контрактов. Необходимо разработать типовые смарт-контракты – шаблоны (договор о приобретении утилитарного цифрового права, договор о приобретении, договор обмена цифровых финансовых активов, единый договор инвестора, получателя инвестиций, оператора обмена активов, оператора информационной системы) и начать их применение под пилотированием и в регулятивной «песочнице» Банка России [11].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция».

The research is carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences in the framework of the scientific project No. 20-18-00314 “Transformation of Public Relations in the Context of Industry 4.0: Legal Prevention”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. В. Соотношение институтов цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровых валют / Н. В. Алексеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 180–190. – DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>
2. Банк России : офиц. сайт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/registries/infrastr/#a_132564 (дата обращения: 07.05.2022). – Загл. с экрана.
3. Иншакова, А. О. Правовое регулирование инвестиционных платформ в условиях интенсификации цифровых технологий на рынке ценных бумаг / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Право и практика. – 2020. – № 1. – С. 107–115.
4. Иншакова, А. О. Электронная регистрация фактов для снижения конфликтности хозяйственной деятельности в режиме полисубъектного юрисдикционного блокчейна / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. В.К. Пучинского (Москва, 12 окт. 2018 г.) / под. ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. – М. : РУДН, 2018. – С. 221–229.
5. Кушнарв, А. С. Цифровые финансовые активы в делах о банкротстве / А. С. Кушнарв, В. О. Пучков // Бизнес, менеджмент и право. – 2022. – № 1. – С. 28–31.
6. Матыцин, Д. Е. Утилитарные цифровые права как предмет дистанционно-цифровых сделок в инвестиционных платформах / Д. Е. Матыцин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164). – С. 171–174.
7. Матыцин, Д. Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных цифровых инвестиционных сделках / Д. Е. Матыцин // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 39–47.
8. Объекты гражданских прав : учеб. для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. И. Гончаров [и др.] ; под ред. А. И. Гончаров, А. О. Иншаковой. – 2-е изд. – М. : Юрайт ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2020. – 566 с.
9. Понкин, И. В. Проблемы в праве интеллектуальной собственности, перспективно определяемые процессами цифровизации: общие вопросы теории / И. В. Понкин, А. И. Лаптева // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2022. – № 47 (1). – С. 117–125. – DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125>
10. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5017.

12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.

13. Inshakova, A. O. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, I. V. Ershova // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)* / ed. by A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. – Cham : Springer Nature, 2020. – P. 328–336. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 110).

14. Inshakova, A. O. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, D. A. Salikov // *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects* / ed. by E. Popkova, B. Sergi. – Cham : Springer Science, 2020. – P. 3–13. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 91). – DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_1

15. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 205–213. – (ed. by E. G. Popkova. *Studies in Computational Intelligence* ; vol. 826).

16. Matytsin, D. E. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors / D. E. Matytsin, A. I. Goncharov, A. O. Inshakova // *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention* // ed. by A. O. Inshakova, E. E. Frolova. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2022. – P. 199–208. – (ed. by E. G. Popkova. *Advances in Research on Russian Business and Management*).

REFERENCES

1. Alekseev N.V. Sootnoshenie institutov cifrovyyh prav, cifrovyyh finansovyh aktivov i cifrovyyh valyut [Correlation of Institutions of Digital Rights, Digital Financial Assets and Digital Currencies]. *Vestnik*

Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law], 2022, no. 1 (48), pp. 180-190. DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2022.1/3723>

2. *Bank Rossii : ofic. sajt* [Bank of Russia: Official. Website]. URL: https://www.cbr.ru/registries/infrastr/#a_132564 (accessed 7 May 2022).

3. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Pravovoe regulirovanie investitsionnyh platform v usloviyah intensivatsii cifrovyyh tekhnologiy na rynke cennyh bumag [Legal Regulation of Investment Platforms in the Context of the Intensification of Digital Technologies in the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 1, pp. 107-115.

4. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Elektronnaya registratsiya faktov dlya snizheniya konfliktnosti hozyajstvennoj deyatel'nosti v rezhime polisubektnogo yurisdiktsionnogo blokchejna [Electronic Registration of Facts to Reduce the Conflict of Economic Activity in the Regime of a Multi-Subject Jurisdictional Blockchain]. E.E. Frolova, E.P. Rusakova, eds. *Sravnitel'no-pravovyye aspekty pravootnoshenij grazhdanskogo oborota v sovremennom mire : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati prof. V.K. Puchinskogo (Moskva, 12 okt. 2018 g.)* [Comparative Legal Aspects of Legal Relations of Civil Circulation in the Modern World: Collection of Articles. Art. International Scientific-Practical. Conf. Memory of Prof. V.K. Puchinsky (Moscow, October 12, 2018)]. Moscow, RUDN Publ., 2018, pp. 221-229.

5. Kushnarev A.S., Puchkov V.O. Cifrovyye finansovyye aktivyy v delah o bankrotstve [Digital Financial Assets in Bankruptcy Cases]. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law], 2022, no. 1, pp. 28-31.

6. Matytsin D.E. Utilitarnyye cifrovyye prava kak predmet distantsionno-cifrovyyh sdelok v investitsionnyh platformah [Utilitarian Digital Rights as a Subject of Remote Digital Transactions in Investment Platforms]. *Evrasijskiy yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 1 (164), pp. 171-174.

7. Matytsin D.E. Cifrovyye finansovyye aktivyy v distantsionnyh cifrovyyh investitsionnyh sdelkakh [Digital Financial Assets in Remote Digital Investment Transactions]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2022, no. 1, pp. 39-47.

8. Goncharov A.I., et al. *Obekty grazhdanskikh prav : uchebnyk dlya bakalavriata, specialiteta i magistratury* [Objects of Civil Rights: A Textbook for Undergraduate, Specialist and Magistracy]. Moscow, Yurajt Publ.; Volgograd, Izd-vo VolGU, 2020. 566 p.

9. Ponkin I.V., Lapteva A.I., 2022. Problemy v prave intellektual'noj sobstvennosti, perspektivno opredelyaemye processami cifrovizatsii: obshchie voprosy teorii [Problems in Intellectual Property

Law Prospectively Defined by Digitalization Processes: General Issues in Theory]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 2022, no. 47 (1), pp. 117-125. DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-117-125>

10. Federal'nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ «O privilechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2019, no. 31, art. 4418.

11. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5017.

12. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyyh finansovyh aktivah, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31, art. 5018.

13. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Ershova I.V. Digital Blockchain Registration of Legally Significant

Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions. A.O. Inshakova, E.I. Inshakova, eds. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)*. Cham, Springer Nature Publ., 2020, pp. 328-336. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 110).

14. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Salikov D.A. Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity. Popkova E., Sergi B., eds. *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects*. Springer, Cham Publ., pp. 3-13. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 91). DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_1

15. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 205-213. (Popkova E.G., ed. Studies in Computational Intelligence; vol. 826).

16. Matytsin D.E., Goncharov A.I., Inshakova A.O. Regulation of the Turnover of Intellectual Property on the Internet: Blockchain-Protection of the Rights of Authors. Inshakova A.O., Frolova E.E., eds. *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention*. Cham, Information Age Publishing Inc., 2022, pp. 199-208. (Series: Popkova E.G., ed. Advances in Research on Russian Business and Management).

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute (Volzhsky Branch), Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.9>

UDC 340
LBC 67.0

Submitted: 07.05.2022
Accepted: 11.06.2022

GAMIFICATION OF LAW AS A RESPONSE TO MODERN CHALLENGES OF ITS DEVELOPMENT¹

Alexander M. Konstantinov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the theory of gamification has recently been actively developed in such areas as education, personnel management, management, marketing, there are no studies aimed at studying the possible impact of the principles of this process on law today. The **relevance** of the work is due to the fact that modern vectors of legal development associated with the use of universal methods for various spheres of public life are actively used by game mechanics, which makes it possible to ensure the availability of law and increase interest in legal procedures for people of non-legal professions. The **purpose** of the paper is to study the process of using the mechanics inherent in gaming activities in relation to legal procedures in modern conditions of the development of law. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the method of analysis and the system method. **Results:** within the framework of the study, the analysis of the development of the theory of gamification within the framework of various non-legal sciences has been carried out, the definition of the process of “gamification of law” has been proposed, and the aspects of gamification of law have been analyzed. The **conclusions** obtained as a result of the study show that the gamification of law can be traced through the introduction of game mechanics into various legal procedures, which allows talking about the presence of certain game mechanisms in the diametrically opposite legal sphere. This process is most clearly manifested in the conditions of digital development of law.

Key words: gamification of law, digitalization of law, informatization of law, gamification theory, game mechanisms of law.

Citation. Konstantinov A.M. Gamification of Law as a Response to Modern Challenges of Its Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 69-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.9>

УДК 340
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 07.05.2022
Дата принятия статьи: 11.06.2022

ГЕЙМИФИКАЦИЯ ПРАВА КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ¹

Александр Михайлович Константинов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что теория геймификации в последнее время получила активное развитие в рамках таких сфер, как образование, управление персоналом, менеджмент, маркетинг, исследования, направленные на изучение возможного влияния принципов этого процесса на право, на сегодняшний день отсутствуют. Актуальность данной работы обусловлена тем, что современные векторы развития права, связанные с использованием универсальных для различных сфер общественной жизни методов, активно применяют игровые механики, что позволяет обеспечить доступность права и повышение интереса к юридическим процедурам для людей неюридических профессий. **Целью** статьи является исследование процесса использования механик, свойственных игровой деятельности, применительно к юридическим процедурам в современных условиях развития права. **Методологическую основу** работы составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают метод анализа и системный метод. **Результаты:** в рамках исследования был проведен анализ развития теории геймификации в рамках различных неюридических наук, предложено определение процесса «геймификации права», проанализированы аспекты геймификации права. Полученные в результате исследования **выводы** пока-

зывают, что геймификация права прослеживается через внедрение игровых механик в различные юридические процедуры, что позволяет говорить о наличии в диаметрально противоположной игре правовой сфере определенных игровых механизмов. Наиболее ярко этот процесс проявляется в условиях цифрового развития права.

Ключевые слова: геймификация права, цифровизация права, информатизация права, теория геймификации, игровые механизмы права.

Цитирование. Константинов А. М. Геймификация права как ответ на современные вызовы его развития // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 69–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.9>

Введение

Под геймификацией в общем смысле представляется процесс внедрения игровых механик в неигровые контексты.

Свое начало методика геймификации различных процессов берет в корпоративной сфере. В 2002 г. британским разработчиком и предпринимателем Ником Пеллингом были впервые внедрены принципы исследуемого явления в бизнес-модель его стартапа, целью которого было ускорение всех видов транзакций на коммерческих электронных устройствах [11]. Несмотря на то что разработки Пеллинга не получили достаточного внимания и отклика от пользователей, именно тогда был заложен базис для дальнейшего развития теории геймификации.

В дальнейшем, в связи с развитием использования мобильных и интернет-технологий, геймификация активно внедряется в различные профессиональные сферы, такие как образование, управление персоналом, менеджмент, маркетинг [2]. Параллельно с этим возрастает интерес к научному исследованию геймификации. Многообразие подходов к изучению исследуемого предмета обуславливается универсальностью данного метода и применимостью его в различных сферах деятельности человека.

Исследований геймификации применительно к сфере юриспруденции, направленных на изучение возможного влияния процесса на право, в настоящее время мало, хотя анализ данной проблематики значим для повышения качества права, его доступности, интереса к праву среди людей.

Определение процесса геймификации права

Геймификация, используя механизмы, свойственные игровым процессам, активно задействует естественные склонности людей

к конкуренции, соревнованиям, взаимодействию и получению определенного результата. Применительно к правовой отрасли этот процесс прослеживается через внедрение игровых механик в юридические процедуры, что позволяет говорить нам о наличии в диаметрально противоположной игре правовой сфере определенных игровых механизмов.

Теория взаимосвязи права и игровой деятельности хотя и не получила широкого развития, встречается в трудах представителей различных наук. Например, данной проблеме посвящена глава одного из наиболее фундаментальных исследований игры как особого социокультурного феномена – «Человек играющий (Homo ludens)» нидерландского философа Йохана Хейзинги, в которой анализируется взаимодействие, на первый взгляд, диаметрально противоположных друг другу сфер общественной жизни – права и игры. В поддержку своей позиции ученый рассматривает игровую составляющую важнейшего для сферы права процесса судебного разбирательства [4, с. 217].

Как отмечает Л.И. Глухарева, несмотря на то что право в целом является неигровой деятельностью, в отдельных правовых институтах прослеживается наличие определенных игровых фрагментов [3, с. 12].

Применительно к юридической отрасли предлагается использовать более широкое, нежели указанное выше, значение термина «геймификация», используя все многообразие аналогий, возникающих в связи с этим процессом. Исходя из этого, предлагаем понимать геймификацию права как наделение права характеристиками, свойственными игровой деятельности.

Геймификация юридических процедур

Судебный процесс является наиболее ярким и классическим примером внедрения

игровых механик в юридическую процедуру. Соотношение игры и судопроизводства прослеживается через такие характерные для обоих явлений черты, как:

– *агональность* (соревновательность): любая игра, как и любой судебный процесс, возможна только тогда, когда имеется фактор состязательности нескольких сторон [5];

– *сценарность*: судебный процесс, равно так же, как и игра, не допускает отступления от процедурных норм (правилам игры), заранее известных ее участникам; набор процессуальных прав и обязанностей, которыми наделены участники, зависит от их статуса (роли) в процессе;

– *нацеленность на результат*: в данном принципе заключается смысл существования сопоставляемых явлений.

Несмотря на то что судебные процессы являются наиболее ярким игровым представлением на юридическую тему [3, с. 12], взаимодействие права и игры видится более многогранным, выходящим за рамки сопоставления игрового процесса и судопроизводства.

Происходящее сегодня видоизменение векторов развития права, на наш взгляд, ускоряет процессы геймификации права. Наиболее ярко это прослеживается в повсеместной цифровизации юридических процедур, ставшей главным трендом развития права в последние годы. В связи с цифровизацией общественных отношений (в том числе и правовых) геймификация права проявляется в следующем:

В первую очередь благодаря цифровизационным процессам происходит в определенной степени десакрализация правовых процедур. Это проявляется через механизм облегчения доступа к праву для людей неюридических профессий, что позволяет увеличить круг «потребителей» таких процедур, снизив при этом фактор излишней серьезности и недоступности.

Как указывал Хейзинга, этимологически тот смысл, который вкладывается в правовые категории, обычно противопоставляется игровым категориям, так как священная серьезность права обуславливает возможность отрицания влияния игры на данную сферу общественной жизни [9, с. 215].

Однако с развитием цифровых технологий происходит обратный процесс, при котором, имея лишь доступ к сети Интернет, любой человек получает возможность совершать множество юридически значимых действий, не прибегая к помощи профессиональных юристов, а применение интуитивно понятного интерфейса правовых сервисов еще более облегчает пользователю доступ к таким процедурам [7, с. 194]. Кроме того, субъекты предпринимательской и иной хозяйственной деятельности используют цифровые технологии в целях снижения издержек и повышения надежности регулирования взаимных расчетов [4, с. 136].

Так, например, информатизация судебной системы, безусловно, ведет к повышению уровня доступности правосудия на всех его этапах [8]. Благодаря внедрению цифровых технологий существенно упрощается процесс доступа к процедуре инициирования судебного разбирательства и участия в нем.

Увеличившаяся общественная потребность в цифровизации государственных и муниципальных услуг позволила запустить процессы превращения прежде труднодоступных для большинства граждан правовых процедур в гораздо более комфортный и нативный для современного человека процесс. На сегодняшний день благодаря цифровизационным процессам любой человек получает возможность легкого доступа к множеству юридических процедур через приложение в мобильном телефоне.

Еще одним фактором влияния цифровизационных процессов на геймификацию права является непосредственное использование игровых механик для повышения уровня участия граждан в решении определенных задач, стоящих перед государством [6].

Игровая деятельность характеризуется удовлетворением внутренних механизмов счастья человека [1, с. 117]. Игры привлекательнее, чем реальность, – в них есть четкие цели, которых всегда можно достигнуть и получить удовлетворение. Фактор наслаждения в рамках игрового процесса имеет важнейшую роль (см.: [10]).

В данном контексте можно проследить определенную параллель между игровой деятельностью и юридическими процедурами, видоизмененными цифровизационными процес-

сами. Увеличение фактора удовольствия от использования юридических процедур в цифровом виде становится возможным благодаря применению в них чисто игровых механик. Так, ярким примером служит московская платформа муниципальных услуг «Активный гражданин». В рамках данного сервиса активно применяются игровые модели при проведении различных голосований в рамках городских проектов, связанных с благоустройством или внесением изменений в градостроительные проекты. Внедрение балльной системы и магазина поощрений, в котором заработанные за активное участие в голосованиях баллы можно обменять на конкретные товары, является непосредственным использованием геймификационных процессов в праве.

Выводы

Многообразие подходов к изучению геймификации обусловлено универсальностью данного процесса и применимостью его в различных сферах деятельности человека. Во взаимосвязи с правом и в первую очередь с юридическими процедурами геймификацию можно определить как наделение права характеристиками, свойственными игровой деятельности. Несмотря на то что общепринятым подходом к определению сущности права является указание на его неигровой характер, в отдельных правовых институтах прослеживается наличие определенных игровых фрагментов.

Наиболее яркими примерами внедрения игровых механик в юридические процедуры, на наш взгляд, являются: судебный процесс, который по ряду признаков сопоставим с игровой деятельностью, а также видоизменение юридических процедур в условиях цифровизации общественных отношений, при котором происходит внедрение игровых механик с целью десакрализации правовых процедур, а также увеличения фактора удовольствия от их использования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90070 «Игровые нормы в системе социальных норм: теоретико-правовое исследование».

The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of scientific project No. 20-311-90070 “Game norms in the system of social norms: theoretical and legal research”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликин, В. А. Категория счастья в контексте философии игры / В. А. Аликин // Вестник Волгоградского государственного университета. Философия. Социология и социальные технологии. – 2017. – Т. 16, № 1. – С. 116–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.13>
2. Ветушинский, А. С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации / А. С. Ветушинский // Социология власти. – 2020. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshechem-prosto-sredstvo-novyy-podhod-k-ponimaniyu-geymifikatsii> (дата обращения: 30.04.2022). – Загл. с экрана.
3. Глухарева, Л. И. Игра в праве как фактор правового нигилизма в России / Л. И. Глухарева // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. – 2016. – № 1. – С. 11–19.
4. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.
5. Плетников, В. В. Агональность как тип состязательности: характеристика и сущностные черты / В. В. Плетников // Социум и власть. – 2017. – № 4 (66). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnost-kak-tip-sostyazatelnosti-harakteristika-i-suschnostnye-cherty> (дата обращения: 01.05.2022). – Загл. с экрана.
6. Погодина, И. В. Геймификация платформ общественного участия граждан в публичном управлении / И. В. Погодина, Д. А. Авдеев // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-platform-obshchestvennogo-uchastiya-grazhdan-v-publichnom-upravlenii> (дата обращения: 24.04.2022). – Загл. с экрана.
7. Раздорожный, К. Б. Сравнительно-правовой анализ моделей финансово-правового регулирования криптовалют и токенов / К. Б. Раздорожный // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 5. – С. 194–197.
8. Рыжкова, А. А. Проблемы реализации принципа доступности правосудия / А. А. Рыжкова // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2 (44). – С. 233–239.

9. Хёйзинга, Й. *Homo Ludens*. Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.

10. Шмаков, С. А. Игры учащих – феномен культуры / С. А. Шмаков. – М. : Новая школа, 1994. – 240 с.

11. Pelling, N. The (Short) Prehistory of “Gamification”... / N. Pelling // *Funding Startups (& Other Impossibilities)*. URL <https://nanodome.wordpress.com/2011/08/09/the-short-prehistory-of-gamification/> (date of access: 30.04.2022).

REFERENCES

1. Alikin V.A. Kategorija schast'ja v kontekste filosofii igry [The Category of Happiness in the Context of the Philosophy of the Game]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofija. Sociologija i social'nye tehnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2017, vol. 16, no. 1, pp. 116-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.13>

2. Vetushinskij A.S. Bol'she, chem prosto sredstvo: novyj podhod k ponimaniyu gejmfikacii [More Than Just a Means: A New Approach to Understanding Gamification]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 2020, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshe-chem-prosto-sredstvo-novyy-podhod-k-ponimaniyu-geymifikatsii> (accessed 30 April 2022).

3. Gluhareva L.I. Igra v prave kak faktor pravovogo nihilizma v Rossii [The Game of Law as a Factor of Legal Nihilism in Russia]. *Vestnik RGGU. Serija Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University Economics Series. Management. Law], 2016, no. 1, pp. 11-19.

4. Matycin D.E. Cifrovye tehnologii realizacii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: Repurchase Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.

5. Pletnikov V.V. Agonal'nost' kak tip sostjazatel'nosti: harakteristika i sushhnostnye cherty [Agonality as a Type of Competition: Characteristics and Essential Features]. *Socium i vlast'* [Society and Power], 2017, no. 4 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agonalnost-kak-tip-sostyazatel'nosti-harakteristika-i-suschnostnye-cherty> (accessed 1 May 2022).

6. Pogodina I.V., Avdeev D.A. Gejmifikacija platform obshhestvennogo uchastija grazhdan v publichnom upravlenii [Gamification of Platforms for Public Participation of Citizens in Public Administration]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [Issues of State and Municipal Administration], 2020, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-platform-obshchestvennogo-uchastija-grazhdan-v-publichnom-upravlenii>.

7. Razdorozhnyj K.B. Sravnitel'no-pravovoj analiz modelej finansovo-pravovogo regulirovaniya kriptovalyut i tokenov [Comparative Legal Analysis of Models of Financial and Legal Regulation of Cryptocurrencies and Tokens]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2021, no. 5, pp. 194-197.

8. Ryzhkova A.A. Problemy realizacii principa dostupnosti pravosudija [Problems of Realization of the Principle of Accessibility of Justice]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2016, no. 2 (44), pp. 233-239.

9. Huizinga J. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the History of Culture]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 1997. 416 p.

10. Shmakov S.A. *Igry uchashhihsja – fenomen kul'tury* [Students' Games Are a Cultural Phenomenon]. Moscow, Novaja shkola Publ., 1994. 240 p.

11. Pelling N. *The (Short) Prehistory of “Gamification”... , Funding Startups (& Other Impossibilities)*. URL <https://nanodome.wordpress.com/2011/08/09/the-short-prehistory-of-gamification/> (accessed 30 April 2022).

Information About the Author

Alexander M. Konstantinov, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, amponomaryov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5939-0694>

Информация об авторе

Александр Михайлович Константинов, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, amponomaryov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5939-0694>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.10>

UDC 34.349.2
LBC 67.405.1

Submitted: 12.04.2022
Accepted: 01.06.2022

LEGAL ASPECTS OF THE LABOR MIGRATION REGULATION IN THE SOCIAL SECURITY SYSTEM OF THE CASPIAN REGION COUNTRIES

Olga V. Korablina

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Elmira F. Baybekova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Introduction: the problem of labor migration is one of the most important problems in the social policy of any state. Taking into account the pace of globalization and the development of modern information and communication technologies, it is necessary to perceive the new reality by taking optimal regulatory measures. In the countries of the Caspian region, labor migration has specific features. This problem is closely connected with the solution of important socio-economic tasks of the territory's development, which is only possible through an integrated approach and the improvement of modernization in these states. In the paper, the authors have analyzed the current information on the problem of labor migration within the framework of the social security development system in the Caspian region countries. The **purpose** of the research is to study the processes of labor migration, its specifics and features in the states of the Caspian region, taking into account current developments, recent trends in the social policy development in the peripheral territories. **Methods:** when writing the paper, the authors used the theoretical basis from the scientific works of Russian scientists, and also performed an analysis of relevant information using the general scientific and special methods, comparative law, systemic and many others. **Results:** to meet the needs of citizens within the framework of the socio-economic policy of the countries, it is necessary to take measures and carry out activities that have a positive impact on solving the problems of labor migration in the countries of the Caspian region. At the same time, it should be noted that the migration policy of each state is regulated by the legislative and regulatory acts. There is a need to develop cluster projects, whose advantage is undoubtedly the possibility of optimal allocation of labor resources to use innovative opportunities to fully solve migration problems. **Conclusions:** it is important to provide the Caspian region citizens with additional decently paid jobs. Migration problems are now decisive in the socio-economic policy of any state, which is due to geopolitical, demographic and other factors characterizing modernization processes in the peripheral territories. Strengthening the role of the state in regulating the processes of labor migration would speed up the pace of solving this problem, as well as, which is not least importantly, eliminate the differences in the socio-economic level of development of particular territorial areas.

Key words: migration, labor migration, societal security, financial security, modernization processes.

Citation. Korablina O.V., Baybekova E.F. Legal Aspects of the Labor Migration Regulation in the Social Security System of the Caspian Region Countries. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 74-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.10>

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Ольга Викторовна Кораблина

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Эльмира Фаридовна Байбекова

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Введение: проблема трудовой миграции является одной из наиболее важных в социальной политике любого государства. С учетом темпов глобализации, развития современных информационно-коммуникационных технологий, необходимо воспринимать новую реальность, принимая оптимальные меры регулирования. В странах Прикаспийского региона трудовая миграция имеет специфические особенности. Эта проблема тесно связана с решением важных социально-экономических задач развития территории, что возможно только через комплексный подход и совершенствование модернизации в этих государствах. В этой исследовательской работе авторы провели анализ актуальной информации по проблеме трудовой миграции в рамках развития системы социальной безопасности в странах Прикаспийского региона. **Цель исследования:** изучение процессов трудовой миграции, ее специфики и особенностей в государствах Прикаспийского региона с учетом современных тенденций, актуальных тенденций развития социальной политики на периферийных территориях. **Методы:** при написании этой исследовательской работы авторы использовали теоретическую базу из научных работ отечественных ученых, а также выполнили анализ актуальной информации с применением общенаучных и специальных методов, сравнительно-правового, системного и многих других. **Результаты:** для удовлетворения потребностей граждан в рамках социально-экономической политики стран необходимо принять меры, провести мероприятия, положительно влияющие на решение проблем трудовой миграции в странах Прикаспийского региона. При этом стоит отметить, что миграционная политика каждого государства регулируется законодательными и нормативно-правовыми актами. Есть необходимость в развитии кластерных проектов, преимуществом которых, несомненно, является возможность оптимального распределения трудовых ресурсов с целью использования инновационных возможностей для полноценного решения проблем миграции. **Выводы:** важно обеспечить граждан стран Прикаспийского региона дополнительными рабочими местами с достойной заработной платой. Миграционные проблемы сейчас являются определяющими в социально-экономической политике любого государства, что обусловлено геополитическими, демографическими и иными факторами, характеризующими модернизационные процессы на периферийных территориях. Усиление роли государства в регулировании процессов трудовой миграции позволило бы ускорить темпы решения этой проблемы, а также, что не менее важно, – исключить различия в социально-экономическом уровне развития отдельных территориальных участков.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, социальная безопасность, финансовая безопасность, модернизационные процессы.

Цитирование. Кораблина О. В., Байбекова Э. Ф. Правовые аспекты регулирования трудовой миграции в системе социетальной безопасности стран Прикаспийского региона // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 74–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.10>

Введение

Интеграционные процессы, глобализация, повсеместное использование информационных технологий, а также существование мировой экономики и учет геополитических факторов описывают современную реальность,

определяя ее дальнейшие векторы развития. Население разных стран принимает во внимание социально-экономическое положение государств, а их решение запускает процессы трудовой миграции – территориального перемещения граждан из одного региона в другой. При этом целью переезда является

поиск постоянного места жительства, успешное трудоустройство, повышение уровня жизни, за счет достойного заработка или снижения расходов, отсутствия налогов. Есть разные притягивающие и отталкивающие факторы, влияющие на процессы трудовой миграции в развитых, развивающихся странах [9, с. 198; 2, с. 383].

Трудовая миграция представляет собой одну из разновидностей территориального перемещения населения с целью поиска лучшего места трудоустройства. Процессы трудовой миграции могут различаться в зависимости от конкретного региона, что во многом связано с социально-экономической политикой отдельных государств. Такой вид миграции впервые стал объектом международно-правового контроля в начале двадцатого столетия. Организация Объединенных Наций приняла множество законодательных актов, регулирующих требования, обстоятельства и процедуры трудовой миграции [10, с. 315]. Однако и сейчас остаются нерешенные вопросы в государствах Прикаспийского региона, на других территориях, где внутренней социальной политике уделяется не так много внимания, как в ведущих странах мира.

Регулирование внешней трудовой миграции

С целью подготовки комплексного плана правового регулирования процессов трудовой миграции в отдельных регионах необходимо выделить основные характерные черты этого феномена. В первую очередь важно отметить, что целью перемещения населения является поиск места трудоустройства. Именно по этой причине эксперты рассматривают трудовую миграцию как ресурс государства, преимущество глобализации и отсутствия закрытых границ. В основе перемещения населения лежат экономические причины, в частности стремление улучшить благосостояние семьи, повысить уровень заработка. Это социально-экономическое явление связано с точками размещения производственных объектов, административно-экономических центров. Граждане самостоятельно принимают решение о смене места жительства, ориентируясь на показатели дохода жителей разных регио-

нов с учетом своей профессиональной деятельности [5, с. 84].

Отдельно стоит отметить, что правовое регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации представляет собой сложный процесс, включающий в себя несколько основных этапов [7, с. 112]. До сих пор невозможно точно определить степень воздействия миграции на социально-экономическое развитие государства (неоднозначное положение мигрантов, нестабильные нормы безработицы, постоянные колебания числа трудовых мигрантов разных профессий). Необходимо также учитывать, что с увеличением количества мигрантов на этих территориях отмечается рост нагрузки на производственные и инфраструктурные объекты (особенно в городах, где и так зафиксирован существенный рост цен на недвижимость, проблемы с арендой и покупкой бюджетного жилья). В рамках законодательного регулирования трудовой миграции государство должно принимать новые, инновационные меры для минимизации последствий, а также с целью оптимизации миграционных процессов. Правовой контроль процедур регистрации граждан из других регионов должен быть усовершенствован, а меры минимизации последствий следует реализовать на федеральном уровне [2, с. 385]. Стоит обратить особое внимание на преимущества миграционной политики стран Евросоюза. Ведь привлечение профессионалов из других государств позволяет многим отечественным компаниям продолжать свою деятельность, платить налоги и способствовать развитию экономики страны.

Российские предприятия, представители малого и среднего бизнеса во многом связаны с процессами трудовой миграции. Это социально-экономическое явление обеспечивает достойный уровень конкурентоспособности и платежеспособности коммерческих организаций, позволяет снизить затраты на производственные ресурсы (рабочую силу). Привлекая трудовых мигрантов, социально незащищенные слои населения получают возможность покупать недорогие товары, пользоваться услугами по сниженным ценам. В 2007 г. была официально принята Концепция демографической политики Российской Федерации, где отмечена потребность в развитие соци-

ально-экономической сферы с привлечением трудовых мигрантов, с обязательным требованием постепенно интеграции, адаптации в современном российском обществе [1, с. 69]. Стоит также обратить внимание, что в 2019 г. миграционная политика страны претерпела существенные изменения – ограничение числа визовых иностранных работников в сфере строительства (не более 80 % от общего числа), а также необходимость решения проблемы роста стоимости патентов на работу.

В условиях глобализации каждое государство зависимо от мирового сообщества, особенно в своем финансовом положении. Поэтому экономическая ситуация стран неодинакова, что можно видеть на примере государств Евросоюза, стран СНГ и Российской Федерации. Наша страна является типичным примером отсутствия эффективной системы правового регулирования процессов трудовой миграции. Многие социально-экономические проблемы связаны именно с процессом интеграции, который является обязательным элементом развития государства в современных условиях. Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации должно осуществляться в нескольких направлениях с учетом значения энергетической, транспортной, управленческой, технико-производственной, продовольственной и сырьевой, демографической, экологической, технологической безопасности. Последние события также подтверждают необходимость внесения изменения в процессы обеспечения информационной и финансовой безопасности государства. Последнее направление выступает в качестве определяющего компонента. При достижении стратегических целей финансовой безопасности будут снижены объемы вывоза капитала за границу, снизятся риски финансовых кризисов, а также конфликтов по вопросам распределения национальных активов, необходимость привлечения зарубежных инвестиций и финансирования. Таким образом, будут решены наиболее важные проблемы социально-политической и экономической сфер.

Что касается статистических данных, то в начале 2000-х гг. был зафиксирован рекордный рост числа мигрантов – с 72 до почти 90 %. В период с 2014 по 2015 г. миграционный прирост снизился до 27–30 %, а с 2016 по

2017 г. количество трудовых мигрантов составило около 50 %, в 2018 г. – 61 %. Максимальный показатель пришелся на 2019 г., когда впервые миграционный прирост достиг значения в 125,1 тыс. чел. [5, с. 85]. Российская Федерация выступает как принимающая сторона, страна транзита и страна происхождения трудовых мигрантов. Однако особую роль играет тот факт, что наше государство остается в большей мере реципиентом, а не донором в миграционных потоках, связанных с трудовой деятельностью. Сложная экономическая ситуация в 2020 г. не стала препятствием к продолжению усилия роли трудовой миграции (за период с января по апрель 2020 г. почти 3,4 тыс. чел. оформили паспорта граждан РФ, на учет встали 4,09 млн иностранцев и лиц без гражданства; было оформлено 6,4 тыс. разрешений на работу для высококвалифицированных специалистов) [5, с. 86].

Ключевой причиной миграции российских граждан являются социальные и экономические внутренние проблемы. Многие высококвалифицированные специалисты, а также работники узкой направленности, выпускники вузов и школьники уезжают из страны, чтобы улучшить свое финансовое положение [3, с. 214]. Проведенный анализ трудовой миграции позволил выделить важное отрицательное последствие – нелегальное использование труда иностранцев, что влияет на развитие теневого рынка Российской Федерации (особенностью такой профессиональной деятельности является отсутствие фискальных выплат) [4, с. 27]. Следует также выделить проблему интеллектуальной миграции, вышедшей на первое место в 2020 году. Переезд за границу талантливой молодежи, эмиграция высококвалифицированных работников из Российской Федерации будет продолжаться без надлежащего правового регулирования миграционных процессов, контроля темпов интеграции и решения внутренних социально-экономических задач [8, с. 148]. В условиях пандемии наша страна, как и многие другие государства, столкнулась с необходимостью эффективного регулирования миграционных потоков. МВД России были приняты меры преодоления существующих недостатков системы, например официальное продление регистрации, законного пребывания иностранцев на время кризи-

са – чтобы не допустить увеличения числа трудовых мигрантов, незаконного пребывания на территорию страны иностранных граждан.

Е.Г. Равенштейном были сформированы основные миграционные законы, которые проистекают из актуальных тенденций трудовой миграции в Российской Федерации, в особенности на южных территориях:

- преимущественно миграция на короткие расстояния;
- крупные административно-территориальные центры более экономически привлекательны для трудовых мигрантов;
- рост городов и агломерация связаны с миграцией населения;
- развитие промышленности, торговли, транспорта влияют на масштабы миграционных потоков;
- миграция зависима от экономических причин [11, с. 61].

Однако стоит отметить, что особенности трудовой миграции отличают этот вид от других форм территориального перемещения населения. Например, важную роль играет приграничное положение частей южной территории, аграрная специализация региона, наличие большого количества производственных и инфраструктурных объектов для принятия работников без высшего образования. Был сделан вывод, что регионы СКФО отличаются оттоком населения, а регионы ЮФО, наоборот, привлекательны для мигрантов. Особое внимание стоит обратить на специфику миграционных потоков в Ростовской области, в Республике Адыгея, на территории Краснодарского края, а также в Волгоградской и Астраханской областях. Причиной трудовой миграции с этих территорий является недостаток модернизации, узкий профиль рынков труда, необходимость поиска сезонной работы. В рамках анализа актуальных данных по трудовым мигрантам было отмечено, что отраслевая специфика экономики не влияет на привлекательность этого региона для мигрантов. Республика Адыгея – это преимущественно производство сельскохозяйственных товаров, однако здесь зафиксирован миграционный прирост (в отличие от Астраханской области и Республики Калмыкия). На территории Волгоградской области (промышленная специализация) уже несколько лет не может быть преодолен

отток населения. Предприятия не оказывают сильного влияния на трудовую миграцию из-за незначительных объемов производства, низкой рентабельности. Интересным примером является Краснодарский край, поскольку там экономика диверсифицированная, а значит должна привлечь иностранных граждан из разных профессиональных отраслей.

Изучение структуры и особенностей прибывающих, убывающих граждан в этих регионах позволило сделать вывод об отсутствии серьезных изменений в миграционных потоках за последние почти 10 лет. На Юге России преимущественно зафиксирована межрегиональная и внутрирегиональная трудовая миграция (соответствующая законам миграции Е.Г. Равенштейна). Основным законом при этом является тот факт, что чем больше территориально-административный центр – тем он экономически привлекательнее для трудовых мигрантов [11, с. 63]. Специфической особенностью этого социально-экономического явления на Юге России является зависимость направления движения трудовых потоков от учебной мобильности молодежи при выборе российских вузов. Если выпускник школы выбирает высшее учебное заведение с учетом потребностей местного рынка труда, то с большей вероятностью он не изменит свое место проживания. Если специальность не соответствует общим тенденциям региона, тогда выпускник вуза будет искать работу в крупном территориальном центре, ориентируясь на свои потребности и желаемый уровень дохода. Учитывая это обстоятельство, важно внести изменения в процесс регулирования трудовой миграции, уделив особое внимание миграции талантливой молодежи. Необходимо не только решить задачи контроля за миграционными потоками в Российской Федерации, но и совершенствовать меры социально-экономической политики в стране, например, постепенно устранить проблемы жилищно-коммунального хозяйства, развития транспортной, промышленной инфраструктуры.

Выводы

В этой исследовательской работе авторы изучили ключевые причины, факторы и специфические особенности трудовой миграции на

Юге России. Анализ показал, что на этих территориях высокая трудовая мобильность населения, которая преимущественно имеет центростремительную направленность. Модернизационное развитие региона ограничено существенным оттоком талантливой молодежи и высококвалифицированных специалистов, которые стремятся переехать с периферии в крупные административно-территориальные центры, где легче найти хорошо оплачиваемую работу. Однако стоит отметить, что поток трудовой миграции из соседних государств решает проблемы местного рынка труда (отмечается экстенсивность этого социально-экономического явления). На Юге России высокий демографический потенциал, есть эффективные программы привлечения квалифицированных специалистов, однако низкий уровень жизни на периферии не способствует развитию региона. Это отмечается и в рамках отсутствия инноваций в производственно-хозяйственной сфере, в низких темпах совершенствования институциональных механизмов, в необходимости использования частных инвестиций для развития отдельных территорий региона (а как результат – отток экономически активного населения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсальямова, С. Г. Участие России в международной трудовой миграции: проблемы и противоречия / С. Г. Абсальямова // Вестник НЦЖБД. – 2017. – № 4. – С. 69–73.
2. Галеева, Р. К. Россия на международном рынке труда / Р. К. Галеева // Аллея науки. – 2017. – № 7. – С. 383–386.
3. Картель, В. В. «Утечка умов» в современном мире: причины, последствия и пути решения / В. В. Картель // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 9. – С. 213–216.
4. Ковтун, Н. А. Механизмы регулирования трудовой миграции в Российской Федерации / Н. А. Ковтун // Академия права и экономики. – 2018. – № 1. – С. 26–30.
5. Коренкова, С. И. Трудовая миграция как угроза экономической безопасности страны / С. И. Коренкова, В. С. Устюжанина // Экономическая безопасность страны, региона, организаций различных видов деятельности : сб. ст. по материалам Второго Всерос. форума в Тюмени по экон. безопасности / отв. ред. Д. Л. Скипин. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2021. – С. 84–89.

6. Красинец, Е. С. Проблемы трудовой миграции и миграционная политика России / Е. С. Красинец // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 28–35.
7. Кузьмина, О. Н. Правовые основы регулирования трудовой миграции / О. Н. Кузьмина // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 3. – С. 111–114.
8. Мелкоян, В. А. Масштабы трудовой миграции в страны ЕС / В. А. Мелкоян // Modern Science. – 2019. – № 3. – С. 147–151.
9. Управление миграционными процессами на территории стран постсоветского пространства и в странах Азии / З. М. Балкарова [и др.] // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 5. – С. 198–203.
10. Ухина, Н. И. Международно-правовые основы регулирования внешней трудовой миграции / Н. И. Ухина, Н. В. Закалюжная // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 314–317.
11. Чернова, О. А. Трудовая миграция как фактор развития экономики Юга России / О. А. Чернова // Региональная экономика. Юг России. – 2019. – Т. 7, № 3. – С. 60–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.7>

REFERENCES

1. Absalyamova S.G. Uchastiye Rossii v mezhdunarodnoy trudovoy migratsii: problemy i protivorechiya [Russia's Participation in International Labor Migration: Problems and Contradictions]. *Vestnik NTSZHBD* [Messenger NTSZHBD], 2017, no. 4, pp. 69-73.
2. Galeeva R.K. Rossiya na mezhdunarodnom rynke truda [Russia in the International Labor Market]. *Alleya nauki* [Alley of Science], 2017, no. 7, pp. 383-386.
3. Kartel' V.V. «Utechka umov» v sovremennom mire: prichiny, posledstviya i puti resheniya [“Brain Drain” in the Modern World: Causes, Consequences and Solutions]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Modern Scientific Research and Development], 2017, no. 9, pp. 213-216.
4. Kovtun N.A. Mekhanizmy regulirovaniya trudovoy migratsii v Rossiyskoy Federatsii [Mechanisms for Regulating Labor Migration in the Russian Federation]. *Akademiya prava i ekonomiki* [Academy of Law and Economics], 2018, no. 1, pp. 26-30.
5. Korenkova S.I., Ustyuzhanina V.S. Trudovaya migratsiya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti strany [Labor Migration as a Threat to the Economic Security of the Country]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' strany, regiona, organizatsiy razlichnykh vidov deyatel'nosti: sb. st. po materialam Vtorogo Vseros. foruma v Tyumeni po ekon. bezopasnosti* [Economic Security of the Country, Region, Organizations of Various Types of Activities].

Collection of Articles Based on the Materials of the Second All-Russian Forum in Tyumen on Economic Security]. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta., 2021, pp. 84-89.

6. Krasinets Ye. S. Problemy trudovoy migratsii i migratsionnaya politika Rossii [Problems of Labor Migration and the Migration Policy of Russia]. *Narodonaseleniye* [Population], 2015, no. 2, pp. 28-35.

7. Kuz'mina O.N. Pravovyye osnovy regulirovaniya trudovoy migratsii [Legal Basis for the Regulation of Labor Migration]. *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* [International Journal of Constitutional and State Law], 2018, no. 3, pp. 111-114.

8. Melkonyan V.A. Masshtaby trudovoy migratsii v strany YES [The Scale of Labor Migration to the EU]. *Modern Science*, 2019, no. 3, pp. 147-151.

9. Balkarova Z.M., Tutukova M.R., Gelyahova L.A., Manukyan A.R., Gutieva I.G. Upravlenie mig-

racionnymi processami na territorii stran postsovetskogo prostranstva i v stranah Azii [Management of Migration Processes on the Territory of Post-soviet Countries and in Asian Countries]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2021, no. 5, pp. 198-203.

10. Ukhina N.I., Zakalyuzhnaya N.V. Mezhdunarodno-pravovyye osnovy regulirovaniya vneshney trudovoy migratsii [International Legal Framework for Regulating External Labor Migration]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2020, no. 27 (317), pp. 314-317.

11. Chernova O.A. Trudovaya migratsiya kak faktor razvitiya ekonomiki yuga Rossii [Labor Migration as a Factor in the Development of the Economy of the South of Russia]. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], 2019, vol. 7, no. 3, pp. 60-72. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.7>

Information About the Authors

Olga V. Korablina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of Department of Corporate Law, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, korablina1975@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6287-3382>

Elmira F. Baybekova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Corporate Law, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, karinbey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-4293>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Кораблина, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой корпоративного права, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, korablina1975@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6287-3382>

Эльмира Фаридовна Байбекова, кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного права Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, karinbey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-4293>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.11>

UDC 347.45/.47
LBC 67.404.213

Submitted: 17.05.2022
Accepted: 15.06.2022

ON THE IMPLEMENTATION OF THE FREEDOM-OF-CONTRACT DOCTRINE IN THE INSURANCE OBLIGATION

Alexander A. Molchanov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

Elena A. Babaytseva

Volgograd Regional Court, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper considers the problems of law enforcement of one of the fundamental civil doctrines – the freedom of contract in the insurance obligation. Modern scientific views on this doctrine as a whole are investigated, as well as the latest judicial practice, which quite often uses the doctrine in question in its conclusions on insurance disputes and refers to the dispositivity of civil norms when formulating certain conditions of an insurance contract. It is stated that insurers often conceal information important to the insurance carrier when concluding an insurance contract, which deprives him of the opportunity to fully settle certain issues that are important to him and subject to inclusion in the text of the insurance contract, in his opinion. The problem is the asymmetry of the powers of the insurer and the policyholder at the stage of concluding an insurance contract, when each of the parties has the right to make their proposals and adjustments to the draft insurance contract. The **purpose** of the study: to establish the actual role and degree of importance of the freedom-of-contract doctrine in the insurance obligation. **Methods:** based on the theoretical and empirical bases using the comparative legal and formal legal methods, the authors have analyzed, synthesized and summarized the information received, and made scientific conclusions of theoretical and practical significance. **Results:** the achievement of the set goal is the establishment of the actual role and degree of significance of the freedom-of-contract doctrine in the insurance obligation. **Conclusions:** the authors have formulated the authors' scientific approach on the universality and significance of the freedom-of-contract doctrine in the insurance obligation.

Key words: freedom of contract, doctrine, obligation, insurance, contract, good faith.

Citation. Molchanov A.A., Babaytseva E.A. On the Implementation of the Freedom-Of-Contract Doctrine in the Insurance Obligation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 81-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.11>

УДК 347.45/.47
ББК 67.404.213

Дата поступления статьи: 17.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ ПО СТРАХОВАНИЮ

Александр Александрович Молчанов

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Елена Анатольевна Бабайцева

Волгоградский областной суд, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена проблемам правоприменения одного из основополагающих цивилистических принципов – свободы договора в обязательстве по страхованию. Исследуются современные научные взгляды на данный принцип в целом, а также новейшая судебная практика, довольно часто использующая в своих выводах по спорам в сфере страхования рассматриваемый принцип и ссылающаяся на диспозитивность норм гражданского права при формулировании некоторых условий договора страхования. Констатируется, что страховщики не редко умалчивают информацию, важную для страхователя при заключении договора страхования, что лишает его возможности полноценно урегулировать те или иные вопросы, имеющие для него значение и подлежащие по его мнению включению в текст договора страхования. Проблема состоит в асимметричности правомочий страховщика и страхователя на стадии заключения договора страхования, когда каждая из сторон вправе вносить свои предложения и коррективы в проект договора страхования. **Цель исследования:** установление действительной роли и степени значимости принципа свободы договора в обязательстве по страхованию. **Методы:** авторами на основе теоретической и эмпирической баз с использованием сравнительно-правового и формально-юридического методов проведены анализ, синтез и обобщение полученной информации, сделаны научные выводы, имеющие теоретическое и практическое значение. **Результаты исследования:** достижение поставленной цели – установление действительной роли и степени значимости принципа свободы договора в обязательстве по страхованию. **Выводы:** авторами формулируется авторский научный подход об универсальности и значимости принципа свободы договора в страховом обязательстве.

Ключевые слова: свобода договора, принцип, обязательство, страхование, договор, добросовестность.

Цитирование. Молчанов А. А., Бабайцева Е. А. К вопросу о реализации принципа свободы договора в обязательстве по страхованию // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 81–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.11>

Введение

Конституционный Суд РФ, относя принцип свободы договора к отраслевым основополагающим принципам гражданского права, подчеркивает, что «Конституция Российской Федерации [3] гарантирует свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (ст. 8)... конкретизируя это положение в ст. 34 и ст. 35, Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности...» [11]. Данный вывод Конституционного Суда РФ как нельзя более наглядно демонстрирует фундаментальность рассматриваемого принципа для гражданского права как отрасли права в целом и для страхового обязательства (цель которого – обеспечить имущественные интересы страхователя) – в отдельности.

Роль и значимость принципа свободы договора в страховом обязательстве

Свобода договора – отраслевой базовый [13, с. 61–69, 100–108] принцип гражданского

права, суть которого сводится к возможности заключения договора страхования сторонами своей волей и в своем интересе (п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ). Стороны вправе установить в данном договоре любые условия, не противоречащие нормам закона. В этой связи убедительным считаем мнение Т.И. Хмелевой и И.Ю. Кузнецовой о том, что принцип свободы договора означает, что стороны договора имеют возможность выбора контрагента, определения по своему усмотрению условий договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами [15, с. 110]. Справедливым представляется научный подход Д.А. Пашенцева, который отмечает, что законным исключением из данного принципа является необходимость соблюдения императивных норм действующего правового регулирования, которым не может противоречить договор [10, с. 85]. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» призвал при определении принципа свободы договора ориентироваться не только на буквальное значение содержащихся в норме права слов и выражений, но и те цели, которые преследовал зако-

нодатель, устанавливая данное правило [12]. Одним из характерных примеров того, когда воля сторон и принцип свободы договора ограничены в силу закона может служить обязательство по сельскохозяйственному страхованию, осуществляемому с государственной поддержкой, в котором обе стороны страхового обязательства (страховщик и страхователь) при заключении договора страхования во многом связаны императивными требованиями (нормами), которым они вынуждены следовать в целях получения со стороны публичной власти (государства в лице своих уполномоченных органов) государственной поддержки по выплате за страхователя части страховой премии страховщику. Здесь уместно привести научную позицию И.Г. Садовой о том, что «...гражданские правоотношения основываются на принципе свободы договора, а именно возможности участниками правоотношений самостоятельно определять потребность в заключении договора, выбирать вид договора и согласовывать такие его условия, которые максимально отвечают их интересам, между тем свобода договора не абсолютна, в целях соблюдения баланса интересов публичных и интересов участников гражданских правоотношений могут устанавливаться ограничения по форме и условиям договора, добровольности или обязательности его заключения и т. д.» [14, с. 14].

На практике реализация фундаментального принципа свободы договора сталкивается с трудностями как при заключении договора страхования, так и в процессе его исполнения. Страховщик, являясь зачастую более сильной в профессиональном смысле стороной страхового обязательства, изначально при заключении договора предлагает страхователю те условия, которые у него заранее разработаны (речь идет как о типовой форме договора страхования, так и об имеющихся у страховщика правилах страхования). Страхователю, как правило, остается либо присоединиться к таким условиям, либо отказаться передавать на страхование свои имущественные интересы такому страховщику и обратиться к другому. При этом страховщики практически не объясняют страхователям действие принципа свободы договора, который заключается в активной позиции страхователя, а

именно в реализации своего права вносить страховщику предложения относительно корректировки тех или иных условий договора страхования [5, с. 110–120]. Ввиду этого страхователи оказываются в невыгодной ситуации, нередко – введены в заблуждение [1, с. 23–27; 2, с. 50–55], что в итоге имеет неблагоприятные последствия для возникновения и исполнения в дальнейшем страхового обязательства. Не секрет, что, например, при заключении договоров ОСАГО, КАСКО страхователю страховщиком просто вручается страховой полис, но условия договора, правил страхования страховщиком со страхователем практически не обсуждаются и не корректируются.

В итоге такое положение дел в судебной практике получает довольно формальный подход – в целом позиция судов единодушна, поддерживается Верховным Судом РФ и сводится к констатации факта: «...определение условий страхования, на которых заключен договор... в части установления случаев освобождения страховщика от страховой выплаты соответствует принципу свободы договора, закрепленному в ст. 421 ГК РФ, истец, выступая участником договора страхования, был осведомлен обо всех условиях страхования, включая перечень оснований, при наличии которых он не имеет права требовать выплаты страхового возмещения...» [6]. При таких обстоятельствах Верховный Суд РФ оставил без изменения судебный акт суда кассационной инстанции, которым отменены постановления судов первой и апелляционной инстанций, а в удовлетворении иска страхователя отказано.

В другом деле Верховный Суд РФ отметил, что «...из правовых норм Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” [4], ст. 942 ГК РФ в их системном толковании и принципа свободы договора следует, что стороны договора страхования вправе по своему усмотрению определить перечень случаев, признаваемых страховыми, а также случаев, которые не могут быть признаны страховыми...» [8].

Аналогичную позицию высказал Верховный Суд РФ и в другом деле: «...стороны вправе включать в договор добровольного

страхования условия об определении размера ущерба и о порядке определения страховой выплаты, если они не противоречат действующим императивным нормам законодательства, регулирующего правоотношения в области страхования...» [9].

Принцип свободы договора позволяет сторонам страхового обязательства, например, в договоре добровольного страхования транспортного средства, которым автомобиль застрахован на случай причинения ущерба, указать, что «...размер страхового возмещения, выплачиваемого в связи с причинением вреда автомобилю, будет определяться в соответствии с утвержденным ЦБ РФ Положением о единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, которое по умолчанию применяется к договорам ОСАГО. Если в договоре добровольного страхования содержится такая отсылка, то размер страхового возмещения уменьшается с учетом износа деталей...» [7].

Таким образом, при заключении договора страхования стороны вправе включить в договор или исключить из него положения, относимые законодателем к диспозитивным (например, расширить или сузить перечень страховых случаев, страховых рисков; установить конкретные критерии страховых рисков, при наличии которых страховой случай считается наступившим и т. д.). Однако проблема состоит в асимметричности правомочий страховщика и страхователя на стадии заключения договора страхования, когда каждая из сторон вправе вносить свои предложения и коррективы в проект договора страхования. Приведенный анализ позволяет заключить, что действенную позитивную роль в обязательстве по страхованию принцип свободы договора может получить лишь при открытости страховщика для страхователя, в добросовестности обеих сторон, предоставлении страховщиком возможности страхователю в полной мере реализовать свои права при обсуждении условий договора страхования на стадии его заключения с тем, чтобы в процессе исполнения взаимных обязательств, а также при возникновении каких-либо правовых споров последние разрешались объектив-

но, исходя из действительной воли сторон при заключении такого договора.

Выводы

Проведенное исследование позволило подтвердить универсальность и значимость использования принципа свободы договора в страховом обязательстве. Основными условиями полноценной реализации данного принципа в страховом обязательстве выступают: открытость страховщика для страхователя, добросовестность обеих сторон, предоставление страховщиком возможности страхователю в полной мере реализовать свои права при обсуждении условий договора страхования на стадии его заключения с тем, чтобы в процессе исполнения взаимных обязательств, а также при возникновении каких-либо правовых споров последние разрешались объективно, исходя из действительной воли сторон при заключении такого договора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольшев, В. Г. Заблуждение в отношении природы сделки как основание признания ее недействительной / В. Г. Гольшев, А. В. Гольшева // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 23–27.
2. Гольшев, В. Г. Существенное заблуждение как основание признания сделки, совершенной в кредитной сфере, недействительной / В. Г. Гольшев // Банковское право. – 2000. – № 4. – С. 50–55.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об организации страхового дела в Российской Федерации : закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 // Российская газета. – 1993. – 12 янв. (№ 6).
5. Огорелкова, Н. В. Асимметрия информации между потребителем страховой услуги и страховщиком при заключении договора страхования / Н. В. Огорелкова // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2018. – № 2 (62). – С. 110–120.
6. Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2021 № 303-ЭС21-15541 по делу № А73-14673/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Верховного Суда РФ от 11.02.2020 № 18-КГ19-180, 2-2583/2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2019 № 46-КГ19-16. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.08.2021 № 18-КГ21-62-К4. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Пашенцев, Д. А. Договор с позиций общей теории права / Д. А. Пашенцев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 9. – С. 84–87.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года “О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Рыженков, А. Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права : монография / А. Я. Рыженков. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

14. Садовая, И. Г. Принцип свободы гражданско-правового договора в российском праве / И. Г. Садовая // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 10 (24). – С. 12–14.

15. Хмелева, Т. И. Реализация принципов добросовестности и свободы договора в кредитных отношениях / Т. И. Хмелева, И. Ю. Кузнецова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 108–115.

REFERENCES

1. Golyshev V.G., Golysheva A.V. Zabluzhdeniye v otnoshenii prirody sdelki kak osnovaniye priznaniya yeye nedeystvitel'noy [Misconception About the Nature of a Transaction as a Basis for Invalidating It]. *Yurist* [Lawyer], 2020, no. 4, pp. 23-27.

2. Golyshev V.G. Sushchestvennoye zabluzhdeniye kak osnovaniye priznaniya sdelki, sovershennoy v kreditnoy sfere, nedeystvitel'noy [Significant Delusion as a Basis for Recognizing a Transaction Made in the Credit Sector as Invalid]. *Bankovskoye pravo* [Banking Law], 2000, no. 4, pp. 50-55.

3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian

Federation (Adopted by Popular Vote on 12/12/1993 With Amendments Approved During the Nationwide Vote On 07/01/2020)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Ob organizatsii strakhovogo dela v Rossiyskoy Federatsii: zakon RF ot 27.11.1992 № 4015-1 [On the Organization of the Insurance Business in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of November 27, 1992 No. 4015-1]. *Rossiyskaya gazeta*, 1993, 12 Jan. (no. 6).

5. Ogorelkova N.V. Asimetriya informatsii mezhdru potrebitelom strakhovoy uslugi i strakhovshchikom pri zaklyuchenii dogovora strakhovaniya [Asymmetry of Information Between the Consumer of Insurance Services and the Insurer When Concluding an Insurance Contract]. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika* [Vestnik OmGU. Series: Economy], 2018, no. 2 (62), pp. 110-120.

6. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 20.09.2021 № 303-ES21-15541 po delu № A73-14673/2020 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 303-ES21-15541 in case No. A73-14673/2020]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 11.02.2020 N 18-KG19-180, 2-2583/2018 [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 11, 2020 N 18-KG19-180, 2-2583/2018]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 13.08.2019 № 46-KG19-16 [Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 13, 2019 No. 46-KG19-16]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

9. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24.08.2021 № 18-KG21-62-K4 [Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 24, 2021 No. 18-KG21-62-K4]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

10. Pashentsev D.A. Dogovor s pozitsiy obshchey teorii prava [The Contract from the Standpoint of the General Theory of Law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 9, pp. 84-87.

11. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.02.1999 № 4-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniya chasti vtoroy stat'i 29 Federal'nogo zakona ot 3 fevralya 1996 goda “O bankakh i bankovskoy deyatel'nosti” v svyazi s zhalobami grazhdan O.Yu. Veselyashkinoy, A.Yu. Veselyashkinai, N.P. Lazarenko» [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 23, 1999 No. 4-P “On the Case of Checking

the Constitutionality of the Provision of Part Two of Article 29 of the Federal Law of February 3, 1996 'On Banks and Banking Activity' in Connection With Complaints From Citizens O.Yu. Veselyashkina, A.Yu. Veselyashkin and N.P. Lazarenko"]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

12. Postanovleniye Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 14.03.2014 g. № 16 «O svobode dogovora i yeyo predelakh» [Decision of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Dated March 14, 2014 No. 16 "On Freedom of Contract and Its Limits"]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2014, no. 5. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

13. Ryzhenkov A.Ya. *Osnovnye nachala (printsipy) rossiyskogo grazhdanskogo zakono-*

nodatel'stva i smezhnykh otrasley prava: monografiya [Basic Beginnings (Principles) Of Russian Civil Legislation and Related Branches of Law: Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 208 p.

14. Sadovaya I.G. Printsip svobody grazhdansko-pravovo godogovora v rossiyskom prave [The Principle of Freedom of a Civil Law Contract in Russian Law]. *Otechestvennayay urisprudentsiya* [Domestic Jurisprudence], 2017, no. 10 (24), pp. 12-14.

15. Khmeleva T.I., Kuznetsova I.Yu. Realizatsiya printsipov dobrosovestnosti i svobody dogovora v kreditnykh otnosheniyakh [Implementation of the Principles of Good Faith and Freedom of Contract in Credit Relations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2018, no. 5 (124), pp.108-115.

Information About the Authors

Alexander A. Molchanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Civil Procedure, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

Elena A. Babaytseva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Judge, Volgograd Regional Court, Prosp. Lenina, 53A, 400005 Volgograd, Russian Federation, 0728676@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9526-4644>

Информация об авторах

Александр Александрович Молчанов, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Летчика Пилутова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, alexmol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0790-7564>

Елена Анатольевна Бабайцева, кандидат юридических наук, судья, Волгоградский областной суд, просп. Ленина, 53А, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, 0728676@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9526-4644>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.12>

UDC 347.41
LBC 67.404.2

Submitted: 12.04.2022
Accepted: 01.06.2022

NON-DEFINED CARSHARING: THE LAW ENFORCER VS THE LEGISLATOR

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: civil legislation, as litmus of the economic relations that have developed in society, fixes the most well-established and frequently implemented legal relations. At the same time, the “mobility” of civil circulation, its digitalization, the emergence and application of new objects of civil rights, new groups of property relations dictate modifications, selective transformation of certain provisions of civil legislation. The deliberation and slowness of the legislator in carrying out reforms are the guarantor of the stability of civil circulation. The situation with a non-defined civil law agreement, the carsharing agreement, is different. In the conditions of well-established applied practice, the approaches developed by legal science, the formed heterogeneous case practice, the legislator has not yet determined the legal fate of contractual carsharing relations. The justification of the normative consolidation of the legal nature of the carsharing agreement, its essential conditions and content to achieve unity of practice and law, is the **purpose** of this study. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization and comparative jurisprudence. **Results:** new civil legal relations, which are not regulated by the legislator, known as carsharing, are currently interpreted through the prism of analogy in the framework of dispute resolution, by classifying carsharing as the closest legal relationship. The judicial practice reviewed and analyzed in the paper makes it possible to determine the trends of the law enforcer, developed at the level of case law, which, at the same time, do not correlate with the opinion of the representatives of the scientific sphere. The author has identified the following approaches to determining the legal essence of the carsharing agreement and its place in the system of civil contractual relations: 1. The carsharing agreement has all the features of the rental agreement; 2. Carsharing relations should be regulated by the norms of the civil legislation on the lease of a vehicle without a crew; 3. Carsharing relations are of a mixed nature, but tend more towards service relations. **Conclusions:** the existing heterogeneous judicial practice does not allow coming to an unambiguous interpretation of carsharing relations, determining the essence and place of the studied relations in the system of civil law. Due to the frequent applicability of the carsharing agreement among consumers, its popularity, the author believes there is an urgent need to overcome the legal vacuum in the civil legislation and fix the concept and essential terms of the carsharing agreement in such a way as not to “stifle” new civil legal relations. In the process of lawmaking, when determining the fate of the carsharing agreement, the legislator must resolve a number of controversial issues: what is the legal nature of the carsharing relationship; is the carsharing contract a public contract; what are the limits of the principle of freedom of contract when establishing the rules for using a vehicle; the method of concluding the carsharing agreement.

Key words: carsharing agreement, freedom of contract, non-defined contract, civil circulation, law enforcement practices, legal vacuum.

Citation. Belova O.A. Non-defined Carsharing: The Law Enforcer vs the Legislator. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 87-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.12>

УДК 347.41
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 12.04.2022
Дата принятия статьи: 01.06.2022

КАРШЕРИНГ НЕПОИМЕНОВАННЫЙ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬ VS ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: гражданское законодательство, как лакмус сложившихся в обществе экономических отношений, фиксирует наиболее устоявшиеся и часто реализуемые правоотношения. Вместе с тем «подвижность» гражданского оборота, его цифровизация, возникновение и применение новых объектов гражданских прав, новых групп имущественных отношений диктуют проведение модификаций, выборочного преобразования отдельных положений гражданского законодательства. Обдуманность и неспешность законодателя при проведении реформ являются гарантом стабильности гражданского оборота. Ситуация с непоименованным гражданско-правовым договором – договором каршеринга – иная. В условиях прочно сложившейся применительной практики наработанными юридической наукой подходами, сформированной разнородной прецедентной практикой законодатель до настоящего времени не определил правовую судьбу договорных отношений по каршерингу. Обоснование нормативного закрепления правовой природы договора каршеринга, его существенных условий и содержания для достижения единства практики и права составило **цель** настоящего исследования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** новые неурегулированные законодателем гражданские правоотношения, известные как каршеринг, в настоящее время в рамках разрешения судебных споров трактуются через призму аналогии посредством причисления каршеринга к наиболее близким правовым отношениям. Судебная практика, рассмотренная и проанализированная в настоящей статье, позволяет определить тенденции правоприменителя, выработанные на уровне прецедентного права, которые одновременно не коррелируют с мнением представителей научной сферы. Автором выявлены следующие подходы к определению правовой сущности договора каршеринга и его места в системе гражданско-правовых договорных отношений: 1) договору каршеринга присущи все признаки договора проката; 2) каршеринговые отношения следует регулировать нормами гражданского законодательства, посвященного договору аренды транспортного средства без экипажа; 3) отношения по каршерингу носят смешанный характер, но более тяготеют к отношениям по оказанию услуг. **Выводы:** сложившаяся разнородная судебная практика не позволяет прийти к однозначному толкованию каршеринговых отношений, определить сущность и место исследуемых отношений в системе гражданского права. В связи с частой применимостью договора каршеринга среди потребителей, его популярностью, автор полагает, есть настоятельная необходимость преодолеть правовой вакуум в гражданском законодательстве и зафиксировать понятие и существенные условия договора каршеринга таким образом, чтобы не «задушить» новые гражданские правоотношения. В процессе законотворчества при определении судьбы договора каршеринга законодателю надлежит решить ряд спорных вопросов: какова правовая природа каршеринговых отношений; является ли договор каршеринга публичным договором; каковы пределы действия принципа свободы договора при установлении правил пользования транспортным средством; способ заключения договора каршеринга.

Ключевые слова: договор каршеринга, свобода договора, непоименованный договор, гражданский оборот, правоприменительные практики, правовой вакуум.

Цитирование. Белова О. А. Каршеринг непоименованный: правоприменитель vs законодатель // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 87–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.12>

Введение

Гражданские правоотношения в современном мире стремительно развиваются посредством возникновения новых общественных отношений или модификации тех, что уже зафиксированы законодателем в отечественном правовом поле [7, с. 7–9]. Безусловно, что все вышеперечисленное нуждается в соответствующем правовом регулировании со стороны законодателя. В качестве одной из новинок, не имеющей в настоящее время соответствующего четкого правового оформления, является договор каршеринга. Данный институт договорного права появился в России сравнительно

но недавно, однако набрал популярность среди потребителей транспортных услуг, на фоне чего отсутствие правового регулирования в условиях правового вакуума, на наш взгляд, представляется неприемлемым.

Сложившиеся тенденции в практике реализации каршеринговых отношений

Обращая внимание на общую практику реализации каршеринговых услуг, следует выделить два варианта оформления договорных отношений. Согласно первому, речь идет о договоре проката, а второму, – каршеринговые отношения регулируются положениями

гражданского законодательства РФ в области договора аренды транспортного средства без экипажа. И уже подобные различия в квалификации данных общественных отношений вызывают вопросы относительно того, каким единообразным способом необходимо осуществить регулирование указанных отношений.

Осуществляя правовую характеристику договора каршеринга, особое внимание следует обратить на то, что является собой данный договор по своей правовой природе. Договор каршеринга представляет собой общественные отношения, согласно которым организация, владеющая транспортным средством на праве собственности, предоставляет физическому лицу два временных правомочия: владение и пользование транспортным средством за соответствующую плату, складывающуюся из общего времени пользования автомобилем независимо от километража. В целом само содержание указанного договора аналогично п. 1 ст. 626 ГК РФ, раскрывающему содержание договора проката в части передачи транспортного средства во временное владение и пользование [4].

Подобной точки зрения в определении правовой природы договора каршеринга придерживается Ю.Н. Боярская, которая настаивает на том, что рассматриваемый договор наиболее тесно связан с договором проката, так как имеются схожие значения по таким категориям, как юридическая квалификация, предмет, субъект, цель заключения договора, а также по части прав и обязанностей сторон. Однако автор указывает и на то, что договор каршеринга приемлемо трактовать и как отдельный вид договора, поскольку имеет свои особенности, в том числе это касается формы договора (электронная), сроков (от нескольких минут до нескольких часов), способов внесения арендной платы (поминутно с банковской карты) [2, с. 40].

Стоит отметить, сложность в данных правоотношениях заключается в том, что законодатель не формулирует каких-либо правил или пояснений относительно новых категорий. И в подобном случае стороны при возникновении споров в рамках новых гражданских правоотношений, что вполне логично, обращаются в суды. В результате формируется судебная практика, где суды приходят к сле-

дующему выводу, – отношения по каршерингу не должны регулироваться нормами о договоре проката, содержащиеся в соответствующих нормах гражданского законодательства. Данный вывод аргументируется в позициях судов тем фактом, что «ст. 625 ГК РФ для аренды транспортных средств без экипажа предусмотрены специальные нормы подраздела 2 § 3 гл. 34 ГК РФ» [1].

Договор каршеринга, как новая разновидность договора аренды транспортного средства, обладает коллизионностью, вызванной отсутствием должной правовой фиксации базовых норм и принципов. Так, интересным представляется Апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2019 по делу № 33-19520/2019.

Согласно обстоятельствам дела, истец расценил информацию, размещенную на интернет-сервисе по предоставлению транспортного средства в каршеринг в качестве публичной оферты и дал соответствующее согласие нескольким ответчикам на заключение договора каршеринга транспортных средств. Подобные действия послужили фактом принятия всех условий договора, однако истец так и не получил автомобиля в связи с тем обстоятельством, что в договорах были прописаны условия получения, а именно стаж вождения.

В данном случае снова возникает вопрос о должной квалификации договора каршеринга и основ его правового регулирования. Так, если относить договор каршеринга к группе договоров проката, то данный договор будет признаваться публичным, и в силу п. 1 ст. 426 ГК РФ его необходимо заключать с каждым, кто согласится с условиями без каких-либо предпочтений в отношении заключения договора одного лица перед другим. Подобная логика квалификации договора каршеринга приводит в данной ситуации к признанию правоты позиции истца.

Однако при отнесении подобного договора к договорам аренды транспортного средства без экипажа, стоит говорить о том, что нормы, регулирующие рассматриваемые общественные отношения по заключению договора каршеринга, являются специальными по отношению к нормам гражданского законодательства в области проката. А в приведен-

ном случае следует вести речь о реализации ответчиками принципа свободы договора, зафиксированного законодателем в ст. 421 ГК РФ, согласно которой у арендодателей есть право устанавливать различные требования к арендаторам. Если исходить именно из обозначенной логики, то ответчики в рамках рассматриваемого дела верно установили ограничения в виде водительского стажа.

В целом по результатам рассмотрения правового спора суд пришел к выводу о том, что договор каршеринга не является публичным. Подобный вывод был мотивирован судом совокупным содержанием договора каршеринга и наличия в нем признаков договора аренды транспортного средства без экипажа. При этом суд подчеркнул, что заключенный договор является смешанным, содержит в себе еще и характеристики договора возмездного оказания услуг. Апелляционный суд не изменил решение суда первой инстанции и установил, что, исходя из представленной фактуры, ответчики, являющиеся каршеринговой компанией, имеют возможность самостоятельно устанавливать какие-либо условия для арендаторов при заключении договора.

Из приведенного выше дела следует выделить еще несколько положений, которые позволили более детально рассмотреть аспект правового регулирования договора каршеринга.

Обратим внимание, что имеющие существенное значение условия раскрываются в Законе о безопасности дорожного движения, согласно которому в подп. 1, 4 ст. 23.1, п. 4 ст. 25 установлено, что при заключении договора каршеринга гражданин, пожелавший воспользоваться данным сервисом, должен соблюдать следующее. Первое касается наличия у водителя действительного водительского удостоверения с правом управлять автомобилем соответствующей категории, тогда как второе условие – непосредственно отсутствия каких-либо медицинских противопоказаний для управления автомобилем.

В результате рассмотренной практики, мы полагаем, законодателем должно быть закреплено и то, что арендодатель обладает правом формулировать встречные дополнительные требования, которые могут затрагивать, например, возраст водителя или его стаж. Закрепление подобного права звучит

убедительно не только в силу принципа свободы договора, зафиксированного законодателем в ГК РФ, но и в силу базовых требований безопасности. Так, со стороны арендодателя транспортное средство премиум-класса логичнее передать в каршеринг лицу с высоким стажем вождения, чем тому, кто получил водительские права менее 2 лет и только начинает набирать водительский опыт.

Хочется отметить и то, что сложившиеся в судебной практике выводы основываются прежде всего на фактических признаках рассматриваемого договора в сопоставлении с нормами гражданского законодательства, согласно которым договор каршеринга целесообразно причислять к договору аренды транспортного средства без экипажа. Так, опираясь на положения ст. 642 ГК РФ, можно увидеть, что по договору аренды транспортного средства без экипажа законодатель выделяет два специфических признака, характерных именно для данного договора. Во-первых, это временное пользование транспортным средством за плату. А во-вторых, транспортное средство передается без предоставления услуг по управлению. Указанные признаки характерны и для договора каршеринга. Однако есть свои особенности, которые должны быть урегулированы законодателем, чтобы при заключении договора у его участников не возникало коллизий с его правовой квалификацией.

При причислении договора каршеринга к договору аренды транспортного средства без экипажа юридическая наука, акцентирует внимание на том, что есть аспекты, не коррелирующие друг с другом. Так, например, С.Р. Дерюгина указывает на ст. 643 ГК РФ, в которой законодатель в качестве обязательного условия заключения договора аренды транспортного средства обозначил необходимость письменной формы волеизъявления сторон, тогда как договор каршеринга, как правило, заключается через использование мобильного приложения [5, с. 21]. Поэтому в данном случае возникает вопрос относительно того, можно ли считать заключение договора через мобильное приложение в качестве надлежащей письменной формы.

Подобной точки зрения придерживаются и такие авторы, как Т.А. Бубновская и

Ю.Б. Суворов, которые убеждены, что факт приема автомобиля посредством нажатия на кнопку в мобильном приложении не равносильен, не тождествен собственноручному подписанию договора аренды транспортного средства без экипажа, к которому суды причисляют договор каршеринга [3, с. 38–40].

Выводы

В настоящее время видно, что теория и практика существенно разошлись во мнении относительно правового регулирования договора каршеринга, квалификации его правовой природы. Однако договор каршеринга, как новая разновидность обязательств, требует нормативного регулирования, что позволит участникам гражданских правоотношений еще на стадии заключения договора понимать и осознавать, какой именно договор заключен, каковы существенные условия, содержание правомочий сторон, объем неустоек и т. д. Думается, что сегодня перед законодателем должна стоять задача, заключающаяся в определении юридической природы договора каршеринга. Конечно, следует учесть и то, что в силу принципа свободы гражданских правоотношений, важно не «задушить» правовым регулированием новые правоотношения [7, с. 10]. И учитывая схожесть договора каршеринга с договором проката и аренды транспортного средства без экипажа, думается, что логичным было бы со стороны законодателя определить, к какому именно договору относится договор каршеринга, тем самым на законодательном уровне прекратить дальнейшие споры правоприменителей относительно правовой природы договора. А также продуктивной мерой, на наш взгляд, представляется создание правил оказания услуг каршеринга, по аналогии с правилами оказания гостиничных услуг и т. п.

Мы полагаем, существующие вопросы практического толка, связанные с заключением договора каршеринга, его исполнением и определением пределов ответственности потребителя каршеринговых услуг, должны быть устойчиво закреплены на законодательном уровне, но при этом регулирование должно затрагивать только существенные условия

договора, не препятствовать формированию вновь складывающихся правоотношений и благотворно влиять на развитие стабильного гражданского оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2019 по делу № 33-19520/2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/a8207bc2-fd40-4430-bb13-7b4bc65e17fd> (дата обращения: 01.04.2022). – Загл. с экрана.
2. Боярская, Ю. Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга / Ю. Н. Боярская // Юрист. – 2019. – № 8. – С. 39–43.
3. Бубновская, Т. А. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты / Т. А. Бубновская, Ю. Б. Суворов // Юрист. – 2018. – № 7. – С. 35–42.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105/ (дата обращения: 01.04.2022). – Загл. с экрана.
5. Дерюгина, С. Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров / С. Р. Дерюгина // Гражданское право. – 2019. – № 4. – С. 21–26.
6. Иншакова, А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>
7. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>

REFERENCES

1. *Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 26.04.2019 po delu N 33-19520/2019* [The Appeal Ruling of the Moscow City Court of 26.04.2019 in Case No. 33-19520/2019]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/a8207bc2-fd40-4430-bb13-7b4bc65e17fd> (accessed 1 April 2022).

2. Boyarskaya Yu.N. Analiz obshchih i special'nyh norm grazhdanskogo zakonodatel'stva, reguliruyushchih dogovor karsheringa [Analysis of General and Special Norms of Civil Legislation Governing the Carsharing Agreement]. *Yurist* [Lawyer], 2019, no 8, pp. 39-43.

3. Bubnovskaya T.A., Suvorov Yu.B. K voprosu o karsheringe: pravovye aspekty [On the Issue of Carsharing: Legal Aspects]. *Yurist* [Lawyer]. 2018, no. 7, pp. 35-42.

4. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 09.03.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.06.2021)* [The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) Dated 26.01.1996 N 14-Fz (As Amended on 09.03.2021) (With Amendments and Additions, Intro. Effective From 06/29/2021)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/538fb2366ff013d11fa713165993ec30e68f3105/ (accessed 1 April 2022).

5. Deryugina S.R. Karshering i rajdshering: k probleme pravovoj prirody dogovorov [Carsharing and

Ridesharing: On the Problem of the Legal Nature of Contracts]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 4, pp. 21-26.

6. Inshakova A.O. Pravovaya adaptaciya v usloviyah vliyaniya promyshlennoj revolyucii na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' i klyucheveye komponenty ekosistemy [Legal Adaptation in the Context of the Impact of the Industrial Revolution on Entrepreneurship and Key Components of the Ecosystem]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>

7. Inshakova A.O. Pravo i informacionno-tehnologicheskie preobrazovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah industrii 4.0 [Law and Information Technology Transformations of Public Relations in the Conditions of Industry 4.0]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>

Information About the Author

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Информация об авторе

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.13>

UDC 347.4

LBC 67.402.02

Submitted: 17.04.2022

Accepted: 01.06.2022

PUBLIC CONTRACT PERFORMANCE SECURITY FOR FOOD SUPPLY FOR THE NEEDS OF THE PENAL SYSTEM INSTITUTIONS AND BODIES

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alina V. Ereemeeva

Department of the Federal Penitentiary Service of the Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the problems of the implementation of Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013, "On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs" in terms of public contract performance security for food supply for the needs of the penal system. The legal nature of contract performance is analyzed from the point of view of the general norms of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation. A review of judicial practice in the enforcement of contract performance security for improper performance of the contract terms has been conducted. The **purpose** of the study is to analyze the mechanism of implementation of public contract performance security of federal customers. The legal nature and functions of public contract performance security have been studied; a comparison of judicial practice in similar cases has been made. **Methods:** the methods of consistency, analysis and comparative law are used. **Results:** the authors' position justified in the work is based on the legislation, the results of the specialists' study on the use of a mechanism for compensating a penalty by a state customer by withholding contract security from an unscrupulous supplier. The paper presents brief conclusions and suggestions for improving the mechanism for the implementation of the restoration of violated rights of the parties in the execution of public contracts. **Conclusions:** given the importance of uninterrupted execution of the state order, the legislator has taken care of a system of measures to protect the interests of the state customer. One of the important mechanisms for protecting the customer's right is the implementation of a security payment. Based on the analysis of judicial practice on this issue, the authors have found that in case of breaking by the supplier of the terms of the public contract, the customer does not always lawfully withhold compensation for penalties in the form of a security payment or an independent guarantee. This issue is especially relevant at the present time in an unstable economic situation. On the one hand, this mechanism guarantees the protection of the rights of the customer; on the other hand, if the supplier is included in the register of unscrupulous enterprises, it puts a stigma on the business reputation and the possibility of further development of a market participant. Therefore, the impartial position of the Federal Antimonopoly Service and the performance in good faith of its duties by the state customer is very important in this matter.

Key words: contract procurement system, customer, public procurement, public contract performance security, penal enforcement system.

Citation. Baltutite I.V., Ereemeeva A.V. Public Contract Performance Security for Food Supply for the Needs of the Penal System Institutions and Bodies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 93-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.13>

УДК 347.4

ББК 67.402.02

Дата поступления статьи: 17.04.2022

Дата принятия статьи: 01.06.2022

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ НА ПОСТАВКУ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ ДЛЯ НУЖД УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Алина Владимировна Еремеева

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Волгоградской области,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются проблемы реализации Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в части представления обеспечения исполнения контрактов на поставку продовольствия для нужд уголовно-исполнительной системы. Проанализирована правовая природа обеспечения исполнения контракта с точки зрения общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации и специального законодательства. Проведен обзор судебной практики при взыскании обеспечения исполнения контракта за ненадлежащее исполнение условий контракта. **Целью** настоящего исследования является анализ механизма реализации обеспечения исполнения государственных контрактов федеральных заказчиков. В работе осуществлено изучение правовой природы и функций обеспечения государственных контрактов, проведено сравнение судебной практики по аналогичным делам. **Методы:** использованы методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на законодательство, результаты исследования специалистов по вопросу о применении механизма компенсации неустойки государственным заказчиком путем удержания обеспечения контракта с недобросовестного поставщика. В статье изложены краткие выводы и предложения по совершенствованию механизма реализации восстановленных прав сторон при исполнении государственных контрактов. **Выводы:** учитывая важность бесперебойного выполнения государственного заказа, законодатель позаботился о системе мер по защите интересов государственного заказчика. Одним из важных механизмов защиты права заказчика является реализация обеспечительного платежа. На основании анализа судебной практики по данному вопросу нами установлено, что в случае нарушения поставщиком условий государственного контракта, заказчиком не всегда правомерно удерживается компенсация неустоек в счет обеспечительного платежа или независимой гарантии. Особенно актуален этот вопрос в настоящее время в условиях нестабильной экономической ситуации. С одной стороны, данный механизм гарантирует защиту прав заказчика, с другой – в случае внесения поставщика в реестр недобросовестных предприятий, ставит клеймо на деловую репутацию и возможность дальнейшего развития участника рынка. Поэтому в данном вопросе очень важна беспристрастная позиция Федеральной антимонопольной службы и добросовестное исполнение своих обязанностей государственным заказчиком.

Ключевые слова: контрактная система закупок, заказчик, государственные закупки, обеспечение исполнения государственного контракта, уголовно-исполнительная система.

Цитирование. Балтугите И. В., Еремеева А. В. Обеспечение исполнения государственных контрактов на поставку продуктов питания для нужд учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 93–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.13>

Введение

Согласно государственной политике, на Федеральную службу исполнения наказаний возложены важные общенациональные функции. Одной из ключевых задач органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) является создание осужденным и лицам, содержащимся под стражей, условий содержания, соответствующих нормам международного права, положениям международных договоров Российской Федерации и федеральных законов. Для выполнения этой задачи необходимо предоставить осужденным и лицам, содержащимся под стражей, продовольственное, медицинское и материально-техническое обеспечение на высоком уровне [10].

Организация обеспечения материальными ресурсами исправительных учреждений способствует поддержанию жизнедеятельности, удовлетворению потребностей и поддержанию требуемого морально-психологического состояния осужденных лиц.

Одно из основополагающих направлений материального обеспечения УИС является продовольственное обеспечение, которое подразумевает под собой проведение закупочных процедур и осуществление государственных контрактов на закупку продуктов питания.

Закупочная деятельность в учреждениях и органах УИС осуществляется на средства Федерального бюджета и относится к государственным закупкам.

Сферу государственных закупок регламентирует Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также специальные Федеральные законы. Причем во всем, что не урегулировано напрямую специальными законами, следует руководствоваться общими нормами гражданского законодательства.

Основным специальным законом является Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ). Что касается государственных контрактов на поставку продуктов питания, то они непосредственно подпадают под регулирование Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ).

В системе государственных закупок разработаны как внешние, так и внутренние регулятивные механизмы.

К внешним следует отнести применение национального режима при осуществлении закупок (ст. 14 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ). Национальный режим направлен на защиту внутреннего рынка Российской Федерации и поддержание отечественных производителей, представляет собой многоуровневую систему, состоящую из запретов, ограничений и специальных условий допуска товаров из иностранных государств. Применение национального режима можно отнести к скрытым инструментам нетрадиционного метода регулирования внешнеторговых отношений [1].

Внутренние механизмы регуляции охватывают все закупочные стадии: от формирования и размещения государственного заказа до его исполнения. Причем данное координирование направлено как на поддержание производителей и поставщиков, так и на снижение риска неисполнения этими производителями и поставщиками своих обязательств [9, с. 82].

Так, в целях поддержки малого и среднего бизнеса государственные заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства в объеме не менее чем двадцать пять процентов совокупно-

го годового объема закупок. Тогда как поставщики и производители, которые являются участниками этих открытых конкурентных закупок для субъектов малого предпринимательства, полностью освобождаются от предоставления обеспечения исполнения контрактов и от обеспечения гарантийных обязательств. Взамен обеспечения участником закупки предоставляется информация, содержащаяся в реестре контрактов, которая подтверждает исполнение таким участником в течение трех лет до даты подачи заявки на участие в закупке трех контрактов, исполненных без применения к такому участнику неустоек (штрафов, пеней) [11].

Учитывая «размер обеспечения» исполнения контракта в закупках – тридцать процентов начально максимальной цены контракта, не все предприятия располагают таким объемом свободных денежных средств и не у всех есть возможность вывести их из оборота. Поэтому освобождение участников от предоставления обеспечения контракта способствует повышению конкурентоспособности малого и среднего бизнеса и является весомой поддержкой со стороны государства.

Тем не менее остальные участники закупок не только не освобождены от уплаты обеспечения исполнения контрактов, но и в случае падения цены контракта свыше двадцати пяти процентов, при проведении электронных аукционов, обязаны предоставить увеличенное в полтора раза обеспечение. При многомиллионных контрактах такие суммы непомерны для средних и малых участников рынка. Выходом в данном случае может стать оформление в качестве обеспечения исполнения контракта независимой банковской гарантии, но и здесь есть свои ограничения. Список банков и требования к ним определены Правительством Российской Федерации.

Что же с юридической точки зрения представляет собой обеспечение исполнения государственных контрактов?

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ, регулирующий государственные закупки, прямо обязывает в государственных контрактах устанавливать требование об обеспечении контракта. В ст. 96 вышеуказанного закона предусмотрено два вида обеспечения – это денежные средства и независимая гарантия.

Поскольку в тексте Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ отсутствуют нормы, содержащие прямое указание на обязательства, которые могут быть обеспечены банковской гарантией или денежными средствами, для определения правовой природы и функций обеспечения исполнения контракта, необходимо руководствоваться нормами гражданского кодекса.

Если обращаться к нормам Гражданского кодекса РФ, обеспечение исполнения государственного контракта отсылает нас к обеспечению исполнения обязательств, которому посвящена глава 23. В ст. 329 ГК РФ конкретизированы способы обеспечения исполнения обязательств: залог, удержание вещи должника, поручительство, независимая гарантия, задаток и обеспечительный платеж.

По смысловой нагрузке и способу предоставления обеспечение исполнения государственного контракта в государственных закупках можно идентифицировать на обеспечительный платеж и независимую гарантию.

Обеспечительный платеж по ГК РФ – это денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора. Получившая заблаговременно обеспечительный платеж сторона приобретает высокую вероятность реального удовлетворения ее возможного, потенциального требования к контрагенту, предоставившему этот платеж, таким образом, обеспечительный платеж отличается от обеспечительной функцией [2].

Следовательно, денежные средства, внесенные исполнителем на указанный заказчиком счет на основании ч. 6 ст. 96 Закона № 44-ФЗ, являются разновидностью обеспечительного платежа и характеризуются обеспечительной функцией, а в случае недобросовестного исполнения государственного контракта средства из этого платежа могут быть направлены на погашение неустойки (штраф, пени) и убытков, понесенных заказчиком [5].

Причем обеспечение исполнения контракта не носит штрафной функции. Заказчик не вправе удерживать денежные средства, внесенные на основании ст. 96 Закона № 44-ФЗ, в качестве самостоятельной меры ответственности, не предусмотренной ч. 7–9 ст. 34 Закона № 44-ФЗ. Более того, по истечении ука-

занных в контракте сроков для удержания обеспечения контракта и в отсутствие у исполнителя таких денежных обязательств перед заказчиком – как возмещение убытков или неустойки заказчик обязан возратить обеспечение исполнения контракта, несмотря на какие-либо другие нарушения при исполнении контракта.

В пользу обеспечительной, а не штрафной функции обеспечения исполнения государственного контракта свидетельствует и срочность (установлен срок действия) этого обеспечения [3].

Тем не менее предоставлением обеспечительного платежа либо независимой гарантии поставщик по государственному контракту подтверждает намерение добросовестно исполнить обязательства по выполнению контрактов, а именно: поставку необходимого количества и качества товара в установленные графиком сроки, готовность заменить товар ненадлежащего качества и др. Заказчик же получает возможность компенсировать убытки, причиненные поставщиком в результате ненадлежащего исполнения или неисполнения обязательств по контракту, в том числе удерживать неустойку (пени, штрафы).

Таким образом, обеспечение исполнения контракта – это гарантия для заказчика восстановить свои нарушенные права и получить компенсацию с недобросовестного поставщика [6].

Защита интересов государственного заказчика строго регламентирована законодательными рамками, в его обязанность в случае существенных нарушений условий контракта входят следующие обязательные этапы: досудебный порядок разрешения споров (претензионная работа), расторжение государственного контракта в одностороннем порядке, направление материалов в Федеральную антимонопольную службу для рассмотрения о включении нарушившего условия контракта исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков.

Причем заказчик по своему усмотрению на любом этапе с момента неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта имеет право направить требование по банковской гарантии с целью выплаты суммы неустоек (штрафов, пени), а в случае расторжения кон-

тракта о взыскании суммы понесенных убытков. Аналогично заказчик взыскивает в свою пользу вышеуказанные суммы из обеспечения контракта, предоставленного в виде денежных средств [4].

Судебная практика по данному вопросу показывает неоднозначный подход в данном механизме гражданско-правовой ответственности.

Так, с поставщика ООО «Лик» (государственный контракт на поставку молока с ценой контракта 16 877 675,00 руб., обеспечение исполнения контракта в форме банковской гарантии на сумму 5 710 500,00 руб.) в пользу УФСИН России по Волгоградской области неправомерно взыскана сумма по банковской гарантии в размере 5 710 500,00 руб. В ходе судебного разбирательства (дело № А12-31019/2020 от 08.02.2021) было выяснено, что по вине заказчика государственный контракт с данным поставщиком, заключенный в форме электронного документа, не прошел необходимую регистрацию в органах Федерального казначейства. Согласно решению суда, неисполнение обязательств по контракту произошло вследствие бездействия Государственного заказчика и на стороне Государственного заказчика имеет место просрочка кредитора [7].

Другой пример: с ООО «Технология Агро» (государственный контракт на поставку сахара с ценой контракта 2 465 100,00 руб., обеспечение исполнения контракта в форме банковской гарантии на сумму 891 000,00 руб.) взыскана неустойка путем выплаты по независимой гарантии за нарушение сроков поставки по государственному контракту. Помимо взысканной неустойки в размере 746 555,39 руб. и уплаты директором ООО «Технология Агро» административного штрафа (в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ) в размере 30 000 руб. за нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу, заказчик направил требование о возмещении убытков (разница между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой на сахар) в размере 590 013,00 рублей.

Учитывая нарушение сроков поставки ООО «Технология Агро» в связи с общей ситуацией на рынке сахара (в момент поставки

цены на сахар выросли более чем на 70 %), Федеральная антимонопольная служба не усмотрела фактов недобросовестности данного поставщика (решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Ростовской области № РНП 61-88 ГОЗ от 21.12.2020 об отказе во внесении сведений в Реестр недобросовестных поставщиков). Тем не менее ООО «Технология Агро» выплатил заказчику пени и штрафы по контракту и понес административную ответственность (административный штраф). В данном случае взыскание убытков может квалифицироваться уже как излишняя мера (ст. 394 ГК РФ) [8].

Выводы

Хотя поставщики осознанно несут предпринимательские риски в условиях нестабильной экономической ситуации и длительности проведения закупочных процедур, они зачастую оказываются в независящих от них невыгодных условиях.

Таким образом, поставщик может понести несопоставимую ответственность за любой сбой в исполнении государственных контрактов, причем восстановление своих прав возможно в большинстве случаев только в судебном порядке, который носит, как правило, длительный характер и является обременительным для поставщиков.

Улучшением ситуации в данном случае видится более объективная позиция и персонализированный подход Федеральной антимонопольной службы при выявлении степени вины поставщиков, которые допустили срывы исполнения государственных контрактов. Необходимо учитывать одновременно множество неблагоприятных факторов в совокупности, например, длительность проведения электронных закупочных процедур, во время которых резко может измениться ситуация на рынке цен, растянутые на весь год графики поставки, трудодоступность грузополучателей и т. д.

Резюмируя сказанное, обеспечение исполнения контракта – это эффективный правовой инструмент, позволяющий повысить уровень надежности сделки для заказчика. Тем не менее императивность норм защиты интересов государственного заказчика может привести к нарушению прав исполнителей госу-

дарственных контрактов, восстановление которых возможно только в судебном порядке. В целом компенсационная функция обеспечения контракта направлена как на безусловное исполнение государственных контрактов, так и на бесперебойное осуществление государственных закупок в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственные закупки как инструмент торговой политики. Применение национального режима // Актуальные исследования. – 2020. – № 24 (7). – С. 77–81.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая – М. : Проспект. – 2020. – 736 с.
3. Давудов, Д. А. Финансовое обеспечение контракта в сфере закупок, товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Д. А. Давудов, И. Н. Меркуленко // *Философия социальных коммуникаций*. – 2019. – № 4 (49). – С. 35–39.
4. Иншакова, А. О. Оборот объектов гражданских прав имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
5. К вопросу о правовой природе обеспечения исполнения обязательств по государственным (муниципальным) контрактам (статья 96 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2016/6/26/k_voprosu_o_pravovoj_prirode_obespecheniya_ispolneniya_obyazatelstv_po_gosudarstvennym_municipalnym_ (дата обращения: 03.04.2022). – Загл. с экрана
6. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балтутите // *Евразийский юридический журнал*. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.
7. Решение арбитражного суда Волгоградской области от 08.02.2021 по делу № А12-31019/2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gas.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.04.2022). – Загл. с экрана.
8. Решение арбитражного суда Ростовской области от 17.02.2022 по делу № А53-41272/2021. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gas.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.04.2022). – Загл. с экрана.
9. Тория, Р. А. Риск – ориентированный подход при осуществлении финансового контроля в

сфере закупок / Р. А. Тория, З. А. Коновалова // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – № 7. – С. 82–88.

10. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Положение о Федеральной службе исполнения наказаний» // *Собрание законодательства РФ*. – 2004. – 18 окт. (№ 42). – Ст. 4109.

11. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // *Собрание законодательства РФ*. – 2013. – 8 апр. (№ 14). – Ст. 1652.

REFERENCES

1. Gosudarstvennye zakupki kak instrument trgovoj politiki. Primenenie nacional'nogo rezhima [Public Procurement as a Tool of Trade Policy. Application of the National Regime]. *Aktual'ny'e issledovaniya* [Actual Research], 2020. no 24 (7), pp. 77-81.
2. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chasti pervaya, vtoraya, tret'ya i chetvertaya* [The Civil Code of the Russian Federation. Parts One, Two, Three and Four]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 736 p.
3. Davudov D.A., Merkulenko I.N. Finansovoe obespechenie kontrakta v sferezakupok, tovarov, rabot i uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Financial Support of the Contract in the Field of Procurement, Goods, Works and Services for State and Municipal Needs]. *Filosofiya social'nyh kommunikacij* [Philosophy of Social Communications]. 2019, no 4 (49), pp. 35-39.
4. Inshakova A.O. Oborot obyektov grazhdanskih prav imushchestvennogo haraktera: osnovnye ponyatiya, vidy, tendencii zakonodatel'nogo razvitiya [Turnover of Objects of Civil Rights of Property Character: Basic Concepts, Types, Trends of Legislative Development]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.1>
5. *K voprosu o pravovoj prirode obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv po gosudarstvennym (municipal'nyh) kontraktam (stat'ya 96 Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ)* [To the Question of the Legal Nature of Ensuring the Fulfillment of Obligations Under State (Municipal) Contracts (Article 96 of Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013)]. URL: https://zakon.ru/discussion/2016/6/26/k_voprosu_o_pravovoj_prirode_obespecheniya_ispolneniya_obyazatelstv_po_gosudarstvennym_municipalnym_ (accessed 3 April 2022).
6. Matytsin D.E., Baltutite I.V. Obespechenie ispolneniya gosudarstvennyh i municipal'nyh kontraktov: bankovskie garantii i cifrovyte tekhnologii

[Enforcement of State and Municipal Contracts: Bank Guarantees and Digital Technologies]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no 11 (150), pp. 133-136.

7. *Reshenie arbitrazhnogo suda Volgogradskoj oblasti ot 08.02.2021 po delu № A12-31019/2020*. [The Decision of the Arbitration Court of the Volgograd Region of 08.02.2021 in Case No. A12-31019/2020]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (accessed 3 April 2022).

8. *Reshenie arbitrazhnogo suda Rostovskoj oblasti ot 17.02.2022 po delu № A53-41272/2021*. [The Decision of the Arbitration Court of the Rostov Region of 17.02.2022 in Case No. A53-41272/2021]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (accessed 3 April 2022).

9. Toriya R.A., Konovalova Z.A. Risk – orientirovannyj podhod pri osushchestvlenii finansovogo kontrolya v sfere zakupok [Risk-Oriented Approach in the Implementation of Financial Control in the Field of Procurement]. *Probely v rossijskom*

zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2021, no. 7, pp. 82-88.

10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 oktyabrya 2004 g. № 1314 «Polozhenie o Federal'noj sluzhbe ispolneniya nakazanij» [Decree of the President of the Russian Federation No. 1314 Dated October 13, 2004 “Regulations on the Federal Penitentiary Service”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation], 2004, 18 Oct., no. 42, art. 4109.

11. Federal'nyj zakon ot 5 Aprelya 2013 g. № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» [Federal Law No. 44-FZ Dated 5 April 2013 “On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation], 2013, 8 Apr., no. 14, art. 1652.

Information About the Authors

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Basic Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science), Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Alina V. Eremeeva, Senior Inspector, Department of State Defense Order and Public Procurement of the Logistics Support, Department of the Federal Penitentiary Service of the Volgograd Region, Major of the Internal Service, Skosyreva St, 6, 400066 Volgograd, Russian Federation, uis34@34.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-8918>

Информация об авторах

Иоланта Видмантовна Балтутите, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Алина Владимировна Еремеева, старший инспектор отделения государственного оборонного заказа и государственных закупок отдела тылового обеспечения, Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Волгоградской области, майор внутренней службы, ул. Скосырева, 6, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, uis34@34.fsin.gov.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-8918>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.14>

UDC 347.19
LBC 67.404

Submitted: 25.04.2022
Accepted: 10.06.2022

THE FORMATION IN THE CORPORATION OF SEVERAL SOLE EXECUTIVE BODIES ACTING INDEPENDENTLY OF EACH OTHER

Sergey V. Mudritsky

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in 2014, significant changes and additions were made to the civil legislation affecting the creation and activities of corporate governance bodies. One of them should be called the possibility of the formation of several sole executive bodies in one corporation. At the same time, this legislative novel was taken ambiguously among researchers. There are both supporters and opponents of such a decision. In this regard, the paper sets the **goal** of defining the features of the legal regulation of the formation of several sole executive bodies of the corporation. **Methods:** the dialectical, formal-legal, comparative-legal, structural-functional and other methods of cognition were used in the course of the study. **Results:** based on the provisions of the current legislation and theoretical concepts, the analysis of the legislative provisions is carried out, the negative and positive aspects of the formation of several sole executive bodies are highlighted. **Conclusions:** as a result of the study, the imperfection of the current legislation regulating the formation of several sole executive bodies is noted and the need for a number of amendments and additions to the regulatory legal acts is justified.

Key words: sole executive body, individual entrepreneur, corporation, persons acting jointly, persons acting independently of each other, corporate governance bodies.

Citation. Mudritsky S.V. The Formation in the Corporation of Several Sole Executive Bodies Acting Independently of Each Other. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 100-105. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.14>

УДК 347.19
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 25.04.2022
Дата принятия статьи: 10.06.2022

ОБРАЗОВАНИЕ В КОРПОРАЦИИ НЕСКОЛЬКИХ ЕДИНОЛИЧНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НЕЗАВИСИМО ДРУГ ОТ ДРУГА

Сергей Васильевич Мудрицкий

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в 2014 г. в гражданское законодательство были внесены существенные изменения и дополнения, затрагивающие вопросы создания и деятельности органов управления корпораций. Одним из них стала возможность образования в одной корпорации нескольких единоличных исполнительных органов. В то же время среди исследователей данная законодательная новелла была воспринята неоднозначно. Имеются как сторонники, так и противники такого решения. В этой связи в статье поставлена **цель** определения особенностей правового регулирования образования нескольких единоличных исполнительных органов корпорации. **Методы:** в ходе исследования использовались диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и другие методы познания. **Результаты:** на основании положений действующего законодательства и теоретических концепций проводится анализ законодательных положений, отмечаются отрицательные и положительные аспекты образования нескольких единоличных исполнительных органов. **Выводы:** в результате исследования

отмечено несовершенство действующего законодательства, регламентирующего образование нескольких единоличных исполнительных органов и обоснована необходимость внесения ряда изменений и дополнений в нормативные правовые акты.

Ключевые слова: единоличный исполнительный орган; индивидуальный предприниматель; корпорация; лица, действующие совместно; лица, действующие независимо друг от друга; органы управления корпорации.

Цитирование. Мудрицкий С. В. Образование в корпорации нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 100–105. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.14>

Введение

Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ [10] существенным образом изменил порядок управления корпоративными юридическими лицами. Одной из самых интересных законодательных новелл следует назвать положения, содержащиеся в ч. 3 ст. 65.3 ГК РФ [2], допускающие предоставление полномочий единоличного исполнительного органа нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга. Однако порядок образования нескольких единоличных исполнительных органов, их взаимодействия между собой ГК РФ не конкретизирован. Ввиду незначительного периода действия новой нормы соответствующая правоприменительная и судебная практики по данному вопросу находятся только в стадии становления.

Законодательное регулирование образования нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга

Корпорации вправе самостоятельно определять структуру органов управления. Единоличный исполнительный орган является обязательным органом управления в каждой корпорации. Роль и функции его заключаются в осуществлении общего руководства за деятельностью корпорации, что проявляется в определении стратегических целей и задач деятельности корпорации, подписании гражданско-правовых сделок, оформлении трудовых отношений с работниками, представлении интересов корпорации во внешних отношениях с другими юридическими лицами, публичными образованиями, в судебных органах и т. д.

Образование нескольких единоличных исполнительных органов регламентируется п. 3 ст. 65.3 ГК РФ. По справедливому замечанию Ю.С. Сергеевко, таким правом может воспользоваться любое юридическое лицо в независимости от ее организационно-правовой формы, если возникнет потребность в принятии данного решения [8].

И.А. Самойловым вполне справедливо высказано замечание, что новая законодательная конструкция с несколькими единоличными исполнительными органами не вполне вписывается в семантическое понятие «единоличный», означающее возложение бремени ответственности за руководство деятельностью корпорации на единственное лицо. Теперь закон закрепляет возможность учреждения нескольких руководителей корпорации, чем нивелирует значение слова «единоличный исполнительный орган» [7]. В этой связи И.С. Шиткиной предложено использовать новый термин «множественный единоличный исполнительный орган» [11].

Данная законодательная новелла была неоднозначным образом воспринята в научной литературе. Сторонники данного решения ссылаются на опыт ряда зарубежных стран, где распространенным является представление интересов юридического лица несколькими руководителями [9, с. 10]. Другие авторы с опасением и недоверием относятся к внесенным изменениям в ГК РФ, отмечая повышенные риски возникновения корпоративных конфликтов [3, с. 54].

Анализ п. 3 ст. 65.3 ГК РФ позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Корпорация вправе образовать несколько единоличных исполнительных органов, только если такая возможность предусмотрена учредительными документами корпорации.

2. Законодатель закрепляет две системы образования нескольких единоличных исполнительных органов, которые будут действовать совместно или независимо друг от друга. В случае с предоставлением полномочий единоличного исполнительного органа нескольким лицам, действующим совместно, следует исходить из того обстоятельства, что принимаемые решения, относящиеся к исключительной компетенции единоличного исполнительного органа, подразумевают обязательное согласие всех руководителей [4, с. 113]. Во втором случае учреждаются исполнительные органы, характеризующие исполнением различных функций, действующие независимо друг от друга. Например, помимо генерального директора, ответственного за общее руководство корпорацией, уставом корпорации может быть предусмотрено образование директора по инвестициям, развитию и т. д. Такая форма управления наиболее востребована в крупных корпорациях. Однако судами подчеркивается, что такие единоличные исполнительные органы все равно признаются равнозначными лицами, осуществляющими текущее руководство деятельностью ответчика [6].

3. Обязательным является включение сведений об образовании нескольких единоличных исполнительных органов в единый государственный реестр юридических лиц, что, по нашему мнению, обуславливается необходимостью обеспечения прав и законных интересов партнеров и контрагентов корпорации. В то же время данный реестр не может предоставить заинтересованным лицам полной и гарантированной информации о том, какие конкретно полномочия отнесены учредительными документами корпорации к компетенции каждого из исполнительных органов.

4. Законодатель не ограничивает субъектов, которым корпорация может передать функции единоличных исполнительных органов. Следовательно, ими могут выступать физические лица, юридические лица, физические лица в статусе индивидуального предпринимателя. Последние не являются в таком случае работниками корпорации, а получают статус управляющего, что подразумевает необходимость заключения с ними договора об управлении. Однако требования к содержанию

такого договора не регламентированы нормами законодательства.

Критический анализ образования нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга

Образование нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга, имеет положительные и отрицательные аспекты.

Возможным является вариант учреждения нескольких единоличных исполнительных органов по принципу системы «сдержек и противовесов», которая стала предметом пристального научного внимания в сфере конституционного права, где каждая из ветвей власти, несмотря на свою самостоятельность, посредством закрепленных за ней полномочий может сдерживать доминирование другой ветви власти и не допускать принятия необдуманных решений.

Востребованность в нескольких единоличных исполнительных органах, действующих независимо друг от друга, может обуславливаться стремлением корпорации улучшить управление корпорацией за счет расширения лиц, ответственных за принятие стратегических управленческих решений. В этом случае можно также разделить управленческие функции между отдельными руководителями, каждый из которых будет отвечать за собственное направление деятельности. Например, один единоличный исполнительный орган отвечает за общее оперативное управление корпорацией, а другой – за сбыт продукции и т. п. Такая дифференциация и специализация способна существенно образом повысить эффективность управления корпорацией.

С точки зрения интересов участников корпораций данное нововведение может представлять потенциальную привлекательность ввиду возможности обезопасить себя от недобросовестных действий одного руководителя и предусмотреть в уставе как должность генерального директора, так и управляющего, на которого будут возложены обязанности по повышению экономических показателей деятельности корпорации (выручки, прибыли и т. д.).

Образование нескольких единоличных исполнительных органов исключает необходимость назначения временно исполняющего обязанности генерального директора в случае его временного отсутствия.

Следует также выделить и ряд отрицательных моментов при образовании нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга. Первое из них лежит в плоскости корпоративного управления. Распределение полномочий между несколькими лицами может привести к нарушению скоординированной управленческой политики в корпорации, необоснованной многовекторности в принятии решений, если полномочия между единоличными исполнительными органами ненадлежащим образом распределены в корпорации. Например, если уставом и иными учредительными документами корпорации недостаточно четко прописаны полномочия каждого из единоличных исполнительных органов, то это, по верному замечанию Е. Краецкой, может привести к путанице в документообороте, задвоению одних и тех же документов [7].

Необходимо учитывать и психологические проблемные аспекты, связанные с возможными конфликтами между несколькими руководителями с лидерскими качествами. Возможными являются противоречия между единоличными исполнительными органами относительно распределения между ними компетенции [3, с. 79]. Все это может негативным образом отразиться на достижении стратегических целей корпорации, привести к возникновению конфликтов между отдельными подразделениями компании, снижению экономических результатов.

Риски возникновения корпоративных конфликтов в корпорации являются опасными для нее и могут угрожать не только ее экономической деятельности и причинением убытков, но и рейдерским захватам со стороны недобросовестных конкурентов. Нередко уголовные дела возбуждаются в отношении руководителей юридических лиц для оказания давления на учредителей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос возложения мер ответственности на нескольких единоличных исполнительных органов, выполняющих различные функции.

Негативным моментом следует назвать сложности, с которыми могут столкнуться контрагенты юридического лица, например с определением надлежащего единоличного исполнительного органа, ответственного за принятие решения, проверкой его полномочий. В этой связи повышенное внимание необходимо уделять изучению учредительных документов, условий договора об управлении с индивидуальным предпринимателем, если ему переданы функции исполнения единоличного исполнительного органа.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно прийти к выводу, что правовое регулирование образования нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга, носит фрагментарный характер. Одна из главных проблем данной модели управления заключается в распределении компетенции между единоличными исполнительными органами, выстраивании сбалансированной системы управления корпорацией, исключающей возможные конфликты и противоречия между несколькими единоличными исполнительными органами. Полагаем, что в ГК РФ необходимо внести соответствующие дополнения, конкретизирующие объем полномочий таких создаваемых независимых единоличных исполнительных органов, принципы их взаимодействия, особенности несения мер ответственности за причиненные корпорации убытки. Выбор оптимальной модели корпоративного управления оставлен за учредителями корпорации, которые на основе оценки негативных и отрицательных факторов должны прийти к собственному выбору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутченко, В. Н. Проблемы сочетания частных и публичных интересов в гражданско-правовом регулировании / В. Н. Бутченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – № 2. – С. 79–89.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Долинская, В. В. Проблемы корпоративных споров при разработке единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / В. В. Долинская // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 3. – С. 51–57.

4. Ковальчук, С. А. Реализация принципа «Двух ключей» в Российской Федерации: прогноз возможных последствий реформирования гражданского законодательства / С. А. Ковальчук, А. В. Левченко // *Технологос.* – 2016. – № 1. – С. 110–115.

5. Краецкая, Е. Несколько директоров в обществе: для чего нужны и как оформить / Е. Краецкая // *Юридический справочник руководителя.* – 2021. – № 8. – С. 62–76.

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.03.2021 № 09АП-1683/2021 по делу № А40-127278/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Самойлов, И. А. Предоставление полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица нескольким лицам, действующим совместно. Плюсы и минусы юридической конструкции / И. А. Самойлов // *Журнал предпринимательского и корпоративного права.* – 2022. – № 1. – С. 25–30.

8. Сергеенко, Ю. С. Множественность единоличного исполнительного органа в трудовом праве / Ю. С. Сергеенко // *Трудовое право в России и за рубежом.* – 2019. – № 4. – С. 45–47.

9. Суханов, Е. А. Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот / Е. А. Суханов // *Закон.* – 2014. – № 7. – С. 8–13.

10. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

11. Шиткина, И. С. Множественный единоличный исполнительный орган: проблемы законодательства и практики / И. С. Шиткина // *Закон.* – 2021. – № 9. – С. 117–130.

REFERENCES

1. Butchenko V.N. Problemy sochetaniya chastnyh i publicnyh interesov v grazhdansko-pravovom regulirovanii [Problems of Combining Private and Public Interests in Civil Law Regulation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2022, no. 2, pp. 79-89.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. №51-FZ (red. ot 28.06.2021) [Civil Code of the Russian Federation

(Part One) No. 51-FZ Dated November 30, 1994 (As Amended on June 28, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

3. Dolinskaya V.V. Problemy korporativnykh sporov pri razrabotke edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa Rossiyskoj Federatsii [Problems of Corporate Disputes in the Development of a Unified Civil Procedural Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2015, no. 3, pp. 51-57.

4. Kovalchuk S.A., Levchenko A.V. Realizatsiia printsipa «Dvukh kliuchei» v Rossiyskoj Federatsii: prognoz vozmozhnykh posledstviy reformirovaniia grazhdanskogo zakonodatel'stva [Realization of the «Two-Key» Principle in Russian Federation: Prognosis of Possible Effects of Civil Legislation's Reformation]. *Tekhnologos* [Technologos], 2016, no. 1, pp. 110-115.

5. Kraetskaia E. Neskol'ko direktorov v obshchestve: dlia chego nuzhny i kak oformit' [Multiple Directors in a Company: Why and How to Formalise]. *Iuridicheskii spravochnik rukovoditel'ia* [The Manager's Legal Handbook], 2021, no. 8, pp. 62-76.

6. Postanovlenie Deviatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 05.03.2021 № 09AP-1683/2021 po delu № А40-127278/2020 [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP-1683/2021 in Case A40-127278/2020 Dated March 5, 2021]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

7. Samoilov I.A. Predostavlenie polnomochii edinolichnogo ispolnitel'nogo organa yuridicheskogo litsa neskol'kim litsam, deistvuiushchim sovместно. Plusy i minusy yuridicheskoi konstruktsii [Granting the Powers of the Sole Executive Body of a Legal Entity to Several Persons Acting Jointly. Pros and Cons of the Legal Construction]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava* [Journal of Business and Corporate Law], 2022, no. 1, pp. 25-30.

8. Sergeenko Yu.S. Mnozhestvennost' edinolichnogo ispolnitel'nogo organa v trudovom prave [Plurality of the Sole Executive Body in Labour Law]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labour Law in Russia and Abroad], 2019, no. 4, pp. 45-47.

9. Sukhanov E.A. Korporativnoe soglasenie – eto bomba pod ves' nash obrorot [Corporate Agreement is a Bomb for All Our Turnover]. *Zakon* [Law], 2014, no. 7, pp. 8-13.

10. Federalnyi zakon «O vnesenii izmenenii v glavu 4 chasti pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdelnykh polozhenii zakonodatelnykh aktov Rossijskoj Federatsii» ot 05.05.2014 № 99-FZ (red. ot 03.07.2016) [Federal Law «On Amendments to Chapter 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation and the Repeal of Certain Provisions of Legislative

Acts of the Russian Federation” No. 99-FL Dated May 5, 2014 (As Amended on July 3, 2016)]. *Sobraniye Zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 19, art. 2304.

11. Shitkina I.S. Mnozhestvennyi edinolichnyi ispolnitelnyi organ: problem zakonodatelstva i praktiki [Plural Sole Executive Body: Problems of Law and Practice]. *Zakon* [Law], 2021, no. 9, pp. 117-130.

Information About the Author

Sergey V. Mudritsky, Postgraduate Student, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, mudritsky.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5311-7526>

Информация об авторе

Сергей Васильевич Мудрицкий, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, mudritsky.sv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5311-7526>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.15>

UDC 349.2
LBC 67.405.1

Submitted: 13.05.2022
Accepted: 15.06.2022

THE PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF THE EMPLOYEE'S FAMILIARIZATION WITH THE EMPLOYER'S LOCAL ACTS¹

Dmitry A. Smirnov

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

Introduction: the procedure for communicating local acts of the employer to employees is regulated by the Labor Code of the Russian Federation in a very fragmentary way. The legislator is limited by the general norm of Paragraph 10 of Part 2 of Article 22 of the Labor Code of the Russian Federation, indicating that the employer is obliged to acquaint employees with the adopted local regulations directly related to their work, as well as several prescriptions regulating more specific issues. At the same time, the situation has become more complicated with the introduction of amendments to the Labor Code of the Russian Federation pertaining to the introduction of electronic document management at the employer. **Research objectives:** to identify defects in the legal regulation of the familiarization of employees with the employer's local acts of and to make proposals for their elimination. **Results:** some defects in the legal regulation of the employee's familiarization with the local acts of the employer have been identified. Among them is the absence in the Labor Code of the Russian Federation of a direct indication of the employer's obligation to provide, at the request of the employee, local acts that regulate the employee's activities. In addition, the amendments to the Labor Code of the Russian Federation introduced by Federal Law of October 22, 2022 No. 377-FZ, pertaining to the introduction of electronic document management, contradict the requirements of Article 62 of the Labor Code of the Russian Federation. The interpretation of the provisions of Article 22.1 of the Labor Code of the Russian Federation allows saying that the concept of "work-related documents" used in the paper also includes local acts the employee must be familiarized with under the signature. At the same time, in Article 62 of the Labor Code of the Russian Federation, this concept is used in a narrower sense, and does not include local acts that the employee gets acquainted with under the signature. **Conclusions:** it seems that the discovered discrepancy in the scope and content of the concept of "work-related documents", in the author's opinion, should be eliminated in favor of a broader interpretation proposed by Article 22.1 of the Labor Code of the Russian Federation.

Key words: the Labor Code of the Russian Federation, local acts of the employer, work-related documents, legal technique, concept, legal definition.

Citation. Smirnov D.A. The Problems of the Legal Regulation of the Employee's Familiarization with the Employer's Local Acts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 106-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.15>

УДК 349.2
ББК 67.405.1

Дата поступления статьи: 13.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ РАБОТНИКА С ЛОКАЛЬНЫМИ АКТАМИ РАБОТОДАТЕЛЯ¹

Дмитрий Александрович Смирнов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Введение: порядок доведения до работников локальных актов работодателя урегулирован Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) весьма фрагментарно. Законодатель ограничивается общей нормой абзаца 10 ч. 2 ст. 22 ТК РФ, указывающей, что работодатель обязан под роспись знакомить работников с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью, а также несколькими предписаниями, регулирующими более частные вопросы. В то же время ситуация усложни-

лась с внесением в ТК РФ поправок, связанных с внедрением электронного документооборота у работодателя. **Цели исследования:** выявление дефектов в правовой регламентации ознакомления работников с локальными актами работодателя и выдвижение предложений по их устранению. **Результаты:** выявлен ряд дефектов в правовой регламентации ознакомления работника с локальными актами работодателя. Среди них можно назвать отсутствие в ТК РФ прямого указания на обязанность работодателя предоставлять по требованию работника локальные акты, которые регулируют деятельность работника. Кроме того, поправки в ТК РФ, внесенные Федеральным законом от 22.10.2022 г. № 377-ФЗ, связанные с внедрением электронного документооборота, противоречат предписаниям ст. 62 ТК РФ. Толкование положений ст. 22.1 ТК РФ позволяет говорить о том, что в состав понятия «документы, связанные с работой», используемого в данной статье, входят также и локальные акты, с которыми работник должен быть ознакомлен под роспись. При этом в ст. 62 ТК РФ данное понятие используется в более узком смысле и не включает в себя локальные акты, с которыми под роспись знакомится работник. **Выводы:** представляется, что обнаруженное несоответствие в объемах и содержании понятия «документы, связанные с работой», на наш взгляд, должно быть устранено в пользу более широкой трактовки, предлагаемой ст. 22.1 ТК РФ.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ; локальные акты работодателя; документы, связанные с работой; юридическая техника; понятие; юридическая дефиниция.

Цитирование. Смирнов Д. А. Проблемы правового регулирования ознакомления работника с локальными актами работодателя // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 106–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.15>

Введение

Одной из весьма актуальных практических проблем является недопущение злоупотреблений работодателем в части подмены отдельных частей локальных актов. В абзаце 10 ч. 2 ст. 22 ТК РФ указано на обязанность работодателя под роспись знакомить работников с принимаемыми локальными нормативными актами, непосредственно связанными с их трудовой деятельностью.

Эта норма уточняется в других частях ТК РФ. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 68 ТК РФ, при приеме на работу работодатель обязан ознакомить работника под роспись с правилами внутреннего трудового распорядка, иными локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника, коллективным договором. Согласно п. 8 ч. 1 ст. 86 ТК РФ, работники и должны быть под роспись ознакомлены с актами работодателя о порядке обработки персональных данных работников, а также о своих правах и обязанностях в этой сфере.

Нередко в литературе прямо называют ознакомление работника с локальным актом под роспись одним из условий вступления данного акта в силу в отношении заинтересованных лиц [8, с. 113].

В этом контексте стоит обратить внимание и на достаточно забавный терминологический казус. В описанных выше случаях

законодатель оперирует термином «роспись», в других же статьях ТК РФ применительно к схожим ситуациям используется термин «подпись» (например, в ч. 1 ст. 67, ч. 7 ст. 341.2, ч. 3 ст. 399 ТК РФ).

В профессиональной периодике ведется дискуссия относительно того, какой термин верен [10; 12, с. 154; 13]. Нам представляется, что для целей регулирования трудовых отношений данный спор не имеет принципиального значения. Конечно, законодатель должен по возможности избавляться от синонимии в нормативном акте. Однако в данном случае мы имеем дело с устоявшимися терминами, которые обозначают одно вполне конкретное действие работника. Крайне маловероятно, что между терминами «подпись» и «роспись» на практике могут возникнуть разночтения. На основании этого полагаем нецелесообразным приведение терминологии «подпись / роспись» в ТК РФ «к общему знаменателю».

Ознакомление работника с локальными актами работодателя под роспись

Работник, согласно ТК РФ, знакомится под роспись с соответствующим локальным актом. Конкретный порядок ознакомления и форма документа, его удостоверяющего, действующим законодательством не урегулирован и остается на усмотрение работодателя.

В науке выделяется три основных способа ознакомить работника с локальными актами работодателя:

1) роспись работника на листах самого локального нормативного акта;

2) подпись работника на отдельном листе ознакомления;

3) внесение в трудовой договор условия, согласно которому работник ознакомлен с локальными актами работодателя [3, с. 63–66; 6, с. 31–32; 7].

Первый способ считается наиболее надежным при условии, что локальный акт прошивается и опечатывается. Однако данный способ не является обязательным и зависит от доброй воли работодателя. А в случае возникновения спора бремя доказывания подложности локального акта согласно ст. 56 ГПК РФ ложится на работника.

Отметим также, что работодатель, один раз ознакомивший работника под роспись с локальными актами, впоследствии не обязан ему их предоставлять. Даже если этого требует сам работник. Статья 62 ТК РФ «Выдача документов, связанных с работой, и их копий» не содержит в числе документов, связанных с работой указания на локальные акты.

Получается парадоксальная ситуация: работодатель имеет право привлекать работника к дисциплинарной ответственности за нарушение локальных актов, при этом, во-первых, обязан предоставить их ему под роспись только один раз (например, при заключении трудового договора), во-вторых, имеет реальную возможность подменить указанный акт.

Описываемая проблема носит не только теоретический характер, но и возникает на практике. В качестве примера приведем Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11.05.2018 г. по делу № 33-6479/2018 [1]. Согласно ему, Свердловский областной союз организаций профсоюзов «Федерация профсоюзов Свердловской области» обратился в суд в интересах работников с иском к АО «Газпромнефть-Транспорт» о признании недействительной в части должностной инструкции по должности водителя автомобиля (бензовоза), утвержденной ответчиком 03.05.2017 г., которой на работников были возложены дополнительные обязанности по сливу / наливу нефтепродуктов.

В судебном заседании были рассмотрены должностные инструкции от 2014 г. и от 2017 года. Последней и устанавливались дополнительные обязанности. Работодателем также были представлены листы ознакомления работников как со старой, так и с новой редакцией должностной инструкции с подписями работников и с датами ознакомления. При этом профсоюз пытался оспаривать позицию работодателя, ссылаясь на то, что не все работники были фактически ознакомлены с новой редакцией инструкции. Однако суд отклонил данный довод, ссылаясь на ст. 56 ГПК РФ и на тот факт, что никаких дополнительных доказательств профсоюзом в обоснование данной позиции предоставлено не было.

Мы не знаем, действительно ли работодатель ознакомил работников со старой редакцией должностной инструкции, но вполне отдаем себе отчет, что, если он так сделал, то шансов у профсоюза доказать этот факт крайне мало.

Стоит отметить и весьма занятный факт, что в этой части положение работников едва ли не хуже, чем по нормам еще Устава о промышленном труде. А именно, согласно п. 60 УПТ, правила внутреннего распорядка должны были выставляться во всех мастерских.

На основании этого предлагаем включить в ст. 62 ТК РФ предписание, устанавливающее обязанность работодателя предоставлять по требованию работника локальные и коллективно-договорные акты, регулирующие его деятельность.

Ознакомление работника с локальными актами в условиях применения электронного документооборота

Отдельного внимания заслуживает вопрос предоставления локальных актов работодателями для ознакомления в условиях применения ими электронного документооборота.

Следует отметить, что вопрос внедрения электронного документооборота в кадровое делопроизводство в последнее время достаточно активно обсуждался в научной литературе [2, с. 109–110; 4, с. 97; 5, с. 570–571; 9, с. 55–56; 11, с. 185–186].

Федеральным законом от 22.10.2022 г. были внесены изменения в ТК РФ и введены

сразу 3 статьи – 22.1, 22.2, 22.3, регулирующие электронный документооборот в сфере трудовых отношений и устраняющих отмеченную выше правовую неопределенность.

Коснемся достаточно спорных с точки зрения юридической техники составляющих данных поправок. Так, в ч. 1 ст. 22.1 ТК РФ законодатель дает определение электронного документооборота. Согласно этой дефиниции, объектом электронного документооборота являются документы, связанные с работой, оформленные в электронном виде без дублирования на бумаге.

Понятие «документы, связанные с работой», используется уже упомянутой нами ст. 62 ТК РФ. Законодатель прямого определения данного понятия не дал. Он поместил в статью перечень указанных документов, к которым относятся трудовая книжка и копии документов, связанных с работой. К последней категории документов, в частности, относятся: копии приказа о приеме на работу, приказов о переводах на другую работу, приказов об увольнении с работы; выписки из трудовой книжки; справки о заработной плате, о начисленных и фактически уплаченных страховых взносах на обязательное пенсионное страхование, о периоде работы у данного работодателя и др.

Очевидно, что одним из общих признаков, характерных для документов, связанных с работой, является их индивидуальный характер. Локальные акты в смысле ст. 62 ТК РФ к документам, связанным с работой, не относятся.

В то же время, в ч. 2 ст. 22.1 ТК РФ прямо говорится, что положения указанной статьи применяются в том числе к документам, в отношении которых предусмотрено ознакомление с ними работника или лица, поступающего на работу, в письменной форме, в том числе под роспись. То есть речь идет также и о локальных актах.

Дефиниция ч. 1 ст. 22.1 ТК РФ вступает в противоречие и с ч. 3. ст. 22.2 ТК РФ, устанавливающей, что порядок осуществления электронного документооборота, утверждаемый работодателем, может предусматривать в том числе сроки подписания работником электронных документов и (или) ознакомления с ними с учетом рабочего времени работника, периодичность такого подписания и ознакомления. Опять же, применительно к ознакомлению с документами речь идет также и о локальных актах.

Выводы

Таким образом, налицо противоречие между ст. 62 ТК РФ и недавно введенной ст. 22.1 ТК РФ в части трактовки понятия «документы, связанные с работой». Полагаем, что для устранения данного противоречия нецелесообразно изменять ч. 1 ст. 22.1 ТК РФ. Оптимальней будет скорректировать ст. 62 ТК РФ и, как мы указывали выше, добавить туда указание на локальные и коллективно-договорные акты, регулирующие трудовые отношения с участием работника. Применительно к электронному документообороту организации это приведет к тому, что ссылки на локальные акты в электронном виде будут постоянно находиться в личном кабинете работника и давать ему возможность в любой момент с ними ознакомиться.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке инициативного проекта ЯрГУ VIP-014.

The work was carried out with the support of the initiative project of YarSU VIP-014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11.05.2018 г. по делу № 33-6479/2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дельцова, Н. В. Правовые аспекты применения информационных технологий в сфере труда и занятости / Н. В. Дельцова, М. К. Кот // Вестник ВУиТ. – 2019. – № 2. – С. 106–113.
3. Демидов, Н. Способы ознакомления работника с локальными нормативными актами организации / Н. Демидов // Трудовое право. – 2016. – № 4. – С. 61–67.
4. Зубова, А. О. «Электронные трудовые книжки»: понятие, последствия их внедрения / А. О. Зубова // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 5. – С. 97–100.
5. Клепалова, Ю. И. К вопросу о возможности использования простой электронной подписи в кадровом делопроизводстве / Ю. И. Клепалова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 566–571.
6. Крылова, М. А. Правовая природа трудового договора и локальных нормативных актов: понятие, их характеристика и значение для регулирования трудовой деятельности / М. А. Крылова // Символ науки. – 2018. – № 9. – С. 30–35.

7. Куролес, И. Тонкости ознакомления с кадровыми документами / И. Куролес. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://delo-press.ru/journals/staff/kadrovaya-sluzhba-s-nulya/43123-tonkosti-oznakomleniya-s-kadrovymi-dokumentami/#footnote-link-1> (дата обращения: 11.04.2022). – Загл. с экрана.

8. Лушников, А. М. Трудовое право : учебник / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2021. – 768 с.

9. Офман, Е. М. Электронный документооборот в трудовых отношениях: проблемы и перспективы / Е. М. Офман // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 4. – С. 53–57. – DOI: <https://www.doi.org/10.14529/law180409>

10. «Подпись» или «роспись»: как правильно. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.sekretariat.ru/article/211277-podpis-ili-rospis-18-m6> (дата обращения: 11.04.2022). – Загл. с экрана.

11. Рогалева, И. Ю. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике / И. Ю. Рогалева, Г. А. Рогалева // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. – 2018. – № 4 (100). – С. 184–189.

12. Шайхутдинова, Н. П. О некоторых проблемах соответствия термина трудового права смыслу обозначаемого им понятия / Н. П. Шайхутдинова // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – № 2. – С. 151–155.

13. Шкловец, И. Какая формулировка верна, ознакомить работников под роспись или под роспись? / И. Шкловец. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kdelo.ru/qa/225063-kakaya-formulirovka-verna-oznakomit-rabotnikov-pod-rospis-ili-pod-rospis> (дата обращения: 11.04.2022). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Apellacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 11 maja 2018 g. po delu № 33-6479/2018 [Appeal Ruling of the Sverdlovsk Regional Court in Case No. 33- 6479/2018 Dated May 11, 2018]. *Access from Reference Legal System «KonsultantPlyus»*.

2. Deltsova N.V., Kot M.K. Pravovye aspekty primeneniya informacionnyh tekhnologij v sfere truda i zanyatosti [Legal Aspects of the Application of Information Technologies in the Field of Labor and Employment]. *Vestnik VUiT* [Bulletin of VUiT], 2019, no. 2, pp. 106-113.

3. Demidov N. Sposoby oznakomleniya rabotnika s lokal'nymi normativnymi aktami organizacii [Ways to Familiarize the Employee with Local Regulations of the Organization]. *Trudovoe pravo* [Labor Law], 2016, no. 4, pp. 61-67.

4. Zubova A.O. «Elektronnye trudovye knizhki»: ponyatie, posledstviya ih vnedreniya [“Electronic

Workbooks”: The Concept, the Consequences of Their Implementation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2020, no. 5, pp. 97-100.

5. Klepalova Yu.I. K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovaniya prostoj elektronnoj podpisi v kadrovom deloproizvodstve [On the Possibility of Using a Simple Electronic Signature in Personnel Management]. *Permskij yuridicheskij al'manah* [Perm Legal Almanac], 2019, pp. 566-571.

6. Krylova M.A. Pravovaya priroda trudovogo dogovora i lokal'nyh normativnyh aktov: ponyatie, ih harakteristika i znachenie dlya regulirovaniya trudovoj deyatel'nosti [The Legal Nature of the Employment Contract and Local Regulations: Concept, Their Characteristics and Significance for Regulating Labor Activity]. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 2018, no. 9, pp. 30-35.

7. Kuroles I. *Tonkosti oznakomlenija s kadrovymi dokumentami* [The Subtleties of Familiarization with Personnel Documents]. URL: <https://delo-press.ru/journals/staff/kadrovaya-sluzhba-s-nulya/43123-tonkosti-oznakomleniya-s-kadrovymi-dokumentami/#footnote-link-1> (assessed 11 April 2022).

8. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *Trudovoe pravo: uchebnik* [Labor Law. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 768 p.

9. Ofman E.M. Elektronnyj dokumentooborot v trudovyh otnosheniyah: problemy i perspektivy [Electronic Document Management in Labor Relations: Problems and Prospects]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of SUSU. Series: Right], 2018, no. 4, pp. 53-57. DOI: <https://www.doi.org/10.14529/law180409>

10. «Podpis'» ili «rospis'»: kak pravil'no [Signature” or “Signature”: How Right]. URL: <https://www.sekretariat.ru/article/211277-podpis-ili-rospis-18-m6> (assessed 11 April 2022).

11. Rogaleva I.Yu., Rogaleva G.A. Osobennosti oformleniya trudovyh otnoshenij v cifrovoj ekonomike [Features of Registration of Labor Relations in the Digital Economy]. *Vestnik REA im. G. V. Plekhanova* [Bulletin of the REA Named After G.V. Plekhanov], 2018, no. 4 (100), pp. 184-189.

12. Shaihutdinova N.P. O nekotoryh problemah sootvetstviya termina trudovogo prava smyslu oboznachaemogo im ponyatiya [About Some Problems of Compliance of the Term Labor Law with the Meaning of the Concept He Means]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2009, no. 2, pp. 151-155.

13. Shklovec I. *Kakaja formulirovka verna, oznakomit' rabotnikov pod rospis' ili pod rospis'?* [Which Formulation is Correct, to Acquaint Employees Under the Painting or Under the Painting?]. URL: <https://www.kdelo.ru/qa/225063-kakaya-formulirovka-verna-oznakomit-rabotnikov-pod-rospis-ili-pod-rospis> (assessed 11 April 2022).

Information About the Author

Dmitry A. Smirnov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Labor and Financial Law, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Sovetskaya St, 14, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, d.smirnov@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2140-7814>

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Смирнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и финансового права, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, d.smirnov@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2140-7814>

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.16>

UDC 343.16
LBC 67.410.2

Submitted: 10.05.2022
Accepted: 10.06.2022

CRIMINAL PROCEDURAL MEANS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION AT THE FINAL STAGE OF THE INVESTIGATION

Kristina A. Trifonova

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Svyatoslav Y. Biryukov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the transformation of control and supervisory activities that has been taking place for a long time obviously affects the procedural status of the prosecutor as one of the main participants in this activity and, as a result, does not allow the discussion related to his purpose in modern criminal proceedings to subside. The current legislative framework in the context of the prosecutor's powers of supervision in the preliminary investigation gives reason to talk about a certain ambiguity of the latter's position. Thus, his purpose can be viewed through the prism of the procedural powers granted, his attribution to the prosecution, and the stages of criminal proceedings. The supervision of the legality of the investigation and the arguing for the State are inextricably linked. And if, on the one hand, they act as powers or forms of criminal prosecution by the prosecutor, then, on the other hand, criminal prosecution itself appears to be one of the functions of the prosecutor in the criminal process. The direction of supervisory activity, which includes the supervision of the course of the preliminary investigation – criminal prosecution – the participation in the consideration of criminal cases by the court, determines a certain isolation of the norms governing the activities of the prosecutor at the final stage of pre-trial proceedings when deciding whether to send a criminal case with an indictment to court. It seems possible to characterize this kind of activity as an independent stage of pre-trial proceedings, which, among other things, performs the so-called precaution function for the subsequent stage, as it helps to eliminate the shortcomings of the preliminary investigation. In this regard, the authors set a **goal** to disclose certain criminal procedural means of prosecutorial supervision at the final stage of criminal proceedings. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of information processing and logical analysis, synthesis, induction, deduction and generalization. **Results:** the authors' content of the criminal procedural means of prosecutorial supervision presented in the work at the final stage of crime investigation, based on the analysis of the legislation and modern prosecutorial practice, provides a more comprehensive understanding of them and makes it possible to use them more effectively in the practical activities of authorized law enforcement officials. **Conclusions:** as a result of the study, certain criminal procedural means of prosecutorial supervision at the final stage of criminal proceedings have been disclosed to inform law students, the teaching staff of law schools, as well as practitioners to better understand the specifics of the prosecutor's activities at the above stage of criminal proceedings.

Key words: prosecutor, prosecutor's supervision, stages of preliminary investigation, indictment, criminal case.

Citation. Trifonova K.A., Biryukov S.Y. Criminal Procedural Means of Prosecutorial Supervision at the Final Stage of the Investigation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 112-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.16>

© Трифонова К.А., Бирюков С.Ю., 2022

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Кристина Алексеевна Трифонова

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: трансформация контрольно-надзорной деятельности, происходящая в течение длительного времени, очевидно, затрагивает процессуальный статус прокурора как одного из основных участников указанной деятельности и, как следствие, не дает затихнуть дискуссии, связанной с его предназначением в современном уголовном судопроизводстве. Ныне действующая законодательная база в контексте полномочий прокурора по надзору в сфере предварительного расследования дает основание говорить о некоей двойственности положения последнего. Так, его предназначение можно рассматривать сквозь призму предоставленных процессуальных полномочий, отнесения его к участникам со стороны обвинения, стадий уголовного судопроизводства. Надзор за законностью расследования и поддержание государственного обвинения неразрывно связаны. И если, с одной стороны, они выступают в качестве полномочий или формы осуществления прокурором уголовного преследования, то с другой – само уголовное преследование представляется одной из функций прокурора в уголовном процессе. Направление же надзорной деятельности, включающей в себя надзор за ходом предварительного следствия – уголовное преследование – участие в рассмотрении уголовных дел судом, детерминирует определенную обособленность норм, регулирующих деятельность прокурора на завершающем этапе досудебного производства при решении вопроса о направлении уголовного дела с обвинительным заключением в суд. Такого рода деятельность представляется возможным охарактеризовать как самостоятельную стадию досудебного производства, которая в том числе и выполняет так называемую обеспечительную функцию для последующей стадии, так как способствует устранению недостатков предварительного расследования. В связи с этим авторами поставлена **цель** раскрыть отдельные уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе производства по уголовному делу. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы обработки информации и логического анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения. **Результаты:** представленное в работе авторское содержание уголовно-процессуальных средств прокурорского надзора на завершающем этапе расследования преступлений, опирающееся на анализ законодательства и современную прокурорскую практику обеспечивает более всестороннее их осмысление и дает возможность эффективнее использовать их в практической деятельности уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов. **Выводы:** в результате исследования раскрыты отдельные уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе производства по уголовному делу в целях информирования обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», педагогических работников юридических вузов, а также практических работников в целях более полного понимания особенностей деятельности прокурора на вышеуказанном этапе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, стадии предварительного расследования, обвинительное заключение, уголовное дело.

Цитирование. Трифонова К. А., Бирюков С. Ю. Уголовно-процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе расследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 112–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.16>

Введение

Реформирование контрольно-надзорной деятельности на протяжении длительного времени затрагивает процессуальное поло-

жение ее участников. Заложённая концептуальная идея дифференциации процессуальных функций, осуществляемых прокурором в ходе досудебного производства, нашла свое итоговое разрешение в лишении его значи-

тельной части полномочий по осуществлению процессуального руководства следствием. С 2007 г. эти полномочия перешли к руководителю следственного органа, что свидетельствует об усилении его процессуальной роли при реализации основополагающей функции процессуального контроля за следствием и укрепление процессуальной независимости следователя. Последствием законодательных новаций явился очередной виток дискуссий предназначения прокурора в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то что основой прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие, является Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [12], в ст. 30 которого указано, что полномочия прокурора по надзору в этой сфере установлены в уголовно-процессуальном законодательстве, отмечается двойственность положения прокурора. Так, его предназначение можно рассматривать сквозь призму предоставленных процессуальных полномочий, отнесения его к участникам со стороны обвинения, стадий уголовного судопроизводства. Такая многоплановость обусловила появление научных взглядов, обосновывающих полифункциональную модель его деятельности [3, с. 41]. И.С. Дикарев отмечает, что утверждение обвинительного заключения означает трансформацию функций прокурора от осуществления прокурорского надзора за предварительным следствием к выполнению им функции уголовного преследования [1]. Это перспективная деятельность обеспечивает реализацию им дальнейших полномочий по поддержанию государственного обвинения в суде. В.А. Лазарева также утверждает, что «надзор за законностью предварительного расследования с окончанием досудебного производства трансформируется в поддержание прокурором государственного обвинения в суде, то есть в доказывание виновности совершившего преступление лица. Надзор за законностью расследования и поддержание государственного обвинения – звенья единой цепи принадлежащих прокурору, как органу уголовного преследования, полномочий или формы осуществления прокурором уголовного преследования, само же уголовное преследова-

ние – функция прокурора в уголовном процессе» [4]. Вместе с тем интересно предложение У.В. Садиоковой [9] относительно еще большего смещения зоны ответственности за проведенное расследование, посредством возложения полномочия по утверждению итогового обвинительного акта досудебного производства руководителем следственного органа, что повлечет выход прокурора как ключевого участника из уголовно-процессуальных отношений завершающего этапа расследования. Следует отметить, что наделение прокурора рассматриваемым полномочием не свидетельствует о выполнении им функции процессуального руководства за предварительным следствием, а вписывается в вектор направленности его надзорной деятельности: надзор за ходом предварительного следствия – уголовное преследование – участие в рассмотрении уголовных дел судом, и еще более подчеркивает обособленность норм, регулирующих деятельность прокурора на завершающем этапе досудебного производства при решении вопроса о направлении уголовного дела с обвинительным заключением в суд. Эту деятельность, по справедливому выводу И.С. Дикарева, стоит относить к третьей самостоятельной стадии досудебного производства [1].

Несмотря на столь разноплановые представления о предназначении прокурора на завершающем этапе расследования отметим, что данный этап досудебного производства продолжает оставаться «фильтром» для уголовного дела. Деятельность прокурора является профилактической по отношению к следующей судебной стадии, так как позволит избежать возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [10] и в то же время призвана устранить допущенные следственные ошибки [11].

Процессуальные средства прокурорского надзора на завершающем этапе расследования

В теории уголовного процесса критерием классификации процессуальных средств прокурора на этапах начала, хода и окончания расследования выступает структура стадии предварительного расследования [5, с. 135].

Одним из таких процессуальных средств при проверке законности процессуальной деятельности органов предварительного следствия, обеспечения полноты и качества предварительного следствия при проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, является полномочие прокурора, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В науке уголовного процесса высказывается мнение, что деятельность прокурора по возвращению уголовного дела следователю для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых не тождественна возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования, так как в первом случае расследование проведено полно, а во втором случае усматривается несостоятельность доказательственной базы. При этом решение о пересоставлении обвинительного заключения представляет собой отдельное направление деятельности прокурора по устранению препятствий рассмотрения уголовного дела [2, с. 12; 13, с. 261].

Несомненно, что применение этого полномочия блокирует дальнейшее движение уголовного дела и влечет дифференцированную деятельность следователя. Фактически осуществляется дополнительное расследование в двух направлениях: дальнейшая обвинительная деятельность по обоснованию и дополнению обвинения в случае его неполноты и односторонности либо исправление допущенных нарушений уголовно-процессуального закона без продолжения и углубления в обвинительную деятельность. Возможен и комплексный характер деятельности по устранению нарушений. Так, при проверке уголовного дела [6] по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту хищения у Б. денежных средств в размере 9 700 руб. и бутылки пива, стоимостью 160 руб. прокурором была выявлена совокупность нарушений и недостатков, повлекших возвращение его для производства дополнительного следствия. Во-первых, расследование было проведено неполно: не установлено место возникновения преступного умысла и место совершения преступления, точная сумма причиненного ущерба и перечень похищенного имущества (в показаниях потерпевшей была указана иная сумма при-

чиненного ущерба), не в полном объеме собраны данные, характеризующие личность обвиняемого Г., так как не приобщены результаты предварительного расследования по ранее возбужденным в отношении него уголовным делам, не допрошен свидетель, находившийся в квартире потерпевшей Б. накануне совершения преступления. Во-вторых, допущены нарушения уголовно-процессуального закона при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемого Г. и его защитника: не отражен факт наличия или отсутствия вещественных доказательств, количество листов в томе, с которым ознакомился обвиняемый. Составленное обвинительное заключение в п. 12 не содержало сведений о документе, удостоверяющем личность обвиняемого, при этом указывался факт утраты паспорта.

Пересоставление обвинительного заключения также имеет двойную направленность, так как может быть связано только с устранением нарушений, допущенных при его составлении, либо будет являться неотъемлемым завершающим элементом дополнительного производства. Изменение объема обвинения либо переквалификация действий обвиняемых в каждом случае потребует от следователя работу по привлечению лица в качестве обвиняемого и выполнение требований главы 30 УПК РФ. Анализ пункта 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ позволяет сделать вывод, что далеко не все из перечисленных в нем решений, обусловленных основаниями возвращения дела следователю, порождают уголовно-процессуальные отношения по поводу «продолжения следственной деятельности по обоснованию обвинения», хотя дополнительные следственные действия при этом проводятся. Таким образом, решения прокурора в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ можно подразделить на две самостоятельные группы: возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и возвращение уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения. Статистические ведомственные показатели деятельности следственных органов (форма 1-ЕМ) также содержат сведения об аналогичных группах решений, принимаемых прокурором.

Для эффективного осуществления предоставленного полномочия по проверке качества

проведенного расследования прокурор руководствуется положениями пункта 1.14 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2021 г. № 544 [6]. Этот список по сравнению с предшествующим приказом был расширен и в него входит проверка:

1) соответствия выводов следствия установленным обстоятельствам дела в ходе расследования (данные выводы следователь формулирует в обвинительном тезисе, который отражен в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и должен быть идентичным в обвинительном заключении);

2) правильности квалификации содеянного;

3) соблюдения уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий;

4) проверка обеспечения права на защиту, своевременность разрешения заявленных ходатайств и разъяснения положений относительно возможности выбора дальнейшего порядка рассмотрения уголовного дела;

5) соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства при назначении и производстве экспертизы.

Первые два пункта указанного «чек-листа» связаны с обеспечением полного, всестороннего и объективного расследования, последующие пункты направлены на недопущение нарушений уголовно-процессуального закона при производстве расследования.

Эти ключевые моменты позволяют типизировать основания дополнительного расследования на две группы: неполнота предварительного следствия и нарушения уголовно-процессуальных норм, не позволяющие прокурору утвердить обвинительное заключение.

Еще одним процессуальным средством прокурорского реагирования по поводу допущенного нарушения в процессе собирания доказательств является признание прокурором недопустимым собранного доказательства в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ. Так, прокурором при изучении материалов уголовного дела [7] по обвинению М., в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ в качестве доказательства, подтверждающего обвинение явилось заключение оценщика, занимающегося частной практикой, по заключению которого рыночная стоимость ущерба, причиненного пожаром жилому дому

в ноябре 2020 г. составила 32 030 рублей. При оценке данного доказательства по правилам ч. 1 ст. 88 УПК РФ было установлено, что в уголовном деле отсутствуют сведения о пригодности данного домовладения для постоянного проживания граждан, что повлекло признание данного доказательства недопустимым и было указано на необходимость проведения соответствующей экспертизы в системе МВД России.

Процедура принятия данного решения УПК РФ не установлена, равно как и отсутствует такое полномочие в ст. 37 УПК РФ. Механизм осуществления прокурором данного полномочия изложен в ведомственном приказе [2] и заключается в вынесении отдельного мотивированного постановления, которое приобщается к материалам уголовного дела. В приведенном ранее примере следственной практики решение о признании доказательства недопустимым было мотивировано в постановлении о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, в связи с чем следователь после устранения недостатков при составлении нового обвинительного заключения не должен ссылаться на заключение специалиста при обосновании размера ущерба в обвинительном тезисе.

Заключение

Деятельность прокурора на завершающем этапе расследования при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением представляет собой обособленную совокупность уголовно-процессуальных норм. Базовым процессуальным средством прокурорского надзора является полномочие, указанное в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, которое влечет двойственную деятельность следователя по устранению недостатков и нарушений, допущенных при производстве по уголовному делу: дальнейшее обоснование обвинения в связи с неполнотой расследования либо устранение недостатков, обусловленных исключительно нарушением уголовно-процессуальных норм. Совершенствование данного направления деятельности заключается не только в уточнении и дополнении регламентации процедурных вопросов, в частности положений, на которые должен опираться прокурор

при принятии указанного решения, типизации оснований дополнительного следствия, но и проработку организационных вопросов. Следует учесть положительный зарубежный опыт внедрения электронного образа уголовного дела с постоянным доступом к материалам уголовного дела прокурора, что повысит не только качество расследования, но и облегчит проверку материалов уголовного дела прокурором. В итоге, прокурорский надзор в большей степени станет акцентировать внимание на профилактике нарушений законности, а не устранении недостатков и нарушений досудебного производства постфактум.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дикарев, И. С. Модернизация системы досудебного производства в уголовном процессе / И. С. Дикарев // *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 117–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.2.17>
2. Елчиев, М. Ф. Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Ф. Елчиев. – Саратов, 2021. – 34 с.
3. Климова, Я. А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства по уголовным делам : монография / Я. А. Климова, Е. А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 220 с.
4. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: учеб. пособие / В. А. Лазарева. – Самара : Самарский университет, 2010. – 223 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-2971966.html> (дата обращения: 06.05.2022). – Загл. с экрана.
5. Насонов, А. А. О процессуальных возможностях прокурора на досудебном производстве в уголовном процессе России / А. А. Насонов, О. А. Насонова // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2021. – № 1 (56). – С. 133–139.
6. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 826. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068 (дата обращения: 06.05.2022). – Загл. с экрана.
7. Постановление о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия № 12001180041000167 от 11.01.2021 г. // Аналитичес-

кие материалы ГУ МВД России по Волгоградской области за 6 месяцев 2021 г.

8. Постановление о возвращении уголовного дела № 11500180000238572 от 29.04.2021 г. // Аналитические материалы ГУ МВД России по Волгоградской области за 6 месяцев 2021 г.

9. Садиокова, У. В. О расширении полномочий руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного расследования / У. В. Садиокова // *Труды Академии управления МВД России*. – 2020. – № 2 (54). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/orasshirenii-polnomochiy-rukovoditelya-sledstvennogo-organa-na-etape-okonchaniya-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 06.05.2022). – Загл. с экрана.

10. Трифонова, К. А. К вопросу о совершенствовании нормативной регламентации некоторых оснований возвращения уголовного дела прокурору / К. А. Трифонова // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2010. – № 3 (14). – С. 134–141.

11. Трифонова, К. А. Неразъяснение подозреваемому (обвиняемому) в ходе предварительного расследования права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве как основание возвращения уголовного дела прокурором на дополнительное расследование / К. А. Трифонова, Н. С. Костенко // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2010. – № 4 (15). – С. 85–87.

12. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 10.07.2021). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (дата обращения: 06.05.2022). – Загл. с экрана.

13. Чаплыгина В. Н. К вопросу о процессуальных гарантиях прав личности при производстве обыска в жилище / В. Н. Чаплыгина, Д. Н. Рудов // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 261–265.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Modernizatsiia sistemy dosudebnogo proizvodstva v ugovnom protsesse [Modernization of the System of Pre-trial Proceedings in Criminal Proceedings]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2017, no. 2, pp. 117-122. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.2.17>
2. Elchiev M.F. *Deiatelnost prokurora i suda po ustraneniuiu prepiatstvii dlia rassmotreniia i razresheniia ugovnykh del: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Activities of the Prosecutor and the Court to Remove Obstacles to the Consideration and Resolution of Criminal Cases]. Saratov, 2021. 34 p.

3. Klimova Ia.A., Zaitseva E.A. Polnomochiia prokurora na zavershaiushchikh etapakh dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam : monografiia [Powers of the Prosecutor at the Final Stages of Pre-trial Proceedings in Criminal Cases]. Volgograd, VA MVD Rossii Publ., 2018. 220 p.

4. Lazareva V.A. *Prokuror v ugovolnom protsesse: Uchebnoe posobie* [Prosecutor in Criminal Proceedings]. Samara, Samar. un-t, 2010. 223 p. URL: <https://textarchive.ru/c-2971966.html> (accessed 6 May 2022).

5. Nasonov A.A., Nasonova O.A. O protsessualnykh vozmozhnostiakh prokurora na dosudebnom proizvodstve v ugovolnom protsesse Rossii [About the Procedural Capabilities of the Prosecutor in Pre-trial Proceedings in the Criminal Process of Russia]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 1 (56), pp. 133-139.

6. *Ob organizatsii prokurorskogo nadzora za protsessualnoi deiatelnosti organov predvaritelnogo sledstviia: prikaz Genprokuratury Rossii ot 17.09.2021 № 826* [About the Organization of the Prosecutor's Supervision Over the Procedural Activities of the Preliminary Investigation Bodies]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396068 (accessed 6 May 2022).

7. Postanovlenie o vozvrashchenii ugovolnogo dela dlia proizvodstva dopolnitelnogo sledstviia № 12001180041000167 ot 11.01.2021 g. [Resolution on the return of the criminal case for additional investigation No. 12001180041000167 dated 11.01.2021]. *Analiticheskie materialy GU MVD Rossii po Volgogradskoj oblasti za 6 mesyacev 2021 g.* [Analytical Materials of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Volgograd region for 6 months of 2021].

8. Postanovlenie o vozvrashchenii ugovolnogo dela № 11500180000238572 ot 29.04.2021 g. [Resolution on the return of the criminal case No. 11500180000238572 dated 29.04.2021]. *Analiticheskie materialy GU MVD Rossii po Volgogradskoj oblasti za 6 mesyacev 2021 g.* [Analytical Materials of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Volgograd region for 6 months of 2021].

9. Sadiokova U.V. O rasshirenii polnomochii rukovoditelia sledstvennogo organa na etape

okonchaniia predvaritelnogo rassledovaniia [On Expanding the Powers of the Head of the Investigative Body at the End of the Preliminary Rassledovaniia]. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rasshirenii-polnomochiy-rukovoditelya-sledstvennogo-organa-na-etape-okonchaniya-predvaritelnogo-rassledovaniya> (accessed 6 May 2022).

10. Trifonova K.A. K voprosu o sovershenstvovanii normativnoj reglamentatsii nekotorykh osnovaniy vozvrashheniya ugovolnogo dela prokuroru [On the Issue of Improving the Regulatory Regulation of Some Grounds for Returning a Criminal Case to the Prosecutor]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 3 (14), pp. 134-141.

11. Trifonova K.A., Kostenko N.S. Nerazjasnenie podozrevaemomu (obvinjaemomu) v hode predvaritel'nogo rassledovaniia prava na zakljuchenie dosudebnogo soglasheniia o sotrudnichestve kak osnovanie vozvrashheniya ugovolnogo dela prokurorom na dopolnitel'noe rassledovanie [Failure to Explain to the Suspect (Accused) During the Preliminary Investigation the Right to Conclude a Pre-trial Agreement on Cooperation as a Basis for the Prosecutor to Return the Criminal Case for Additional Investigation]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 4 (15), pp. 85-87.

12. *Federalnyy zakon ot 17.01.1992 № 2202-I «O prokuratorе Rossiiskoi Federatsii» (v red. ot 10.07.2021)* [Federal Law No. 2202-I of 17.01.1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation"]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (accessed 6 May 2022).

13. Chaplygina V.N., Rudov D.N. K voprosu o processual'nykh garantiyah prav lichnosti pri proizvodstve obyska v zhilishche [On the Issue of Procedural Guarantees of Individual Rights During a Search in a Dwelling]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2022, vol. 15, no. 3, pp. 261-265.

Information About the Authors

Kristina A. Trifonova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, trifonova1102@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0755-1871>

Svyatoslav Y. Biryukov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Информация об авторах

Кристина Алексеевна Трифонова, кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, trifonova1102@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0755-1871>

Святослав Юрьевич Бирюков, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.17>

UDC 343.102
LBC 67.410.2

Submitted: 14.05.2022
Accepted: 10.06.2022

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND THE PSYCHOLOGY OF DECISION-MAKING AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Ilya S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Anna V. Milikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the individual issues and identifies the problems of digitalization during the preliminary investigation. The authors have identified and justified the significance and novelty of the research topic being discussed. The chosen problem has identified the purpose of the study as the development of priority steps necessary for the gradual widespread introduction of digital document management into criminal proceedings. **Methods:** using the dialectical method of research, generalization, comparison, analysis and synthesis and others, it has become possible to write this work and determine the legal nature of digitalization in criminal proceedings. **Results:** the main results include the undoubted importance of the introduction and widespread use of modern digital technologies, electronic systems and complexes. The paper considers some issues related to the peculiarities of decision-making by investigators using information technologies and notes insufficient attention to the problems of psychological assessment of professional activity. The correlation and influence of digitalization on the form of criminal proceedings is shown. The classifications of criminal procedural acts and documents are identified and analyzed; the impact on the introduction of electronic document management in criminal proceedings is indicated. A phased introduction of digital technologies into criminal proceedings is proposed; the current state and possible prospects are considered. **Conclusions:** as a result of the study, the need for amendments to the criminal procedure legislation on the use of information technologies has been identified. The importance of continuing scientific research in this area has been noted. The necessity of studying the psychological impact of the introduction of electronic document management has been established.

Key words: investigator, informatization of investigation, criminal procedure, electronic document management, digital technologies, criminal proceedings.

Citation. Dikarev I.S., Milikova A.V. The Use of Information Technologies and the Psychology of Decision-Making at the Preliminary Investigation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 120-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.17>

УДК 343.102
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 14.05.2022
Дата принятия статьи: 10.06.2022

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПСИХОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Анна Владимировна Миликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в данной научной статье рассматриваются отдельные вопросы и обозначаются проблемы цифровизации на предварительном следствии. Авторы выделили и обосновали значимость и новизну выно-

симой на обсуждение темы исследования. Выбранная проблематика определила **цель исследования** как разработку первоочередных шагов, необходимых для постепенного широкого внедрения в уголовное судопроизводство цифрового документооборота. **Методы:** при помощи диалектического метода исследования, обобщения, сравнения, анализа и синтеза и иных стало возможным написание данной работы и определение правовой природы цифровизации в уголовном процессе. **Результаты:** к числу основных результатов отнесена выделенная несомненная важность внедрения и повсеместного применения современных цифровых технологий, электронных систем и комплексов. В работе рассмотрены вопросы, связанные с особенностями принятия следователями решений при помощи информационных технологий и отмечено недостаточное внимание к проблемам психологической оценки профессиональной деятельности. Показано соотношение и влияние цифровизации на форму уголовного процесса. Выделены и проанализированы классификации уголовно-процессуальных актов и документов, обозначено влияние на внедрение электронного документооборота в уголовное судопроизводство. Предлагается поэтапное введение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, рассмотрено современное состояние и возможные перспективы. **Выводы:** в результате исследования выявлена необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство по вопросам о применении информационных технологий. Отмечена важность продолжения научных исследований в данной области. Установлена необходимость изучения психологического влияния внедрения электронного документооборота.

Ключевые слова: следователь, информатизация расследования, уголовный процесс, электронный документооборот, цифровые технологии, уголовное судопроизводство.

Цитирование. Дикарев И. С., Миликова А. В. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 120–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.17>

Введение

Информационные технологии прочно вошли в повседневную жизнь современного человека. Процесс постепенного внедрения новых технологий в профессиональную деятельность был стремительно изменен в связи с выявлением и прогрессированием новой коронавирусной инфекции – цифровизация стала полноценной частью всех сфер деятельности. В связи с тем, что изменения внедрялись быстрее, чем было запланировано, не все из них прошли необходимую апробацию. Тем не менее сейчас можно с уверенностью говорить о новой эпохе цифровизации, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Совершенствование всей системы уголовного судопроизводства, ее эффективность и возникающие проблемы в области информатизации должны стать в настоящее время приоритетным направлением для исследований. Современные информационные технологии используются сотрудниками правоохранительных органов повсеместно – электронные письма, голосовые и графические сообщения, мессенджеры, жесткие диски, планшеты, мобильные телефоны, карты памяти, приборы фото- и видеофиксации и мно-

гое другое. Использование таких гаджетов создает как удобства, так и сложности при использовании данных, полученных при их помощи. Важно учитывать и психологическую оценку нововведений. Объем работы сотрудников следственных органов по обработке поступающих данных в разы увеличился. Отсюда множество новых вопросов, требующих разрешения. Может ли уголовный процесс стать полностью цифровым, может ли «бумажное уголовное дело» быть заменено на электронное, кто обеспечит защиту данных, когда у следователя появится виртуальное рабочее место, как быть с электронными доказательствами? Эти и многие другие вопросы ставят перед собой исследователи. Поскольку в науке уголовного процесса нет единства мнений, то основной проблемой является разработка теоретических основ и научного обоснования важности и допустимости использования информационных технологий в уголовном процессе. Необходимо провести классификацию решений, которые в первую очередь могут быть оформлены в электронном формате, а также определить важность учета психологической нагрузки на сотрудников органов предварительного следствия с учетом быстро совершенствующихся информационных технологий.

Проблемные вопросы применения информатизации в уголовном процессе Российской Федерации

Информатизация в уголовном процессе – это данность настоящего времени. Возврат к прошлому невозможен и использование цифровых технологий можно воспринимать только как положительное нововведение. Однако, проведя анализ исследований в данной области, мы пришли к выводу о том, что ученые относятся к цифровизации уголовного процесса с двух противоположных точек зрения – и положительно, и отрицательно.

Представляется эффективным переход на электронную фиксацию процессуальных действий на предварительном следствии, в том числе при производстве следственных действий. С данной целью в УПК РФ предлагается внести дополнение о возможности составления и использования документов в электронном формате, тем более, что первые шаги в данном направлении уже сделаны. Согласно ст. 474 УПК РФ, процессуальные документы могут быть выполнены электронным или иным способом, а ст. 474.1 УПК РФ регулирует порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве в стадиях судебного производства. Предлагаем ввести в УПК РФ ст. 474.2 УПК РФ, регулиющую подобный порядок в досудебных стадиях. Что мешает следователю (дознавателю), наряду с судьей, иметь личную усиленную квалифицированную электронную подпись?

Следующим этапом видится создание личного кабинета следователя и «электронного уголовного дела». Создание возможности отслеживания на сайте основных этапов движения уголовного дела с обязательным учетом положений ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Использование дистанционных технологий направления документов, в том числе применение видеоконференцсвязи (например, при получении разрешения на проведение следственных действий – в ст. 165 УПК РФ можно внести изменения о возможности направления ходатайства о производстве следственного действия в электронном формате, а в ч. 3 ст. 165 УПК РФ предусмотреть воз-

можность участия в судебном заседании при помощи видеоконференцсвязи).

Другой важной проблемой является разработка теоретических основ и научного обоснования важности и допустимости использования информационных технологий в уголовном процессе, определение необходимости учета психологической нагрузки на сотрудников органов предварительного следствия в новых условиях цифровизации. Не секрет, что работа сотрудников органов предварительного следствия по большей части заключается в составлении разного рода документов. Именно уголовно-процессуальные акты и документы отражают эффективность, профессионализм и результаты работы. Качество составленных документов дает представление как о культуре, так и о профессиональной грамотности сотрудников. Однако груз ответственности, требования, предъявляемые действующим законодательством и непосредственно руководителями следственных органов к следователям, не только способствуют улучшению качества, но и зачастую наоборот слишком сильно затрудняют процесс расследования преступлений. Проведенные опрос и анкетирование сотрудников органов предварительного следствия лишь подтверждают необходимость совершенствования современного законодательного регулирования порядка составления уголовно-процессуальных актов (за – 92 % опрошенных). Кроме того, 60 % признались в том, что иногда испытывают затруднения при составлении различных документов, при этом 76 % опрошенных высказались против возможности применения дисциплинарной ответственности по отношению к лицам, допустившим нарушения при составлении уголовно-процессуальных актов, и согласились с отрицательным воздействием загруженности в работе на ее качество (84 %) [7, с. 72].

Необходимым представляется проведение классификации уголовно-процессуальных документов с целью выделения групп и перечней, которые могут быть оформлены и / или переданы в электронном формате. По итогам проанализированных авторами точек зрения ученых о классификации уголовно-процессуальных актов и документов, представляется важным деление на уголовно-процессуальные

акты и документы. Наиболее важными, определяющими движение уголовного дела, являются акты-решения (например, постановление о возбуждении уголовного дела). Зафиксировать производство отдельных процессуальных действий можно с помощью документов (например, протоколов следственных действий). Нельзя отождествлять электронные документы с «иными документами», имея в виду их факультативность или необязательность. В первую очередь для повышения эффективности и упрощения производства акты-действия следует фиксировать и / или отправлять электронным способом.

Несмотря на важность письменной формы фиксации, со временем все уголовно-процессуальные акты и документы перейдут на цифровой формат. Информационные технологии нужны уголовному процессу. Мнение о том, что роботизированные системы поддержки принятия решений увеличат количество неверных решений ошибочно, поскольку данные технологии в первую очередь направлены на помощь сотрудникам органов предварительного следствия, а не на замещение их профессиональных функций. В более ранних работах отмечалась эффективность создания и внедрения цифровых технологий в уголовный процесс, положительно оценивалась идея создания автоматизированного рабочего места следователя [8, с. 640–643]. Теперь уже более очевидно развитие данной области и подтверждение обозначенных тенденций.

Актуальность проведения исследований подтверждается и статистическими данными, представленными на сайте МВД РФ. Увеличивается количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За январь – февраль 2021 г. количество IT-преступлений увеличилось на 29,4 %, в сравнении с 2020 г., а преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, – на 48,3 % [6].

Важно отметить неразрывную взаимосвязь вопросов о цифровизации уголовного процесса и о его процессуальной форме. С.Б. Россинский справедливо отмечает, что каждое процессуальное действие или решение в уголовном процессе обуславливается правовыми гарантиями, которые соблюдаются благода-

ря процессуальной форме. Для разных процессуальных действий и актов УПК РФ предусматривает разную степень формализации: иногда регламентирован буквально каждый шаг соответствующего субъекта, а иногда предполагается более свободная форма, основанная на положениях уголовно-процессуального права [9, с. 71]. Отсюда и возможность использования, по крайней мере, отдельных документов в электронной форме.

Электронный документооборот является уже данностью, но на предварительном следствии он требует дополнительного законодательного регулирования. Все правовые акты являются документами, но среди них следует отличать уголовно-процессуальные акты. Критериями отграничения выступают: во-первых, документальная форма, в том числе электронного документа в предусмотренных законом случаях, а во-вторых, выраженность волеизъявления субъекта и наличие юридических последствий в качестве третьего критерия [5, с. 31–35].

Законодатель, к сожалению, в настоящее время не идет по пути упрощения уголовно-процессуальных процедур, на примере ст. 164.1 УПК РФ, в которой содержится порядок проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации или копированием электронной информации. Можно резюмировать, что законодатель остается на позициях жесткой формализации хода предварительного расследования.

Рассмотрим данную проблему на примере протокола допроса. Важным для составления протоколов является точность отображения необходимой информации, особенно в тех случаях, когда допрашиваемые по тем или иным причинам отказались от данных ранее показаний либо изменили их. Наиболее распространенным объяснением отказа, по мнению О.Я. Баева, является то, что следователь неправильно записал их показания. По сути, в составлении протокола принимают участие двое: допрашиваемый и следователь [3, с. 276]. С данным положением согласна В.О. Агибалова, подчеркнувшая при этом, что протоколы, постановления и другие документы являются процессуальными документами, которые должны быть зеркалом уголовного судопроизводства. Зачастую аргументы и дово-

ды участников следственного действия заменяются убогой интерпретацией их в протоколе. Объем информации в протоколе соответствует субъективному восприятию составителя, которое обусловлено его личными профессиональными и психофизическими качествами. В связи с этим автор предлагает вести параллельную звукозапись для более точного отражения в протоколе всех юридически значимых обстоятельств и фактов [1, с. 12–13]. Действительно, ведение звукозаписи будет способствовать более точному и полному составлению уголовно-процессуальных актов, дисциплинирует участников процесса, поскольку усомниться в объективности звукозаписи намного сложнее, нежели в составленном следователем протоколе. При большом объеме работы следователю приходится составлять огромное количество уголовно-процессуальных актов в установленный законом срок, не ограниченный пределами рабочего времени, в строгом соответствии с требованиями законодательства, что представляется проблематичным, особенно для сотрудников, которые недавно приступили к исполнению своих обязанностей. Использование видео- или звукозаписи существенно облегчит данный труд. Необходимо отметить, что на предварительном следствии следователь составляет не только протоколы следственных действий, но и протокол задержания подозреваемого, протокол наложения ареста на имущество, протокол разъяснения подозреваемому права на уведомление родственников о задержании, протокол о принятии залога и другие. И если в одних случаях совершаемые следователем действия могут быть обличены в форму протокола, то в других этот вопрос может быть дискуссионным. Например, соответствует ли предлагаемой законодателем форме протокола, то содержание, которое вкладывается в уголовно-процессуальный акт.

К вопросу о возможности использования электронных доказательств мы согласны с авторами, которые исходят из того, что доказательства в виде электронных документов являются обычными доказательствами и никаких ограничений по их использованию в уголовном процессе не может быть. Суду надо исходить из презумпции добросовестности и объек-

тивности сотрудников правоохранительных органов, которые получили, задокументировали и представили суду доказательства в виде электронного документа [2, с. 76–84].

К сожалению, недостаточно внимания уделяется учеными в области юридической психологии оценке перспектив и возможным рискам в связи с широкомасштабным внедрением цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Нововведения касаются всех сфер жизни, дают как принципиально новые возможности, связанные с упрощением коммуникаций, накоплением и доступом к информации, так и связанные с ними трудности прежде всего в области эмоциональной компетентности и опыта профессиональной деятельности во все более ускоряющемся ритме. Результатом повсеместного внедрения цифровых технологий становится постепенная замена труда человека успешно функционирующими электронными системами и комплексами, а всем последствиям должна быть дана объективная оценка.

Важно отметить, что одним из препятствий для повсеместной работы с электронной информацией в ходе производства по уголовному делу является необходимость обеспечения гарантий конституционных прав и свобод личности, так как в компьютерной технике и мобильных устройствах содержится огромное количество личной информации и, конечно, необходим как четкий процессуальный механизм ее защиты, так и индивидуальный нероботизированный подход к ее оценке [11].

Информатизация уголовно-процессуального документооборота возможна по двум сценариям: постепенно или охватив всю совокупность процессуальных документов. Первый подход представляется наиболее логичным, а главное – реалистичным. Однако для его осуществления необходим четкий план, определяющий, какие группы процессуальных документов и на каком этапе будут переводиться в цифровой вид. Очевидно, что такого рода планирование требует использования одной из существующих на данный момент классификаций процессуальных документов.

В свое время М.С. Строгович классифицировал процессуальные документы на протоколы, отражающие ход и результаты действий, и постановления, содержащие решения [10,

с. 200–201]. За прошедшие десятилетия уголовно-процессуальная регламентация значительно усложнилась, что выразилось в том числе в появлении новых видов документов, не укладывающихся в предложенную М.С. Строговичем классификацию. В частности, помимо названных групп процессуальных документов, можно выделить по меньшей мере следующие: процессуальные обращения, процессуальные акты распорядительного характера (указания, требования, поручения и пр.), а также процессуальные договоры (досудебное соглашение о сотрудничестве) [5, с. 31–35].

Как представляется, именно процессуальные обращения должны стать первой группой процессуальных документов, которые могли бы приобрести цифровой вид. Отчасти этот вопрос уже решен в ст. 474.1 УПК РФ, но пока только применительно к судебному производству. В досудебном производстве к процессуальным обращениям относятся не только заявления, жалобы и ходатайства, но также рапорты, запросы и ряд других [4, с. 124–128]. При этом обращения могут исходить не только от граждан (например, заявление о преступлении), но и от должностных лиц правоохранительных органов (например, ходатайства об избрании меры пресечения или рапорт об обнаружении признаков преступления).

Перевод процессуальных обращений в цифровой вид позволил бы повысить уровень не только коммуникации, но и обеспечения прав участников уголовного процесса, которые получили бы современную и удобную форму взаимодействия с властными субъектами судопроизводства.

Следующим этапом цифровизации досудебного производства могло бы стать придание цифрового вида такой группе процессуальных документов, как процессуальные акты распорядительного характера (указания, требования, поручения и пр.).

Закономерен вопрос о форме хранения таких цифровых документов. Не секрет, что одной из причин, тормозящих проникновение в судопроизводство цифровых технологий, является складывавшаяся столетиями привычка правоприменителя к формату бумажного уголовного дела. Нам представляется, что цифровые документы могли бы аккумулироваться в специально отводимых под отдельные уголовные дела

сегментах облачных хранилищ информации. При таком подходе одна часть материалов уголовного дела хранилась бы по-прежнему в бумажном виде, а другая – в цифровом. Постепенный перевод процессуальной документации в «облако» привел бы со временем к безболезненному переходу судопроизводства к модели полностью электронного уголовного дела.

Объем статьи не позволяет рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с цифровизацией судопроизводства, однако поставленная авторами цель достигнута – предложены первоочередные меры, направленные на внедрение в уголовное судопроизводство цифрового документооборота.

Выводы

Подводя итог всему вышеизложенному, хочется отметить необходимость проведения дальнейших исследований в области информатизации в уголовном процессе. Законодательное регулирование и правоприменительная практика внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность требует совершенствования. Наиболее остро ощущается потребность в упрощении документооборота, возможности приобщения к уголовному делу «электронных документов», широком использовании современных возможностей цифровых технологий. Ощущается необходимость в теоретическом исследовании и создании психологически приемлемых условий, насколько это возможно, для работы сотрудников органов предварительного следствия. В заключение отмечаем, что уголовный процесс неизбежно, пока очень медленными шагами, но приобретает черты цифрового судопроизводства, внедряются системы электронного документооборота и видеоконференцсвязи в судебных стадиях и для предварительного следствия постепенно внедряются новые цифровые технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агибалова, В. О. Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Виктория Олеговна Агибалова. – Краснодар, 2003. – 225 с.

2. Александров, А. С. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе / А. С. Александров, С. И. Кувычков // Уголовный процесс. – 2013. – № 5 (10). – С. 76–84.

3. Баев, О. Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса : сб. науч. тр. / О. Я. Баев. – М. : Эксмо, 2011. – 609 с.

4. Дикарев, И. С. Процессуальные обращения в досудебном производстве по уголовным делам / И. С. Дикарев // Уголовное право. – 2020. – № 6 (124). – С. 124–128.

5. Дикарев, И. С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства / И. С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 31–35.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–февраль 2021 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (дата обращения: 18.04.2021). – Загл. с экрана.

7. Миликова, А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия / А. В. Миликова, С. Б. Россинский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 160 с.

8. Миликова, А. В. Использование следователем информационных технологий при принятии решений / А. В. Миликова, Н. Т. Тришина // Научный аспект. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 640–643.

9. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9 (118). – С. 67–79.

10. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1 / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

11. Dikarev, I. S. Perspectives of Implementing “Smart” Digital Technologies in Criminal Justice / I. S. Dikarev, V. F. Vasyukov // “Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020 // ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi. – Cham : Springer, 2021. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_143. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 155).

REFERENCES

1. Agibalova V.O. *Processual'nye i inye dokumenty kak istochniki dokazatel'stv v уголовном судопроизводстве: dis. ... kand. jurid. nauk* [Procedural and Other Documents as Sources of Evidence in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Krasnodar, 2003. 225 p.

2. Aleksandrov A.S., Kuvychkov S.I. *Onadezhnosti «elektronnyh dokazatel'stv» v уголовном процессе* [On the Reliability of “Electronic Evidence” in Criminal Proceedings]. *Ugolovnyy protsess* [Criminal Proceedings], 2013, no. 5 (10), pp. 76-84.

3. Baev O.Ya. *Izbrannyye raboty po problemam kriminalistiki i ugovolnogo processa: sb. nauch. tr.* [Selected Works on the Problems of Criminalistics and Criminal Procedure. Collection of Scientific Works]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 609 p.

4. Dikarev I.S. *Processual'nye obrashcheniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam* [Procedural Appeals in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2020, no. 6, pp. 124-128.

5. Dikarev I.S. *Ugolovno-processual'nye акты dosudebnogo proizvodstva* [Criminal Procedural Acts of Pre-Trial Proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2020, no. 2, pp. 31-35.

6. *Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'-fevral' 2021 goda* [Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation for January – February 2021]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23447482/> (accessed 18 April 2021).

7. Milikova A.V., Rossinskij S.B. *Ugolovno-processual'nye акты organov predvaritel'nogo sledstviya* [Criminal Procedural Acts of the Preliminary Investigation Bodies]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 160 p.

8. Milikova A.V., Trishina N.T. *Ispol'zovanie sledovatelem informacionnyh tekhnologij pri prinyatii reshenij* [The Investigator's Use of Information Technology in Decision-Making]. *Nauchny aspekt* [Scientific Aspect], 2018, vol. 6, no. 4, pp. 640-643.

9. Rossinskij S.B. *Ugolovno-processual'naya forma: sushchnost', problemy, tendencii i perspektivy razvitiya* [Criminal Procedural form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 9 (118), pp. 67-79.

10. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. V 2 t. T. 1* [Course of the Soviet Criminal Process. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

11. Dikarev I.S., Vasyukov V.F. *Perspectives of Implementing “Smart” Digital Technologies in Criminal Justice*. Ed. by E.G. Popkova, B.S. Sergi. “*Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020*. Cham, Springer Publ., 2021. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_143. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 155).

Information About the Authors

Илья С. Дикарев, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Director of the Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Анна В. Миликова, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

Информация об авторах

Илья Степанович Дикарев, доктор юридических наук, директор института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Анна Владимировна Миликова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.18>

UDC 343.139
LBC 67.410.2

Submitted: 25.04.2022
Accepted: 10.06.2022

PROCEDURAL AND FACTUAL DIFFICULTIES OF ESTABLISHING THE OBJECTIVE TRUTH IN A JURY TRIAL

Darya O. Chistilina

Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Elena V. Vozgrina

Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Introduction: a jury trial is a special form of criminal proceedings that provides increased guarantees of respect for the rights of citizens and fair sentencing. In this regard, the relevance of the study is due to the presence of theoretical and procedural difficulties in establishing the objective truth in a jury trial. The **goal** is to compare the possibility of establishing the objective truth and the specifics of the proceedings in a jury trial. The **objectives** of the research are: to study the philosophical aspect of the concept of truth; to consider the legal approach to the concept of “objective truth”; to analyze the features of proceedings in a court of jury; to compare the cognitive abilities of jurors with the possibility of establishing the objective truth in a criminal case. **Methods:** the methodological framework for the research is the method of dialectical scientific cognition, a systematic approach to the problem under consideration, a functional method, a sociological method, a formal logical method, etc. **Results:** various approaches to the definition of the concept of “objective truth” are considered, the possibilities of its establishment in criminal proceedings are investigated, and the obstacles to the establishment of the objective truth in the course of proceedings in a court of jury are analyzed. **Conclusions:** the existing model of proceedings in a jury trial does not prevent the establishment of the objective truth. However, the existing issues involving the implementation of evidence in such a court, investigative and judicial errors can lead to negative consequences in the form of an unfair verdict. To level them, it is recommended to prepare citizens for work in a court of jury by conducting trainings, seminars and other introductory events.

Key words: jurors, objective truth, adversariality, trial, evidence, proving.

Citation. Chistilina D.O., Vozgrina E.V. Procedural and Factual Difficulties of Establishing the Objective Truth in a Jury Trial. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 128-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.18>

УДК 343.139
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 25.04.2022
Дата принятия статьи: 10.06.2022

ПРОЦЕДУРНЫЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ СЛОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Дарья Олеговна Чистилина

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Елена Васильевна Возгринна

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Введение: суд с участием присяжных заседателей представляет собой особую форму уголовного судопроизводства, предоставляющую повышенные гарантии соблюдения прав граждан и постановления справедливого приговора. В связи с этим актуальность исследования обусловлена наличием теоретических

и процессуальных сложностей при установлении объективной истины в суде с участием присяжных заседателей. **Целью** является сопоставление возможности установления объективной истины и особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей. **Задачами** исследования являются: исследование философского аспекта понятия истины; рассмотрение правового подхода к понятию «объективная истина»; анализ особенностей производства в суде с участием присяжных заседателей; сопоставление познавательных способностей присяжных заседателей с возможностью установления объективной истины по уголовному делу. **Методы:** методологической основой исследования является метод диалектического научного познания, системный подход к рассматриваемой проблеме, функциональный, социологический и формально-логический и другие методы. **Результаты:** были рассмотрены различные подходы к определению понятия «объективная истина», исследованы возможности ее установления в уголовном процессе, проанализированы препятствия к установлению объективной истины в ходе производства в суде с участием присяжных заседателей. **Выводы:** существующая модель производства в суде с участием присяжных заседателей не препятствует установлению объективной истины. Однако имеющиеся проблемы, связанные с осуществлением доказывания в таком суде, следственные и судебные ошибки могут привести к негативным последствиям в виде неправоудного приговора. Для их нивелирования рекомендуется подготавливать граждан к работе в суде с участием присяжных заседателей путем проведения тренингов, семинаров и других ознакомительных мероприятий.

Ключевые слова: присяжные заседатели, объективная истина, состязательность, судебное разбирательство, доказательство, доказывание.

Цитирование. Чистилина Д. О., Возгрин Е. В. Процедурные и фактические сложности установления объективной истины в суде с участием присяжных заседателей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 128–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.18>

Введение

Установление истины – это магистральная цель осуществления правосудия в широком смысле. Только приговор, основанный на всесторонне, объективно и полно исследованных обстоятельствах дела, можно назвать справедливым. Именно к этому должен стремиться правоприменитель на всех стадиях судопроизводства. Однако существование различных сокращенных процедур ставит под сомнение необходимость установления истины по каждому делу.

В связи с этим в уголовно-процессуальной науке до сих пор не утихают дискуссии по поводу того, нужно ли устанавливать истину по уголовному делу и, если да, то какую. В теории уголовного процесса разработаны концепции объективной (материальной) и формальной (юридической) истин, каждая из которых имеет свои особенности и вполне реализуема в современных условиях. Однако при выборе одной из концепций необходимо учитывать особенности российской уголовно-процессуальной формы, которая содержит в себе как упрощенные, так и усложненные правовые институты.

Одним из усложненных в процедурном плане институтов является суд с участием присяжных заседателей, реформирование ко-

торого осуществляется до сих пор. Основной его особенностью является то, что решение принимают граждане, не обладающие соответствующей профессиональной подготовкой и выдержкой, зато имеют житейский опыт и руководствуются здравым смыслом при вынесении вердикта. При этом они практически не могут повлиять на процедуру рассмотрения уголовного дела, однако более внимательно относятся к деталям, что способствует установлению истины по уголовному делу и принятию правосудного решения.

В процессе анализа особенностей процесса доказывания в суде с участием присяжных заседателей стоит уделить внимание вопросу возможности установления истины.

Понятие истины в уголовном процессе

Истина – это соответствие реальности содержания наших знаний. Предметы, явления, процессы, которые существуют в действительности, сами по себе не могут быть ни истинными, ни ложными, а только наше знание о них может быть либо истинным, либо ложным.

В философии существует разное понимание истины и ее критериев. Прежде всего под истиной подразумевают соответствие знаний действительности. В полной мере

данное значение истины раскрывается в классической концепции истины, где главными критериями последней являются соответствие и действительность.

Кроме того, в философии раскрываются такие понятия, как абсолютная и относительная истины. Абсолютная истина либо совсем недостижима, либо сложно достижима ввиду того, что является исчерпывающим знанием о предмете. Относительная же представляет собой неполное знание о предмете. Оно объективно, так как не зависит от субъективных взглядов лиц, ее устанавливающих.

Критериями истины являются: логическая правильность (достаточное обоснование и отсутствие противоречий); практическое подтверждение; соответствие аксиомам; соответствие уже доказанным законам; соответствие законам логики; доступная формулировка, исключающая неоднозначность. В науке главным критерием истины является деятельность субъекта, посредством которой он постигает истину эмпирическим путем [5, с. 88–90].

В контексте правовой науки принято вести речь об объективной истине, которая по философской классификации является относительной истиной. Объективная истина – это правовой институт, главной целью которого является объективное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела, которые имеют значение для правильного разрешения дела. Упоминание о ней можно встретить в правовых источниках, принадлежащих различным историческим периодам. Так, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., именно судья должен был направлять ход дела таким образом, чтобы это способствовало установлению истины. УПК РСФСР 1960 г. также возлагал ответственность за всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела на председательствующего. Однако в современном УПК РФ упоминания об объективной истине не содержится вовсе. По мнению некоторых исследователей, при существующей состязательной модели уголовного судопроизводства не представляется возможным ее достичь [12, с. 986].

Объективная истина является результатом ее постепенного постижения посредством установления фактов и обстоятельств, относящихся к уголовному делу. Только совокупность

фактических обстоятельств может свидетельствовать о виновности или невиновности лица в совершении преступления и способствовать осуществлению справедливого правосудия.

Собранные по уголовному делу доказательства должны отражать объективную реальность, а не являться результатом субъективного взгляда. При установлении обстоятельств произошедшего субъективизм недопустим. Согласно теории отражения, объект познания существует независимо от субъекта [8, с. 142–145].

В связи с этим разумным видится определение истины в «Философском энциклопедическом словаре»: «...адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания» [13, с. 247].

Действующий УПК РФ не содержит положений, посвященных объективной истине. Более того, ввиду существования различных уголовно-процессуальных институтов, нет упоминания о ней и как о цели доказывания. Однако на практике установление всех обстоятельств дела на основе достоверности, по сути, является вполне разумным стремлением органов расследования, способствующим снижению риска следственной ошибки.

Объективная истина должна устраивать всех участников уголовного процесса, однако ввиду разной направленности процессуальных интересов сторон это невозможно. При этом, если стороны реально заинтересованы в установлении обстоятельств произошедшего, то достижение объективной истины в таком случае просто необходимо. По крайней мере, вывод, который сделает субъект доказывания на основании установленных фактов, должен быть очевиден для всех участников уголовного судопроизводства [11].

Дискуссии по поводу необходимости установления истины и вида истины в уголовном процессе не утихают среди процессуалистов до сих пор.

В теории уголовного процесса по вопросу об установлении истины существует две основные точки зрения:

1) истина должна быть не только достижима, но и достигнута в ходе судебного разбирательства;

2) истина не может быть достигнута, возможно лишь достижение знаний о произошедшем событии с высокой степенью вероятности [10, с. 101].

Так, например, профессор Ю.А. Ляхов отмечает, что установление истины по делу является целью российского уголовного судопроизводства. Данный подход может определить «справедливость приговора, справедливое разрешение дела для всех участников процесса» [6].

Для того, чтобы установить объективную истину в суде с участием присяжных заседателей необходимо особое внимание в таком суде обратить на исследование доказательств, а не манипулирование эмоциями народных судей, которые, в свою очередь, не должны испытывать дефицит информации в ходе судебного следствия. Кроме того, председательствующему необходимо внимательно следить за соблюдением процедуры и создать все необходимые условия для объективного исследования всех имеющихся доказательств [7, с. 134].

Хотя законодатель и не определил в качестве цели доказывания установление объективной истины при рассмотрении уголовного дела, необходимо четко осознавать, что ее достижение является необходимым условием вынесения справедливого приговора, особенно в суде с участием присяжных заседателей.

Процессуальные возможности достижения объективной истины в суде с участием присяжных заседателей

Считается, что суд с участием присяжных заседателей обеспечивает больше гарантий справедливого судебного разбирательства и наиболее полную реализацию прав участников уголовного процесса. При этом лишь соблюдение установленной законом процедуры не обеспечивает установления истины при рассмотрении уголовного дела. Главной причиной, по которой вердикт присяжных заседателей наиболее справедливый и объективный, является возможность сторон полностью реализовать имеющиеся у них права, а также необходимость приложить максимальные усилия при подготовке к процессу и при работе в ходе него. Кроме того, существующая состоя-

тельность и наличие непрофессиональных судей стимулирует стороны проявить весь свой имеющийся потенциал, а также дисциплинирует органы расследования, которые стремятся еще более ответственно подойти к вопросу установления обстоятельств произошедшего [3, с. 28]. Это позволяет нивелировать обвинительный уклон, который в последнее время все чаще проявляется, в том числе у судей. В совокупности это будет способствовать установлению истины по уголовному делу.

Стоит отметить, что некоторые особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей препятствуют достижению истины по делу. Так, отсутствие юридической подготовки у присяжных заседателей вызывает определенные трудности при решении некоторых вопросов в ходе судебного разбирательства, даже несмотря на краткие пояснения, которые дает председательствующий во время судебного заседания. Зачастую им могут быть не понятны некоторые обстоятельства произошедшего, особенно в сложных запутанных делах с несколькими эпизодами или подсудимыми, поэтому их подсудность стоит определять с учетом наличия у них определенного житейского опыта в социально-бытовой сфере. Попытки сторон склонить присяжных заседателей на свою сторону, используя особенности их восприятия и неподготовленность к долгому судебному процессу, также не способствуют установлению истины.

При этом стоит отметить, что судебный процесс построен на основе гласности, что заставляет воспринимать присяжных заседателей все факты на слух. Особенно остро данная проблема стоит, когда приходится оглашать показания участников процесса или иные документы, изобилующие специфической терминологией (медицинской, технической, экономической и др.). В связи с этим будничность судебного заседания (по сравнению с ожиданием после просмотра телевизионных шоу, демонстрирующих судебное разбирательство) не всегда привлекает внимание непрофессиональных судей, которым ввиду рассеянности сознания и отсутствия подготовки слушателя сложно воспринимать все факты.

По мнению А. Босова и А. Машовец, затруднения в восприятии присяжными об-

стоятельств дела связаны с «объемами информации, сложностями подачи, спецификой предмета речи, естественными психофизиологическими причинами (усталость, кратковременное расстройство здоровья и т. п.)» [1, с. 75–78].

Помимо этого, может возникнуть дефицит информации, который связан с невозможностью прямой коммуникации присяжных заседателей и других участников процесса. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ, присяжные заседатели могут задавать вопросы участникам судебного разбирательства исключительно в письменной форме через председательствующего, который может их вопрос переформулировать либо вовсе отклонить. Данная ситуация в целом является нежелательной и может привести к негативным последствиям, которые в последующем отразятся на объективности вердикта [14, с. 229–230].

Довольно часто вопрос об установлении объективной истины поднимается в контексте состязательных начал уголовного судопроизводства. С одной стороны, состязательная модель никогда не являлась гарантом установления объективной истины, так как каждая сторона старалась доказать свою позицию и не стремилась работать на единый результат. С другой, именно состязательность позволяет в споре сторон максимально приблизиться к истине, посредством исследования большого количества информации, поступающей от сторон. При этом в российском уголовном процессе, особенно в рамках предварительного расследования, наблюдается некий дисбаланс: следователь, дознаватель крайне заинтересованы в сборе обвинительных доказательств, а сторона защиты почти не может повлиять на процесс доказывания на этом этапе.

Такой дисбаланс профессор Л.В. Головки связывает с противоборством двух моделей уголовного процесса: американской (английской) и европейской (континентальной). Первая модель предполагает при наличии спора рассмотрение доказательств и вынесение вердикта присяжными заседателями (при отсутствии спора решение судьей принимается в рамках сокращенной процедуры). Предназначение же второй видится в сглаживании фактического неравенства сторон и имуще-

ственного неравенства обвиняемых, не всегда способных оплатить дорогостоящее расследование [2, с. 60–65].

Еще одним фактором влияния на присяжных может оказаться речь защитника или государственного обвинителя, а также манера держать себя при предъявлении доказательств. Зачастую стороны злоупотребляют своими правами и используют различные уловки, стараясь создать у коллегии «правильный» эмоциональный фон. Под воздействием своих же эмоций зачастую присяжные заседатели не могут вынести объективный вердикт, что ставит под сомнение правосудность приговора в целом.

Кроме того, хотелось бы выделить еще один проблемный аспект, связанный с невозможностью установить истину в суде – это следственные ошибки. Качество и всесторонность расследования влияют на доступность поступающей в суд информации. Прежде всего органы расследования должны стремиться, чтобы версия стороны обвинения была понятна присяжным заседателям и вызвала у них доверие. В связи с этим вполне логичным видится, что большую ответственность за судебную ошибку несут стороны и профессиональный судья, которые допускают процессуальные нарушения и ошибки, что приводит к несправедливому приговору. Именно качество судебного исследования и доказательств, полученных в ходе предварительного расследования и судебного следствия, являются основной проблемой правосудия [4, с. 39–45].

По мнению Г.С. Рыспаевой, подлинное правосудие, в том числе в суде с участием присяжных заседателей, без установления истины невозможно. Именно данная форма судопроизводства создана для того, чтобы быть гарантом справедливого и объективного рассмотрения обстоятельств дела. Исключение предвзятости, профессиональной деформации судей, незаконных методов расследования – основная задача, которую выполняет данный правовой институт с момента его появления еще в 1864 году. Истина, как одна из высших моральных ценностей, всегда занимала важное место во всем уголовном процессе, в частности в деятельности присяжных заседателей [9, с. 176].

Выводы

Таким образом, суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве некой обобщенной модели всего общества, поэтому неоднократно в истории решения присяжных заседателей становились основой для изменения законодательства в различных сферах. Представляется, что состязательный порядок производства по делу способствует установлению объективной истины и стимулирует активную деятельность сторон по осуществлению доказывания. Более того, качество расследования также повышается ввиду того, что сторона обвинения осознает особое внимание представителей народа к деталям, поэтому снижается и риск допущения следственной и судебной ошибки.

Данные факторы безусловно способствуют установлению истины по уголовному делу в большей степени именно при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босов, А. Е. Доказывание – коммуникация в суде с участием присяжных заседателей / А. Е. Босов // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 75–79.
2. Головкин, Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина / Л. В. Головкин // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28–29 июня 2014 г.). – СПб. : Центр социальных и правовых технологий, 2015. – С. 60–68.
3. Грищенко, А. В. Установление истины в суде присяжных / А. В. Грищенко // Уголовная юстиция. – 2018. – № 2 (8). – С. 27–31.
4. Ильяхов, А. А. Влияние следственных ошибок, допускаемых в ходе производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей, на возникновение судебных ошибок / А. А. Ильяхов // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 39–47.
5. Кочеров, С. Н. Философия : учеб. пособие / С. Н. Кочеров, Л. П. Сидорова. – Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2015. – 150 с.
6. Ляхов, Ю. А. Надо ли устанавливать истину по уголовному делу / Ю. А. Ляхов // Закон. – 2015. – № 1. – С. 107–110.

7. Малина, М. А. Гарантии установления истины в суде с участием присяжных заседателей / М. А. Малина // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 133–139.

8. Печников, Г. А. Доказательства, объективная (фактическая) и формально-юридическая истины в уголовном процессе / Г. А. Печников // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 142–149.

9. Рыспаева, Г. С. Особенности истины, достигаемой в суде с участием присяжных заседателей / Г. С. Рыспаева // Наука, новые технологии и инновации. – 2016. – № 5. – С. 172–176.

10. Свиридов, М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе / М. К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 2. – С. 101–116.

11. Скудин, А. С. К вопросу об установлении «объективной истины» в процессе доказывания по уголовным делам / А. С. Скудин // Вестник Новгородского государственного университета. – 2013. – № 73-1. – С. 151–154.

12. Фаизова, К. В. Институт объективной истины в уголовном судопроизводстве: за и против? / К. В. Фаизова // Российская юстиция в 21 веке: реалии, проблемы, перспективы. – 2019. – № 3. – С. 985–991.

13. Философский энциклопедический словарь / гл. ред Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.

14. Чистилина, Д. О. Пределы допустимости исследования присяжными заседателями обстоятельств уголовного дела в ходе судебного следствия / Д. О. Чистилина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : сб. материалов IV Междунар. студ. науч.-практ. конф. (г. Курск, 20 апреля 2018 г.). – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. – С. 226–231.

REFERENCES

1. Bosov A.E. Dokazyvanie – kommunikaciya v sude s uchastiem prisyzhnyh zasedatelej [Proving – Communication in Court with the Participation of Jurors]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal Law], 2015, no. 6, pp. 75-79.
2. Golovko L.V. Rossijskij ugolovnyj process i ob'ektivnaya istina [The Russian Criminal Procedure and Objective Truth]. *Obvinenie i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskij opyt i sovremennost'*: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Nikolaya Sergeevicha Alekseeva (Sankt-Peterburg, 28–29 iyunya 2014 g.) [Prosecution and Defense in

Criminal Cases: Historical Experience and Modernity. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Professor Nikolai Sergeevich Alekseev (Saint-Petersburg, June 28–29, 2014)]. Saint-Petersburg, Centr social'nyh i pravovyh tekhnologij, 2015, pp. 60-68.

3. Grishchenko A.V. Ustanovlenie istiny v sude prisyaznyh [Establishing the Truth in a Jury Trial]. *Ugolovnaya yusticiya* [Criminal Justice], 2018, no. 2 (8), pp. 27-31.

4. Ilyukhov A.A. Vliyanie sledstvennyh oshibok, dopuskaemyh v hode proizvodstva po ugolovnym delam s uchastiem prisyaznyh zasedatelej, na vzniknovenie sudebnyh oshibok [The Influence of Investigative Mistakes Made During Criminal Proceedings Involving Jurors on the Occurrence of Judicial Errors]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3 (51), pp. 39-47.

5. Kocherov S.N., Sidorova L.P. *Filosofiya: ucheb. posobie* [Philosophy. Textbook]. Nizhny Novgorod, NRU RANEPa, 2015. 150 p.

6. Lyakhov Yu.A. Nado li ustanavlivat' istinu po ugolovnomu delu [Is it Necessary to Establish the Truth in a Criminal Case]. *Zakon* [Law], 2015, no. 1, pp. 107-110.

7. Malina M.A. Garantii ustanovleniya istiny v sude s uchastiem prisyaznyh zasedatelej [Guarantees of Establishing the Truth in Court with the Participation of Jurors]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik* [North Caucasian Legal Bulletin], 2018, no. 1, pp. 133-139.

8. Pechnikov G.A. Dokazatel'stva, ob'ektivnaya (fakticheskaya) i formal'no-yuridicheskaya istiny v ugolovnom processe [Proofs, Objective (Factual) and Formal-Legal Truths in Criminal Proceedings]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2 (49), pp. 142-149.

9. Ryspaeva G.S. Osobennosti istiny, dostigaemoj v sude s uchastiem prisyaznyh zasedatelej [Features of the Truth Achieved in Court with the Participation of

Jurors]. *Nauka, novyetechnologii i innovacii* [Science, New Technologies and Innovations], 2016, no. 5, pp. 172-176.

10. Sviridov M.K. Zadacha ustanovleniya istiny i sredstva eyo dostizheniya v ugolovnom processe [The Task of Establishing the Truth and the Means of Achieving it in Criminal Proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Right], 2016, no. 2, pp. 101-116.

11. Skudin A.S. K voprosu ob ustanovlenii «ob'ektivnoj istiny» v processe dokazyvaniya po ugolovnym delam [On the Issue of Establishing “Objective Truth” in the Process of Proving Criminal Cases]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod State University], 2013, no. 73-1, pp. 151-154.

12. Fayzova K.V. Institut ob'ektivnoj istiny v ugolovnom sudoproizvodstve: za i protiv? [Institute of Objective Truth in Criminal Proceedings: Pros and Cons?]. *Rossijskaya yusticiya v 21 veke: realii, problemy, perspektivy* [Russian Justice in the 21st Century: Realities, Problems, Prospects], 2019, no. 3, pp. 985-991.

13. Ilyichev L.F., et al., eds. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. encykl. Publ., 1983. 840 p.

14. Chistilina D.O. Predely dopustimosti issledovaniya prisyaznymi zasedatelyami ob'stoyatel'stv ugolovnogo dela v hode sudebnogo sledstviya [Limits of the Admissibility of Research by Jurors of the Circumstances of a Criminal Case During a Judicial Investigation]. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: dostizheniya i problemy primeneniya: sb. materialov IV Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. (g. Kursk, 20 aprelya 2018 g.)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Achievements and Problems of Application. Collection of Materials of the 4th International Student Scientific and Practical Conference (Kursk, Apr. 20, 2018)]. Kursk, Yugo-Zap. gos. un-t, 2019, pp. 226-231.

Information About the Authors

Darya O. Chistilina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southwest State University, 50 let Oktyabrya St, 94, 305040 Kursk, Russian Federation, darya-chistilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0115-8876>

Elena V. Vozgrina, Student, Faculty of Law, Southwest State University, 50 let Oktyabrya St, 94, 305040 Kursk, Russian Federation, elena.vozgrina.99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1374-5525>

Информация об авторах

Дарья Олеговна Чистилина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, ул. 50 лет Октября, 94, 305040 г. Курск, Российская Федерация, darya-chistilina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0115-8876>

Елена Васильевна Возгринa, студент юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, ул. 50 лет Октября, 94, 305040 г. Курск, Российская Федерация, elena.vozgrina.99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1374-5525>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.19>

UDC 343.85
LBC 67.4

Submitted: 04.05.2022
Accepted: 05.06.2022

PREVENTIVE WORK BY COMMUNITY POLICEMEN IN THE FAMILY AND HOUSEHOLD SPHERE

Ivan N. Arkhitektsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Olesya G. Maklakova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: the work of community policemen for the prevention of offenses committed in the field of family and household relations holds a significant place in their professional activity. This work begins with the identification at the administrative area of persons who commit offenses in the field of family and household relations and the subsequent application of timely preventive and legal measures to these persons to prevent them from committing crimes and administrative offenses. The paper describes the main forms of preventive influence of community policemen in relation to persons who commit violence in the family and household sphere. The proposals for improving this area of activity of community policemen are given. In this regard, it is necessary to name the **purpose** of the study, which is aimed at reviewing and studying the preventive work carried out by community policemen to prevent crimes in the family and household sphere. **Methods:** the methodological framework for the study is the general scientific dialectical method. The methods of induction and deduction used have contributed to obtaining most of the formulated conclusions. **Results:** based on the study of the community policeman activities, the authors comprehensively reviewed some aspects of his preventive activities, identified the problems related to the prevention of offenses in this area, and formulated the ways of their solving. **Conclusions:** as a result of the study, the authors have found out the role of the community policeman in the prevention of domestic violence, which is one of the priorities in his activities, identified the main factors contributing to crimes in this area, as well as the methods of prevention, its types.

Key words: community policeman, form of preventive impact, family and domestic violence, preventive conversation, preventive record.

Citation. Arkhitektsev I.N., Sarychev A.V., Maklakova O.G. Preventive Work by Community Policemen in the Family and Household Sphere. *Legal Concept*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 136-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.19>

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Олеся Геннадьевна Маклакова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: работа участкового уполномоченного полиции по предупреждению правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений занимает значительное место в его профессиональной деятельности. Начинается данная работа с выявления на административном участке лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, и применения к указанным лицам в последующем своевременных мер профилактического и правового воздействия с целью недопущения совершения ими преступлений и административных правонарушений. В статье охарактеризованы основные формы профилактического воздействия участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере. Приведены предложения по совершенствованию данного направления деятельности участкового уполномоченного полиции. В связи с этим необходимо назвать **цель** исследования, которая направлена на рассмотрение и изучение профилактических работ, проводимых участковыми уполномоченными полиции для недопущения преступлений в семейно-бытовой сфере. **Методы:** методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод. Используемые методы индукции, дедукции способствовали получению большинства сформулированных выводов. **Результаты:** на основе проведенного нами исследования деятельности участкового уполномоченного полиции мы всесторонне рассмотрели некоторые аспекты его профилактической деятельности, выявили проблемы, связанные с предупреждением правонарушений в данной сфере, и сформулировали пути их решения. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль участкового уполномоченного полиции в сфере профилактики семейно-бытового насилия, которая является одной из приоритетных в его деятельности, определены основные факторы, способствующие преступлениям в данной сфере, а также способы профилактики, ее виды.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, форма профилактического воздействия, семейно-бытовое насилие, профилактическая беседа, профилактический учет, профилактическая беседа.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Маклакова О. Г. Профилактические работы участковыми уполномоченными полиции в семейно-бытовой сфере // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 136–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.19>

Введение

Как известно, деятельность участковых уполномоченных полиции на всех этапах развития общества направлена на недопущение правонарушений, которая преимущественно происходит с помощью их профилактики. Одним из главных направлений деятельности участкового уполномоченного полиции выступает профилактика семейно-бытовых преступлений.

Рассматриваемая тема особенно актуальна, поскольку количество совершаемых правонарушений в данной сфере в последние годы имеет тенденцию к снижению. Так, несмотря на введение ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19, только за январь – август 2021 г. отмечается сокращение на 4,1 % фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 7,1 % – причинения вреда здоровью средней тяжести и на 4,3 % – легкого вреда здоровью [5]. В этом,

безусловно, есть немалая заслуга участковых уполномоченных полиции и их эффективная работа с населением.

Вместе с тем профилактика преступлений и правонарушений в сфере семейно-бытового насилия представляет определенную сложность, поскольку в российском обществе есть мнение, будто взаимоотношения в семье (в том числе разного рода насильственные действия) – это личное дело их членов. Из-за этого много негативных фактов остаются латентными и не выносятся за пределы ячейки общества.

Характеристика преступлений в семейно-бытовой сфере

Для того, чтобы перейти непосредственно к вопросу о профилактике, необходимо разобраться в том, что же представляет собой преступление или правонарушение в семейно-бытовой сфере? Ведь, чтобы подобрать наиболее рациональные меры, прежде всего нам нужно знать, с чем бороться.

Начнем с определения субъектов преступления (правонарушения). Как показывает практика, чаще всего преступления совершаются в отношении супруги, сына, дочери, реже в отношении родителей, братьев, сестер, в отдельных случаях пострадавшими могут выступать и другие родственники и близкие люди.

Нередко происходит так, что граждане, состоя в браке, совместно проживают в одной квартире со своими родителями, живут в общежитиях, где не так много места, и в ряде случаев такая нехватка личного пространства, частый контакт приводят к возникновению недопонимания и конфликтов. Некоторые правонарушители ввиду ряда факторов (алкоголизм, вспыльчивость характера, продолжительная накапливаемая агрессия, ревность и т. п.) довольно часто прибегают к насилию, которое выражается в побоях, истязаниях, и в крайних случаях все это доводит до одного из самых тяжких преступлений против личности – убийства [6, с. 112].

Что касается составов преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, следует отметить, что это деяния, предусмотренные ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119 Уголов-

ного кодекса РФ, и правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Если же побои нанесены лицом подвергнутым административному наказанию, то такие действия виновного квалифицируются как уголовное деяние по ст. 116.1 УК РФ.

Заметим, что достаточно редко эти преступления происходят внезапно, в основном они имеют возрастающий, постепенный характер, например, все начинается с незначительных оскорблений, затем побоев и заканчивается причинением тяжкого вреда здоровью, то есть они происходят в течение достаточно продолжительного периода времени. В связи с этим здесь необходима ранняя профилактика данных деяний участковым уполномоченным полиции.

Нельзя упускать и тот момент, что не всегда в семейно-бытовом насилии виноват лишь только сам преступник. Как известно, виктимное (противоправное) поведение жертвы также оказывает значительное негативное воздействие на преступника в момент совершения им деяния.

Так, Н.С. Артемьев выделяет аморальную жертву. По его мнению, провоцирующее поведение лиц данного подтипа характеризуется стойкой антиобщественной направленностью, морально-бытовой распущенностью, в том числе отсутствием нравственно-этической избирательности в сфере интимных отношений. Аморальные жертвы несдержанны, вспыльчивы, излишне эмоциональны, неуравновешенны, заносчивы, пренебрежительно относятся к нормам права и морали, семейным ценностям [1, с. 27].

Не стоит забывать и о лицах, страдающих психическими расстройствами. Семьям, где они проживают, необходимо уделять также более тщательное внимание, часто такие лица беспричинно могут провоцировать на конфликты, быть злопамятными. В этом случае участковым уполномоченным полиции необходима поддерживать взаимосвязь с их лечащим врачом.

Немалая доля правонарушений совершается лицами, ранее судимыми за аналогичные деяния. Так, по мнению профессора А.Н. Варыгина, доля таких лиц составляет около 48 % [3, с. 31].

Профилактические работы, проводимые участковым уполномоченным полиции в целях недопущения преступлений в семейно-бытовой сфере

Часто семейно-бытовые конфликты приводят к тяжким и особо тяжким преступлениям, именно поэтому участковые уполномоченные полиции должны особое внимание уделять наиболее криминогенным слоям населения и проводить с ними профилактические работы.

Роль участкового здесь очень значима, законодатель, определяя основным направлением деятельности данной службы именно профилактику противоправных действий, в том числе бытовых преступлений, формирует ее комплексный характер, поскольку она должна соединять в себе меры убеждения, принуждения и помощи. Участковые уполномоченные полиции также наиболее приближены к населению, в связи с чем его роль в профилактике имеет огромное значение, так как семейно-бытовые конфликты являются основной причиной совершения преступлений на бытовой почве.

Главной целью профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере является сведение к минимуму психологического напряжения в семье. Это достигается в основном методами убеждения, но в некоторых случаях применяется и принуждение. Под убеждением мы понимаем систему мероприятий, действующих на сознание людей в целях соблюдения ими правил, осуществляемое путем воспитательного воздействия. Оно осуществляется в виде общей и индивидуальной профилактики.

Под общей профилактикой понимается совокупность мероприятий, которые направлены на осуществление профилактики в отношении неопределенного круга лиц с целью недопущения совершения ими правонарушений в рассматриваемой сфере (разъяснение ответственности участковыми уполномоченными полиции на собраниях, чтение лекций, освящение вопроса в средствах массовой информации, путем телерадиовещаний и т. п.).

Индивидуальная же профилактика несет в себе комплекс мероприятий, направленных на определенных лиц. Данный вид является основным и наиболее на наш взгляд действен-

ным, так как взаимодействие происходит с конкретным человеком, а следовательно, можно более точно определить проблему и пути ее решения.

В частности, можно выделить три стадии профилактического воздействия участковым уполномоченным полиции в рассматриваемой сфере.

На первоначальном этапе происходит анализ поведения индивидов, и на данной основе выделяются те лица, которые склонны к совершению правонарушений в семейно-бытовых отношениях.

На следующем этапе происходит наблюдение за этими лицами, с целью недопущения совершения последними правонарушений и преступлений.

Наконец, на третьем этапе в случае противоправного поведения применяются меры профилактического воздействия к правонарушителю.

Участковый уполномоченный полиции должен использовать разные источники информации, чтобы выявлять лиц, которые исходя из их поведения могут совершить правонарушение в рассматриваемой сфере. Он должен не менее трех раз в неделю осуществлять прием граждан, которые уже не раз обращались по поводу того, что они были очевидцами противоправного или неправильного, по их мнению, поведения их соседа или родственников, а также скандалов и избиений.

Каждый день участковый уполномоченный полиции должен анализировать поступившие в дежурную часть сообщения и заявления, связанные с семейно-бытовыми конфликтами. Кроме того, источником важной криминологической информации будут являться сведения, полученные из медицинских учреждений, так как нередко потерпевшим нужна помощь врача, но они не хотят, чтобы окружающие знали о конфликтах в семье и не обращаются в полицию [4, с. 39].

Участковый уполномоченный полиции вправе узнать интересующую информацию о «неблагополучных» семьях от тех граждан, с кем в процессе общения образовались доверительные отношения, также он должен изучать материалы об отказе в возбуждении уголовного дела и те данные, которые может получить от органов дознания, следствия, суда.

Лиц, совершающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, участковый уполномоченный полиции вправе поставить на профилактический учет и вести за ними наблюдение в целях применения в дальнейшем к ним мер воздействия.

Однако у всего есть свои правила и ограничения, и профилактические меры не исключение. Так, при осуществлении данных мер запрещается оказывать физическое воздействие, применять угрозы, унижать честь и достоинство профилактируемых лиц, необходимо проявлять вежливость, тактичность, понимание и заинтересованность, нельзя занимать какую-либо определенную сторону или позицию. Нельзя также уделять внимание только лишь негативным чертам человека, скорее напротив, стоит выявлять положительные качества и стремиться их максимально развивать.

Далее перейдем непосредственно к рассмотрению форм профилактического воздействия, применяемых участковыми уполномоченными полиции в исследуемой сфере.

Первой и самой распространенной формой воздействия являются профилактические беседы.

Так, перед ее началом участковому необходимо собрать нужную информацию о лице, которая может включать в себя:

- пол, возраст;
- национальность;
- образование, род деятельности;
- психическое состояние;
- привлекалось ли ранее лицо к уголовной, административной ответственности, и ряд других факторов.

Это нужно для того, чтобы наиболее рационально провести беседу и добиться желаемых результатов. Так, например, знать уровень образования участковому необходимо для того, чтобы сотрудник мог общаться наиболее доступным для лица языком (если человек менее образован, не стоит употреблять сложную терминологию при разговоре). Возраст может влиять на мнение человека о той или иной ситуации, на его жизненную позицию (как известно, у людей в возрасте более устоявшиеся взгляды). Уже на основе данных факторов необходимо выстраивать примерный план дальнейшей беседы, в которой следует

помимо содержания предусмотреть время и место проведения. Беседа должна проходить не в форме монолога, а в форме взаимного обсуждения вопроса. Не стоит также проводить ее слишком долго (оптимальное время до 1 часа). Беседы должны проводиться регулярно до того момента, пока участковый уполномоченный полиции не будет убежден в исправлении лица.

Следующей формой профилактического воздействия является принуждение. Она может выражаться в следующем:

- требование о прекращении противоправного поведения;
- административное задержание;
- возбуждение уголовного дела;
- принудительная госпитализация лиц, страдающих психическими расстройствами.

Данные меры применяются в случае уже совершаемого или совершенного преступления (правонарушения).

Для более удобного обеспечения деятельности существуют профилактические учеты, которые предназначены для информационного обеспечения деятельности субъектов профилактики правонарушений.

Срок пребывания лица на профилактическом учете – один год с момента принятия решения о проведении индивидуальной профилактической работы. В случае поступления в отношении данной категории лиц заявления (сообщения) о преступлении, административном правонарушении, происшествии в семейно-бытовой сфере срок пребывания на профилактическом учете может быть продлен в установленном порядке. Профилактический учет ведется с помощью Сервиса обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России [2, с. 12].

Избирая ту или иную меру, следует учитывать, что все они подбираются индивидуально. Нельзя применять для каждого одно и то же. Необходимо также иметь в виду, что этот процесс занимает достаточно длительный период времени, и не стоит ждать результата незамедлительно. Он зависит от многих факторов, в том числе и от грамотности, знаний, умений и навыков участкового.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль участковых уполномоченных в сфере профилактики семейно-бытовых преступлений очень значительна, она призвана предупреждать негативные правовые и социальные явления. Эффективность работы во многом зависит от принимаемых мер, вовремя выявленных негативных условий и лиц с девиантным поведением.

Обобщая результаты проведенного нами исследования, можно выделить некоторые проблемы и пути их решения по повышению эффективности работы участковых уполномоченных полиции в данной сфере.

Во-первых, это высокая латентность преступлений в семейно-бытовой сфере. В связи с этим необходимо совершенствовать методику выявления и фиксации рассматриваемых деяний, более широко привлекать общественность и граждан к осуществлению содействия сотрудникам органов внутренних дел в решении данного вопроса, активно освещать положительные результаты деятельности участковых уполномоченных в средствах массовой информации.

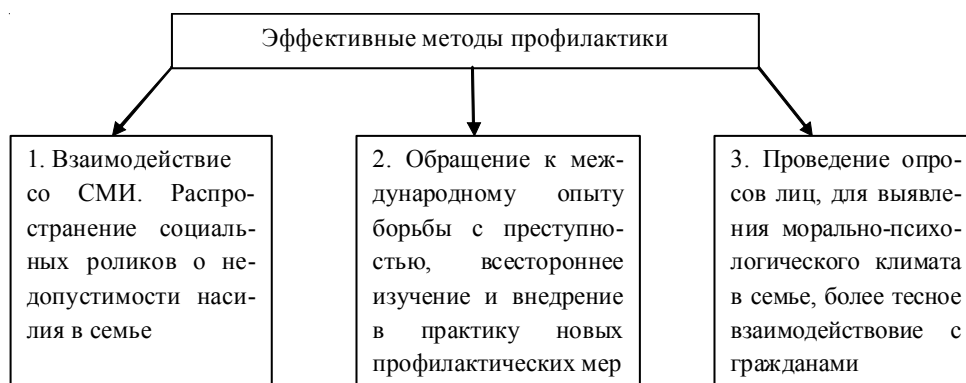
Во-вторых, это недостаточно эффективные методы профилактики. Решения этой проблемы приведем в виде рисунка.

В-третьих, это большой объем проверяемых лиц. Для этого участковым уполномоченным полиции предлагается более эффективно взаимодействовать с другими сотрудниками полиции. Так, при взаимодействии со следователем из материалов уголовного дела можно узнать о той или иной конфликтной ситуации, которая привела к

преступным действиям. При взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска, может быть получена информация о лицах, склонных к совершению преступления. Предлагается также необходимым принять ведомственный нормативный правовой акт, касающийся взаимодействия участковых уполномоченных полиции с другими органами в сфере профилактики, предупреждения и пресечения преступлений в сфере семейно-бытового насилия, в которой нашли бы отражения недостающие аспекты деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев, Н. С. Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений / Н. С. Артемьев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1–4), № 1. – С. 22–28.
2. Бачурин, А. Г. Порядок постановки и снятия с профилактического учета ОВД отдельных категорий граждан, проведение сотрудниками полиции профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений: учеб.-метод. пособие / А. Г. Бачурин, А. И. Щеглов. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2016. – 48 с.
3. Варьгин, А. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения / А. Н. Варьгин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 3 (17). – С. 30–34.
4. Кашкина, Е. В. Проведение индивидуальной профилактической работы участковыми уполномоченными полиции с отдельными категориями граждан, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб.-ме-

Эффективные методы профилактики семейно-бытовых преступлений

тод. пособие / Е. В. Кашкина, А. В. Хандогина. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2018. – 67 с.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2021 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 28.04.2022). – Загл. с экрана.

6. Янковский, Д. А. Проблемы назначения наказания за соучастие / Д. А. Янковский // Пробелы в российском законодательстве. – № 3. – С. 112–116.

REFERENCES

1. Artemev N.S. Kriminologicheskoe issledovanie povedeniia poterpевshikh v nasilstvennykh prestupleniiakh v sferesemeino-bytovykh otnoshenii [Criminological Study of the Behavior of Victims of Violent Crimes in the Sphere of Family and Household Relations]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and Punishment], 2018, vol. 26 (1-4), no. 1, pp. 22-28.

2. Bachurin A.G., Shcheglov A.I. *Poriadok postanovki i sniatii s profilakticheskogo ucheta OVD ot delnykh kategorii grazhdan, provedenie sotrudnikami politzii profilakticheskoi raboty s litsami, sostoishchimi na profilakticheskom uchete, v tseliakh preduprezhdeniia soversheniia imi prestuplenii i administrativnykh pravonarushenii: ucheb.-metod. posobie* [The Procedure for Setting up and Removing From the Preventive Registration of the Department of Internal Affairs of Certain Categories of Citizens, Conducting Preventive Work by Police

Officers With Persons on the Preventive Register in Order to Prevent Them From Committing Crimes and Administrative Offenses]. Barnaul, Barnaul. jurid. in-t MVD Rossii, 2016. 48 p.

3. Varygin A.N. Osobennostisemeino-bytovykh prestuplenii i ikh preduprezhdeniia [Features of Domestic Crimes and Their Prevention]. *Vestnik Kazanskogo i uridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 3 (17), pp 30-34.

4. Kashkina E.V., Khandogina A.V. *Provedenie individualnoi profilakticheskoi raboty uchastkovymi upolnomochennymi politzii s ot delnykh kategoriiami grazhdan, sostoishchimi na profilakticheskom uchete v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: ucheb.-metod. posobie* [Carrying Out Individual Preventive Work by District Police Officers With Certain Categories of Citizens Who Are on Preventive Registration With the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation]. Domodedovo, VIPK MVD Rossii, 2018. 67 p.

5. *Kratkaia kharakteristika sostoianiia prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za ianvar-avgust 2021 goda* [Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation for January-August 2021]. URL: <https://mia.rf/reports/item/26023627/> (accessed 28 April 2022).

6. Yankovskij D.A. Problemy naznacheniya nakazaniya za souchastie [Problems of Sentencing for Complicity]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], no. 3, pp. 112-116.

Information About the Authors

Ivan N. Arkhipsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArkhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Teacher, Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Olesya G. Maklakova, Cadet, Faculty of Training Interrogators, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, maklak.11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7110-6599>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArkhipsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Олеся Геннадьевна Маклакова, курсант факультета подготовки дознавателей, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, maklak.11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7110-6599>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.20>

UDC 343.1
LBC 67.402.02

Submitted: 20.05.2022
Accepted: 20.06.2022

ELECTRONIC DATA AS NEW EVIDENCE UNDER THE 2015 VIETNAMESE CRIMINAL PROCEDURE CODE

Han Pham Ny

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper summarizes new material on the topic under study, introduces into scientific circulation the concept of electronic evidence, which amendments and additions to the 2015 Vietnamese Criminal Procedure Code (hereinafter referred to as the CPC), and contains new legal rules on evidence for the effective fight against crime in modern situations. **Methods:** the research materials were scientific articles, normative legal acts of the Socialist Republic of Vietnam (hereinafter referred to as SRV), expert opinions, and the Internet sources. The work used a combination of general scientific and specific scientific methods: description, the method of logical comprehension, abstraction and generalization, analysis and synthesis, a systematic approach, and the statistical method. **Results:** as one can see electronic data is an unconventional source of evidence, which is digital symbols stored on media, electronic devices or in a global information network by processing output data, including numbers, letters, sounds, images, and etc., thereby providing information related to criminal events; they are created in a virtual space and have no borders or territories. **Conclusions:** at the end of the paper, it is concluded that electronic data is an unconventional source of evidence, exists in cyberspace and can go beyond the borders of the state, and this type of crime is often transnational in nature.

Key words: electronic data, source of evidence, crime, cybersecurity, criminal proceedings, information technology.

Citation. Pham Ny H. Electronic Data as New Evidence Under the 2015 Vietnamese Criminal Procedure Code. *Legal Concept*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 144-148. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.20>

УДК 343.1
ББК 67.402.02

Дата поступления статьи: 20.05.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДАННЫЕ КАК НОВОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА

Хан Фам Нь

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящее время во всем мире все больше растет уровень преступности в сфере компьютерных технологий. В связи с этим, признавая актуальность этого вопроса, Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) 2015 г. Республики Вьетнам регулирует содержание, связанное с электронными данными, электронными средствами и процессом работы с информацией. Это важная правовая база, решающая многие проблемы в практике расследования уголовных дел о киберпреступлениях. В рамках этой статьи рассматривается вопрос о значении электронных данных как источника доказательств в законодательстве Вьетнама. Материалами исследования послужили научные статьи, нормативные правовые акты Соци-

листоческой Республики Вьетнам (далее – СРВ), заключения экспертов, интернет-источники. **Методы:** в работе применялась совокупность общенаучных и частнонаучных методов: описание, метод логического осмысления, абстрагирование и обобщение, анализ и синтез, системный подход, статистический метод. **Результаты:** электронные данные являются нетрадиционным источником доказательств, которые представляют собой цифровые символы, хранящиеся на носителях, электронных устройствах или в глобальной информационной сети. Они созданы в виртуальном пространстве и не имеют границ или территории. **Выводы:** с учетом сказанного, автор полагает, что в ст. 99 УПК СРВ стоит внести поправки или в отдельном правовом документе предусмотреть положения «об использовании электронных данных в уголовном процессе в качестве доказательств».

Ключевые слова: электронные данные, источник доказательства, преступность, кибербезопасность, уголовное судопроизводство, информационная технология.

Цитирование. Фам Ньы Х. Электронные данные как новое доказательство по Уголовно-процессуальному кодексу Вьетнама 2015 года // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 144–148. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.20>

Введение

Преступления с использованием компьютерных технологий являются актуальной проблемой современного мира, которая стала образовываться совсем недавно.

Необходимо уточнить, что указанным термином международно-правовое определение киберпреступности не ограничивается. Примечательно, что в рассматриваемую категорию входят и «классические» виды преступлений, совершаемых посредством использования киберпространства [2, с. 78–82]. Поскольку действующие законы во многих странах представляют собой достаточно непроработанную систему для борьбы с киберпреступностью, преступники все чаще совершают свои преступления через Интернет, используя различные инструменты воздействия на компьютерную информацию.

Сегодня во Вьетнаме о проблеме использования электронных данных в уголовном процессе высказываются многие ученые, такие как: До Нгок Куанг («Доказывание и доказательства, новые содержания уголовно-процессуального кодекса 2015», 2016 г.); Дао Чи Ук («Система основных принципов уголовно-процессуального права Вьетнама по Уголовно-процессуальному кодексу 2015 г.», 2016 г.); Куак Чонг Шон («Оценка доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Вьетнама», 2015 г.); Нгуен Тхи Тху Фьонг («Оценка доказательств в системе уголовно-процессуального Вьетнама», 2015 г.); Чан Ван Хоа («Проблема электронных доказательств», 2016 г.); и др.

Исследование

Принятие УПК 2015 г. во Вьетнаме имел большое значение для расследования, судебного преследования и разбирательства уголовных дел. Одним из последних утвержденных нормативных правовых актов для эффективной работы предупреждения преступлений в различных ситуациях является положение об источниках доказательств – электронных данных (электронных доказательствах). Добавлен новый источник доказательств, требующий соответствующих положений об исследовании, оценке и контроле деятельности по сбору, исследованию и оценке таких доказательств, для правильного разрешения вопросов в уголовных делах, особенно вопросов в сфере использования компьютерных технологий.

Во-первых, с практической стороны в области национальной безопасности. Преступники постоянно используют информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети Интернет, для нарушений охраняемых законом интересов общества и государства. В связи с ростом числа инцидентов в сфере кибербезопасности во Вьетнаме обнаружены всяческие способы дестабилизации различных структур, где используются компьютерные технологии, такие как: вирусное заражение, шпионское ПО, вредоносные компьютерные коды, нацеленные на сетевую систему, применяемую государством и частными структурами. Количество различных видов мошенничества в сфере электронных платежей увеличивается, а также направлено на нарушение работы системы электронной информации для преступлений против государственной власти.

В настоящее время электронные данные, которые были использованы преступниками, в связи с деяниями, совершенными при помощи информационно-телекоммуникационных сетей, как указано выше, часто играли важную роль в разведке, судебном преследовании и уголовном правосудии.

Этот источник доказательств используется в качестве аргументов в доказывании. Таким образом, во многих случаях информация, полученная в цифровых формах, является единственным источником доказательства, что несомненно играет важную роль в решении уголовного дела.

Однако в УПК Вьетнама 2003 г. [3] электронные данные не принимаются в качестве источника доказательств, а также не предусматривается никаких правовых актов, связанных с этим источником доказательств.

Во-вторых, с точки зрения теории, в УПК Вьетнама редакции 2003 г. не указано, что электронные данные являются источником доказательств, однако в Уголовном кодексе (далее – УК) Вьетнама 1999 г. с изменениями, дополнениями в 2009 г. [4] предусмотрено много статей о преступлениях в сфере информационных технологий и телекоммуникаций, таких как: «незаконный доступ к компьютерной сети, телекоммуникационной сети, сети Интернет» (ст. 226а); «использование компьютера, телекоммуникационной сети, интернет или цифровых устройств для совершения актов присвоения имущества» (ст. 226б), поэтому такая практика вызвала трудности в процессе сбора и оценки доказательств.

На основании положений указанных в УК Вьетнама 1999 г., «электронные данные – это информация, которая хранится на электронных носителях и может рассматриваться как доказательство» [4].

Согласно вышесказанному утверждению, электронные данные, полученные в компьютерной сети, Интернете и т. д., рассматриваются как источник доказательств (электронные доказательства). В УК Вьетнама 2015 г. [5] были дополнены и исправлены 5 новых правил в сфере преступлений, совершенных при использовании информационных технологий и телекоммуникационных сетей.

Изменения и дополнения положения о преступлениях в сфере информационно-ком-

муникационных технологий в УК Вьетнама 2015 г. и правового обеспечения способствуют формированию мер для предупреждения и борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий.

Кроме того, вопрос о том, являются ли электронные данные источником доказательств в судебных разбирательствах, уже затрагивался ранее в правовой системе Вьетнама. Согласно ст. 82 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) Вьетнама 2015 г. [6], электронные данные как источник являются доказательством.

До введения в действие УПК Вьетнама 2015 г. в ГПК Вьетнама 2004 г. [7] также было упомянуто о том, что электронные данные являются источником доказательств. При изучении специализированных правовых нормативных актов, согласно ст. 11, ст. 13 и ст. 14 Закона «об электронных сделках» Вьетнама 2005 г. [8], информация в электронной форме имеет юридическую силу, если гарантируется целостность. Автор считает, что и в уголовно-процессуальном кодексе должен предусматриваться тот факт, что электронные данные являются источником доказательств.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что добавление электронных данных в качестве источника доказательств, указанных в ст. 87 УПК Вьетнама 2015 г., необходимо для создания правовой основы использования данных в предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений.

В соответствии со ст. 99 УПК Вьетнама 2015 г. «электронные данные – это символы, шрифты, числа, изображения, звуки или тому подобное, создаваемые, хранимые, передаваемые или принимаемые электронными средствами» [1].

Киберпреступники оставляют следы в виде электронных данных на электронных носителях, компьютерных и телекоммуникационных сетях, линиях передач и иных электронных источниках, которые использовались в качестве средств для совершения преступных действий. Информации, полученной при обработке этих данных, вполне достаточно для доказывания совершенного преступления.

С развитием научно-технического прогресса следственные органы, использующие

современные технологии и оборудование, могут искать, записывать и анализировать электронные данные и использовать их в качестве доказательств. С юридической точки зрения электронные данные можно считать видом доказательств.

По мнению юридического доктора Чан Ван Хоа, заместителя начальника департамента полиции по предупреждению преступлений в сфере компьютерных технологий: «Электронные доказательства – это доказательства, хранящиеся в виде электронных сигналов в компьютерах или других устройствах, имеющих цифровую память, связанные с уголовными делами», а также электронные данные, используемые в качестве доказательств. Обычно они могут быть двух типов:

– электронные данные, автоматически генерируемые компьютером («cookie» – ‘куки’), URL-адрес, журналы электронной почты, журналы веб-серверов, журналы серверов брандмауэра, IP-адрес, информация для доступа, веб-сайт, вредоносный код), подтверждающие происхождения доступа, атаки на веб-сайт, базу данных, электронную почту, учетную запись, следы деятельности злоумышленника (установка троянских программ, клавиатурных шпионов, прослушивание прослушивателей, кража данных и др.);

– электронные данные, созданные пользователем, такие как документы, таблицы, изображения, информация и т. д., которые действительны для подтверждения личности, компьютера и источника данных [9, с. 69].

В настоящее время остро стоит проблема обнаружения, сохранения, оценки и использования электронных данных, потому что в зависимости от времени, устройства хранения и при обнаружении преступниками они могут удалить, быстро редактировать данные с помощью инструментов, что приводит к трудностям при сборе и восстановлении доказательств.

Заключение

По мнению автора статьи, следует выделять ряд рекомендаций:

1. В деятельности по сбору электронных данных, прежде всего, необходимо строго соблюдать ст. 88, ст. 107 УПК Вьетнама 2015 г. о сборе доказательств вообще и электронных

данных в частности. Кроме того, необходимо в полном объеме разбираться в теоретических и практических вопросах.

2. Сбор, проверка и оценка электронных доказательств должны осуществляться с опорой на положения статьи УПК Вьетнама 2015 г., обеспечивать объективность, относительность и законность при их использовании. Эти процессы должны соответствовать положениям Конституции Вьетнама 2013 г. [10].

3. Вопрос о классификации электронных данных является на сегодняшний день довольно спорным. Таким образом, указанные в УПК Вьетнама 2015 г. положения по данному вопросу основные при изучении, поэтому компетентные органы должны соответствовать положениям относительно вопросов оценки электронной информации, а также принятии закона об источнике электронных доказательств помимо традиционного источника доказательств, чтобы не возникло несоответствий относительно исследуемой темы при совершении преступлений и необходимости повышения осведомленности об этом типе источника доказательств [11, с. 57].

4. Особенно остро стоит проблема профессионального развития высококвалифицированных ИТ-специалистов для сбора и проверки электронных данных. Поэтому необходимо повысить профессиональную подготовку сотрудников в местных подразделениях.

Таким образом, в этой статье утверждается, что электронные данные являются относительно новым источником доказательств, по сравнению с информацией, указанной в УПК 2003 г. и УПК 2015 г. Вьетнама. Внесены существенные поправки в отношении доказательств и вопросов доказывания для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлены как уличающие, так и оправдывающие обстоятельства обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. Произведен анализ УПК 2015 г. и комментариев по данному вопросу, рассмотрены новые источники доказательств, особенно стоит отметить электронные данные, так как их выделение является большим шагом вперед в связи с чрезвычайно широкой распространенности компьютерных преступлений на территории Вьетнама [12, с. 88]. Однако положения о

сборе и использовании электронных данных по-прежнему все еще очень ограничены. Следовательно, компетентным органам необходимо повысить профессиональный уровень сотрудников и развивать международное сотрудничество, а также опыт зарубежных стран в использовании электронных доказательств в уголовном процессе.

REFERENCES

1. *Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 101/2015/QH13, November 27, 2015.
2. Buz S.I. Kiberprestuplenija: ponjatje, sushhnost' i obshhaja harakteristika [Cybercrimes: Concept, Essence and General Characteristics]. *Jurist-Pravoved*, 2019, no. 4 (91), pp. 78-82
3. *Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 19/2003/QH11, November 26, 2003.
4. *Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 15/1999/QH10, December 21, 1999.
5. *Bộ luật hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 100/2015/QH13, November 27, 2015.
6. *Bộ luật Tố tụng dân sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Civil Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 92/2015/QH13, November 25, 2015.
7. *Bộ luật Tố tụng dân sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Civil Procedure Code of the Socialist Republic of Vietnam], no. 24/2004/QH11, June 15, 2004.
8. *Luật Giao dịch điện tử nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam* [Law on Electronic Transactions of the Socialist Republic of Vietnam], no. 51/2005/QH11, November 29, 2005.
9. Chan Van Hoa. Vấn đề dấu vết điện tử và chứng cứ trong Bộ luật Tố tụng Hình sự [Issues of Electronic Traces and Evidence in the Code of Criminal Procedure]. *Tạp chí Khoa học và Chiến lược* [Journal of Science and Strategy], 2014, iss. 12, p. 69.
10. *Hiến pháp nước cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam năm 2013* [Constitution of the Socialist Republic of Vietnam 2013].
11. Fan Van Chan', Nguồn chứng cứ là dữ liệu điện tử theo quy định của Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2015 [Source of Evidence is Electronic Data in Accordance with the Provisions of the Code of Criminal Procedure 2015]. *Tạp chí Dân chủ và Pháp luật* [Journal of Democracy and Law], 2016, no. 8, p. 57.
12. Do Dyk Hong Ha. *So sánh Bộ luật Tố tụng Hình sự năm 2003 với Bộ Luật Tố tụng Hình sự năm 2015* [Comparing the 2003 Code of Criminal Procedure with the 2015 Code of Criminal Procedure]. Hanoi, Công an Nhân dân Publ., 2018. 88 p.

Information About the Author

Han Pham Ny, Police Captain, Adjunct, Faculty of Adjunct Studies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St., 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, nik.fam.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9452-8487>

Информация об авторе

Хан Фам Ньы, капитан полиции, адъюнкт факультета адъюнктуры, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, nik.fam.89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9452-8487>

www.volsu.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.21>

UDC 347.4
LBC 67.404

Submitted: 08.05.2022
Accepted: 15.06.2022

THE 2021 GLASGOW CLIMATE PACT: BASIC PROVISIONS ¹

Elena P. Ermakova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper describes the Glasgow Climate Pact, adopted as part of the Paris Agreement at the 26th UN Climate Change Conference (COP26) in late 2021. The provisions of the Glasgow Pact apply to all countries participating in the Paris Agreement. The pact was supposed to solve the problem of coordinating the countries' efforts to reduce greenhouse gas emissions. The Pact has established new procedures to stimulate the countries' ambitions for climate protection – a work program, an annual round table and an annual report, which will be discussed for the first time at COP27 in November 2022. The Pact has also focused on CO₂-free gases, fossil fuels, nature and ecosystems, and a fair transition. But the Pact provisions have turned out to be much softer than originally planned. It is unclear whether the measures outlined in the Glasgow Pact will be sufficient to overcome political obstacles to the implementation of the goals of the Paris Agreement. The national commitments on climate and financing are still far from what is needed to address the climate problem.

Key words: the Glasgow Climate Pact, green economy model, green finance, ESG agenda, sustainable financing strategy, climate change, the Paris Agreement.

Citation. Ermakova E.P. The 2021 Glasgow Climate Pact: Basic Provisions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 149-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.21>

УДК 347.4
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 08.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ПАКТ ГЛАЗГО 2021 ГОДА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ¹

Елена Петровна Ермакова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье дана характеристика Климатического пакта Глазго, принятого в рамках Парижского соглашения на 26-й конференции ООН по изменению климата (COP26) в конце 2021 года. Положения Пакта Глазго распространяются на все страны-участницы Парижского соглашения. Пакт должен был решить проблему координации усилий стран по сокращению выбросов парниковых газов. Пакт установил новые процедуры для стимулирования амбиций стран по защите климата – программу работы, ежегодный круглый стол и ежегодный доклад, которые будут обсуждены впервые на COP27 в ноябре 2022 года. Пакт также фокусировал внимание на газах, не содержащих CO₂, ископаемом топливе, природе и экосистемах, а также на справед-

ливом переходе. Но положения Пакта оказались значительно мягче, нежели планировалось изначально. Не ясно, будет ли достаточно обозначенных Пактом Глазго мер для преодоления политических препятствий к выполнению целей Парижского соглашения. Национальные обязательства по климату и финансированию по-прежнему далеки от того, что необходимо для решения проблемы климата.

Ключевые слова: Климатический пакт Глазго, зеленая модель экономики, зеленые финансы, ESG-повестка, стратегия устойчивого финансирования, изменение климата, Парижское соглашение.

Цитирование. Ермакова Е. П. Климатический пакт Глазго 2021 года: основные положения // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 149–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.21>

Введение

В октябре – ноябре 2021 г. (шесть лет спустя после подписания Парижского соглашения 2015 г.) в Глазго (Шотландия) прошла 26-я конференция ООН по изменению климата (COP26). Конференция стала третьей встречей сторон Парижского соглашения. COP26 должна была состояться в ноябре 2020 г., но была отложена на год из-за пандемии COVID-19. Лидеры всех стран мира встретились в очередной раз, чтобы договориться о том, какие глобальные действия необходимо предпринять для решения проблемы изменения климата, перехода на зеленую энергетику и обеспечение выполнения обязательств по сокращению выбросов парниковых газов [3, с. 154].

Конференция Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (далее – РКИК ООН), также известная как «саммит по климату», является ежегодным мероприятием, которое объединяет правительства всех стран мира с целью обсуждения и анализа вопросов и проблем управления климатом. В 2021 г. это было 26-е заседание, поэтому оно называлось COP26. Следующий саммит – COP27 – состоится в Шарм-эль-Шейхе (Египет) в ноябре 2022 года.

Первое совещание Конференции Сторон РКИК ООН состоялось в 1995 г. в Берлине (Германия). С тех пор руководители правительств собирались вместе почти каждый год, чтобы разработать глобальные меры реагирования на чрезвычайную климатическую ситуацию. Место проведения ежегодного мероприятия обычно выбирается в зависимости от того, какая страна является Председателем Конференции Сторон в это время. В 2021 г. в Конференции Сторон РКИК ООН председательствовала Великобритания.

Один из самых значимых предыдущих саммитов Конференции Сторон РКИК ООН

состоялся в 2015 г. (COP21) в Париже. На этом саммите национальные лидеры договорились резко сократить выбросы парниковых газов в так называемом Парижском соглашении [2, с. 335]. В рамках этого соглашения подписавшие его страны обязались представить национальные планы с подробным описанием масштабов мер по борьбе с глобальным потеплением, которые планирует установить каждая страна.

Конференция COP26 официально открылась 31 октября и закрылась 12 ноября 2021 года. На открытии присутствовало более 120 мировых лидеров, среди которых были: Борис Джонсон (Великобритания, который также являлся президентом COP26), Джо Байден (США), Эммануэль Макрон (Франция), Марио Драги (Италия), Нафтали Беннетт (Израиль), Джастин Трюдо (Канада) и др. После первых нескольких дней работы конференции политики и мировые лидеры оставили сложные переговоры в руках своих представителей, в основном министров окружающей среды или других высокопоставленных должностных лиц [5].

Россия как участник Парижского соглашения 2015 г.², также направила своих представителей для работы в конференции COP26. Представителям РФ на конференции удалось добиться нужных условий относительно лесных климатических проектов. «Позиция нашей страны заключается в необходимости создания надежных, предсказуемых и эффективных инструментов международного сотрудничества для предотвращения изменения климата. По правилам реализации ст. 6 нам удалось обеспечить приемлемые условия для лесных климатических проектов с учетом необходимости предоставления им продолжительного зачетного периода», – указал спецпредставитель РФ на конференции в Глазго Р. Эдельгериев [4]. «Соглашение о прекращении обезлесения», подписанное в Глазго, в ча-

стности, такими важными сторонами, как Бразилия, Канада и Россия, покрывает 85 % мировых лесов. Правительства 12 стран обязались выделить 12 млрд долл. США, а частные компании – 7 млрд на защиту и восстановление лесов.

Основные итоги конференции COP26

Для активной борьбы с глобальным потеплением работа конференции COP26 была построена вокруг следующих четырех основных целей:

1. Достичь углеродной нейтральности к 2050 г. и удерживать глобальное потепление ниже +1,5 °C по Цельсию по сравнению с доиндустриальным уровнем (то есть уровнем 1750 г.) [5].

2. Адаптироваться к защите общин и естественных мест обитания, особенно тех, которым больше всего угрожает изменение климата.

3. Мобилизовать климатическое финансирование (не менее 100 млрд долл. США в год) для достижения первых двух целей.

4. Организовать совместную работу по достижению углеродной нейтральности: проблемы климатического кризиса могут быть преодолены только в том случае, если каждая страна сыграет свою роль [7].

Исходя из перечисленных выше целей, на конференции COP26 страны взяли на себя смелые коллективные обязательства по ограничению выбросов метана, прекращению и обращению вспять потерь лесов, приведению финансового сектора в соответствие с чистым нулем к 2050 г., отказу от двигателей внутреннего сгорания и пр. Саммит в Глазго стал платформой для запуска инновационных секторальных партнерств и нового финансирования для их поддержки с целью преобразования каждого сектора экономики в масштабах, необходимых для обеспечения чистого нулевого будущего [6].

Многие важные заявления были сделаны вне рамок переговоров в течение двухнедельного саммита. В первые два дня во время «Всемирного саммита лидеров» было объявлено более 100 заявлений высокого уровня, включая смелое обязательство Индии достичь чистых нулевых выбросов к 2070 г. [8].

Группа из 46 стран, включая Великобританию, Канаду, Польшу и Вьетнам, взяла на себя обязательства по поэтапному отказу от ископаемого угля, в то время как еще 29 стран, включая Великобританию, Канаду, Германию и Италию, обязались прекратить новую прямую международную поддержку неослабевающих ископаемых видов топлива к концу 2022 г. и перенаправить эти инвестиции на чистую энергию [5].

Кроме того, на саммите был заключен Климатический пакт Глазго. Как отмечали обозреватели, «после мучительных переговоров, которые затянулись на два дополнительных дня, делегатам все-таки удалось заключить Климатический пакт Глазго, но документ оказался значительно мягче, нежели планировалось изначально. Драматическое изменение в декларацию (в очередной, третий проект) в последний момент внесли Индия и Китай, призвав к «поэтапному сокращению», а не «постепенному отказу» от угольной энергетики – крупнейшего источника выбросов парниковых газов» [1]. В отличие от секторальных заявлений, сделанных различными участниками в ходе конференции COP26, Пакт был согласован и применяется ко всем странам, которые являются участниками Парижского соглашения.

Климатический пакт Глазго

Как Климатический пакт Глазго решает проблему координации усилий стран по сокращению выбросов парниковых газов, которые вызывают изменение климата?

1. *Пакт потребовал от сторон Парижского соглашения пересмотреть и ускорить свои целевые показатели сокращения выбросов к 2030 году.* За два года, предшествовавших переговорам в Глазго, примерно 150 стран представили новые или обновленные планы национального вклада (nationally determined contribution – NDC), включающие целевые показатели сокращения, которые должны быть достигнуты к 2030 году.

Несмотря на эти улучшения, сохраняется огромный разрыв между прогнозируемыми глобальными выбросами в рамках планов NDC и траекторией выбросов, совместимой с 1,5 °C. Чтобы закрыть этот разрыв, Климатический пакт Глазго призывает страны

тический пакт Глазго требует от сторон пересмотреть и укрепить свои цели «в соответствии с температурной целью Парижского соглашения к концу 2022 г. с учетом различных национальных условий». Хотя Пакт не выделяет конкретные страны, эта формулировка, вероятно, привлечет особое внимание к крупным экономикам, таким как Австралия, Бразилия, Индонезия и Мексика. Странам, которые еще не сообщили о новых или обновленных NDC вообще, таким как Индия и Турция, также настоятельно рекомендуется сделать это.

2. Пакт связал NDC и долгосрочные стратегии со справедливым переходом к чистым нулевым выбросам. Помимо своих целей на 2030 г., все большее число стран установили цели по достижению чистых нулевых выбросов примерно в середине XXI в. и наметили долгосрочные стратегии в области изменения климата. Фактически, если текущие цели чистого нуля будут достигнуты, потепление может быть ограничено 1,9 °C. Но NDC, большинство из которых имеют целевые показатели сокращения выбросов на 2030 г., еще не соответствуют долгосрочным целям чистого нуля. Впервые Климатический пакт Глазго призывает страны устранить это несоответствие.

3. Пакт продлил срок действия долгосрочных стратегий и запросил сводный доклад о них к COP 27 (ноябрь 2022). Долгосрочные стратегии являются ключевым маркером национальных действий на середину XXI в. и поэтому имеют важное значение для стимулирования и оценки прогресса в достижении целей Парижского соглашения. По завершении переговоров 46 сторон сообщили о своих долгосрочных стратегиях, причем более половины этих отчетов было представлено только за последний 2021 год. Чтобы побудить большее число стран разрабатывать и представлять свои долгосрочные стратегии, а также пересматривать и обновлять их с течением времени, Климатический пакт Глазго создал необходимые рамки для поддержания и укрепления динамики в предстоящие годы. Во-первых, Пакт настоятельно призвал все страны разработать свои долгосрочные стратегии как можно скорее, но не позднее COP 27. Во-вторых, Пакт пред-

ложил странам регулярно обновлять свои долгосрочные стратегии в соответствии с наилучшими научными данными, что необходимо для того, чтобы эти 30-летние планы оставались актуальными с течением времени. И наконец, Пакт потребовал от секретариата РКИК ООН подготовить к COP27 сводный доклад о долгосрочных стратегиях [6].

4. Пакт установил новые процедуры для стимулирования амбиций стран по защите климата в этом десятилетии. Пакт закрепил три новых процедуры – программу работы, ежегодный круглый стол и ежегодный доклад.

Пакт представил рабочую программу для «расширения амбиций по смягчению последствий и реализации» в течение 2020-х годов. В рамках программы работы страны могут рассмотреть такие темы, как секторальные преобразования, необходимые для ограничения потепления до 1,5 °C, и согласование краткосрочных целей и действий с долгосрочными стратегиями по достижению чистых нулевых выбросов к середине века. Пакт призвал к проведению «ежегодного министерского круглого стола высокого уровня» по амбициям на период до 2030 г., начиная с COP27. В рамках круглого стола министры смогут провести технические обсуждения. Пакт уполномочил ООН выпускать ежегодный доклад на каждой конференции COP, в котором будут рассматриваются NDC стран и цель ограничения потепления до 1,5 °C.

5. Пакт также фокусировал внимание на газах, не содержащих CO₂, ископаемом топливе, природе и экосистемах, а также на справедливом переходе. Пакт выделил несколько конкретных, критических переходов, которые должны произойти для реализации цели Парижского соглашения по ограничению потепления до 1,5 °C – сокращение вдвое выбросов к 2030 г. и достижение чистого нуля к середине века. Пакт фокусировал внимание на конкретных отраслях и субъектах, чья практика должна измениться для достижения целей, изложенных в Парижском соглашении.

Впервые Пакт призвал страны ускорить «поэтапный отказ от неослабевающей угольной энергетики и поэтапный отказ от неэффективного ископаемого топлива». Пакт так-

же призвал страны «рассмотреть дальнейшие действия по сокращению к 2030 году выбросов парниковых газов, не связанных с углекислым газом, включая метан». Это решение дополнило «**Глобальное обязательство по метану**», которое было обнародовано на COP26, в котором более 100 стран коллективно обязались сократить выбросы метана на 30 % к 2030 году. Кроме того, Пакт подчеркнул важность защиты, сохранения и восстановления природы и экосистем для достижения температурной цели Парижского соглашения. Наконец, Пакт отметил жизненно важную роль, которую «меры справедливого перехода» играют в преобразованиях, необходимых для решения проблемы изменения климата [9].

Выводы

Меры, предусмотренные в Пакте, предлагают ускорить усилия по устранению разрыва в выбросах к 2030 г., призвав страны привести свои обязательства в соответствие с целями Парижского соглашения о переходе к чистому нулю. При этом неясно, будет ли этих мер достаточно для преодоления политических препятствий, которые до сих пор стояли на пути к выполнению более амбициозных обязательств. Ответственность за преодоление этих барьеров и установление целей в соответствии с глобальными температурными целями вновь лежит на правительствах отдельных стран.

Оценивая результаты COP26 и Климатического пакта Глазго следует заключить, что усилия представителей правительств стран-участниц Парижского соглашения, направленные на защиту климата от изменений, не были напрасными. Однако, несмотря на значительный прогресс на нескольких фронтах, национальные обязательства по климату и финансированию по-прежнему далеки от того, что необходимо для решения проблемы климата.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00270 «а».

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-011-00270 «а».

² Постановление Правительства России «Об участии России в Парижском климатическом соглашении» от 21 сентября 2019 г. № 1228 // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/37917/> (дата обращения: 10.05.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Диллендорф, Е. Лучше, чем было, но меньше, чем надо. Итоги климатического саммита ООН в Глазго / Е. Диллендорф // Новая газета. – 2021. – 15 нояб. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/15/luchshe-chem-bylo-no-menshe-chem-nado> (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.

2. Ермакова, Е. П. Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае: сравнительно-правовой анализ / Е. П. Ермакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 335–352. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>

3. Никифоров, С. В. Восполнение имеющихся пробелов в международном праве в контексте развития современного миропорядка / С. В. Никифоров // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – № 1. – С. 153–157.

4. Россия приветствует итоги конференции ООН по климату в Глазго // ТАСС. – 2021. – 14 нояб. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/12918671?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 10.05.2022). – Загл. с экрана.

5. Collins, P. COP26: What Is It? What Are the Aims and Goals? / P. Collins // Selectra. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <https://climate.selectra.com/en/news/cop26> (date of access: 10.05.2022).

6. COP26: Key Outcomes From the UN Climate Talks in Glasgow / H. Mountford [et al.] // World Resources Institute. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.wri.org/insights/cop26-key-outcomes-un-climate-talks-glasgow> (date of access: 10.05.2022).

7. Lennan, M. The Glasgow Climate Conference (COP26) / M. Lennan, E. Morgera // The International Journal of Marine and Coastal Law. – 2022. – Vol. 37 (1). – P. 137–151. – DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-bja10083>

8. Nevitt, M. Key Takeaways from the Glasgow Climate Pact / M. Nevitt // Lawfare. – 2021. – DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4005495>

9. 6 Take Aways From the U.N. Climate Conference // The New York Times. – 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2021/11/13/climate/cop26-climate-summit-takeaways.html> (date of access: 10.05.22).

REFERENCES

1. Dillendorf E. Luchshe, chem bylo, no men'she, chem nado. Itogi klimaticheskogo sammita OON v Glazgo [Better Than It Was, but Less Than Necessary. Results of the Un Climate Summit in Glasgow]. *Novaya Gazeta* [New Newspaper], 2021, Nov. 15. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2021/11/15/luchshe-chem-bylo-no-menshe-chem-nado> (accessed 10 May 2022).

2. Ermakova E.P. Razvitie pravovyh osnov «zelenogo» finansirovaniya v Rossii, ES i Kitae: sravnitel'no-pravovoj analiz [Development of the Legal Foundations of “Green” Financing in Russia, the EU and China: Comparative Legal Analysis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2020, vol. 24, no. 2, pp. 335-352. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352>

3. Nikiforov S.V. Vospolnenie imeyushchihsya probelov v mezhdunarodnom prave v kontekste razvitiya sovremennogo miroporjadka [Filling the

Existing Gaps in International Law in the Context of the Development of the Modern World Order]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2022, no. 1, pp. 153-157.

4. Rossiya privetstvuet itogi konferencii OON po klimatu v Glazgo [Russia Welcomes the Results of the Un Climate Conference in Glasgow]. *TASS* [TASS], 2021, Nov. 14. URL: https://tass.ru/obschestvo/12918671?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 10 May 2022).

5. Collins P. COP26: What is it? What are the Aims and Goals? *Selectra*, 2021. URL: <https://climate.selectra.com/en/news/cop26> (accessed 10 May 2022).

6. Mountford H. et al. COP26: Key Outcomes From the UN Climate Talks in Glasgow. *World Resources Institute*, 2021. URL: <https://www.wri.org/insights/cop26-key-outcomes-un-climate-talks-glasgow> (accessed 10 May 2022).

7. Lennan M., Morgera E. The Glasgow Climate Conference (COP26). *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 2022, vol. 37 (1), pp. 137-151. DOI: <https://doi.org/10.1163/15718085-bja10083>

8. Nevitt M. Key Take Aways From the Glasgow Climate Pact. *Lawfare*, 2021. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4005495>

9. 6 Take Aways From the U.N. Climate Conference. *The New York Times*, 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/13/climate/cop26-climate-summit-takeaways.html> (accessed 10 May 2022).

Information About the Author

Elena P. Ermakova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, ermakovaep@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5722-3641>

Информация об авторе

Елена Петровна Ермакова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, ermakovaep@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5722-3641>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.22>

UDC 338.43:620.92
LBC 85.32-801.8

Submitted: 13.05.2022
Accepted: 15.06.2022

GEO-ECONOMY OF THE FUTURE: SUSTAINABLE AGRICULTURE AND ALTERNATIVE ENERGY

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
International Law Institute (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Citation. Matytsin D.E. Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 155-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.22>

УДК 338.43:620.92
ББК 85.32-801.8

Дата поступления статьи: 13.05.2022
Дата принятия статьи: 15.06.2022

ГЕОЭКОНОМИКА БУДУЩЕГО: УСТОЙЧИВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Международный юридический институт (Волжский филиал), г. Волжский, Российская Федерация

Цитирование. Матыцин Д. Е. Геоэкономика будущего: устойчивое сельское хозяйство и альтернативная энергетика // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 155–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.22>

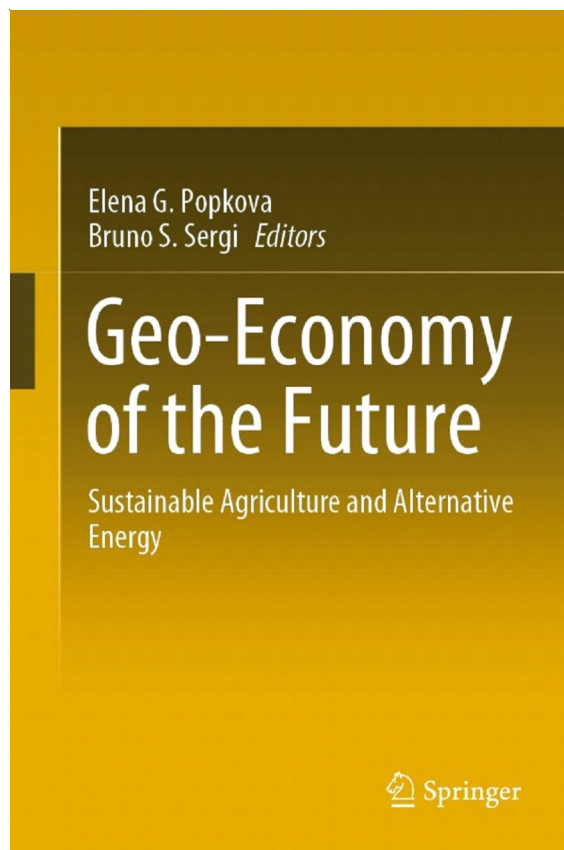
Издательством «Springer» анонсирован выход в свет зарубежной коллективной монографии «Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy» («Геоэкономика будущего: устойчивое сельское хозяйство и альтернативная энергетика») (Geo-Economy of the Future: Sustainable Agriculture and Alternative Energy / ed. by E. G. Popkova, B. S. Sergi. – Cham : Springer, 2022. – 903 p. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7>. – ISBN: 978-3-030-92303-7).

В книге опубликованы научно-исследовательские разработки ведущих и молодых ученых российских и зарубежных вузов, та-

ких как: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Белгородский национальный исследовательский университет, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российский университет дружбы народов (РУДН), Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Международный университет К.Ш. Токтомаматова, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Университет Мессины (Италия) и др. Среди принявших уча-

стие в подготовке монографии российских ученых: д.э.н., проф., профессор кафедры управления развитием пространственно-экономических систем Южного федерального университета В.Н. Овчинников; д.э.н., проф., ведущий научный сотрудник кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства Института научных коммуникаций МГИМО МИД РФ Е.Г. Попкова; д.с.-х.н., проф., директор ФНЦ агроэкологии РАН А.И. Беляев; д.э.н., доц., независимый исследователь А.В. Боговиз; д.э.н., проф., заведующий кафедрой экономики и эконометрики Алтайского государственного университета Е.Е. Шваков; к.ю.н., доц., доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического факультета РУДН Е.П. Ермакова; и др. Зарубежными соавторами книги выступили такие ученые, как: д-р права, проф., научный руководитель Международного центра исследований развивающихся рынков при Университете РУДН, член филиала Гарвардского института количественных социальных наук Бруно С. Серджи; д.э.н., проф., Советник ректора по стратегическому развитию Казахского национального университета им. Аль-Фараби Е.А. Ан; д-р права Стамбульского коммерческого университета Тикарет Канан Кючюкали; и др. В том числе 7 глав были подготовлены с участием ведущих ученых ВолГУ в сфере экономики, частного права и правового регулирования окружающей среды.

В представленных учеными ВолГУ разработках раскрыты: понятие и категории межгосударственного регулирования и правовые риски при применении цифровых технологий Индустрии 4.0 на уровне ЕАЭС и БРИКС; правовое регулирование оборота биотехнологий в России, странах БРИКС и ЕАЭС; сертификация и маркировка ГМО-продукции; концепция неоиндустриальной модернизации правового регулирования стратегии интенсификации цифровых технологий в ЕАЭС и БРИКС и др. В числе авторов монографии – сотрудников ВолГУ: д.ю.н., проф. А.П. Анисимов; д.ю.н., д.э.н., проф. А.И. Гончаров; д.ю.н., проф. А.О. Иншакова; к.э.н., старший научный сотрудник Института права ВолГУ Д.Е. Матыцин.

Книга открывает новый взгляд на геоэкономику, под которой впервые понимают не только экономическую географию и глобализацию (различия в социокультурном и экономическом положении стран с точки зрения гуманитарных наук), но и экономику с позиций наук о Земле и планетах. Такой подход дает возможность систематизировать, глубоко изучить и критически переосмыслить настоящее и будущее хозяйственной деятельности с точки зрения последствий для окружающей среды и устойчивого развития.

Уникальность издания заключается еще и в том, что, в отличие от устоявшихся взглядов на экологическую экономику в науке, которая фокусируется на проблемах изменения климата и сокращения отходов производства и потребления, в центре внимания оказывается геоэкономика с упором на ответственное управление окружающей средой, устойчивое сельское хозяйство и альтернативную энергетику. Таким образом, эта книга заполняет пробел в существующей области научного знания на стыке экономической географии и природопользования, открывая новое и широкое

поле для научных исследований в области экономики земли.

Книга включает в себя два автономных раздела, каждый из которых состоит из частей, где последовательно раскрываются основные идеи, сформулированные в их названии. Раздел I называется *Зеленый рост, защита окружающей среды и устойчивое развитие сельского хозяйства в геоэкономике будущего (Green Growth, Environmental Protection and Sustainable Agriculture in the Geo-economy of the Future)*. В этой части книги разрабатывается научная концепция геоэкономики будущего и вырабатываются прикладные рекомендации по ее практической реализации при систематическом рассмотрении опыта и перспектив устойчивого зеленого роста, охраны окружающей среды и устойчивого сельского хозяйства. Отмеченные проблемы определили логику и структуру данного раздела книги, они последовательно исследуются в первых трех частях.

Первая часть посвящена зеленой экономике и экологическому менеджменту. Здесь широко применяется международный опыт (например, таких стран, как Россия и Китай) и отраслевая практика. Учитываются польза для здоровья устойчивого развития геоэкономики и опыт устойчивого развития геоэкономики в условиях пандемии COVID-19 и кризиса.

Во второй части рассматриваются качество окружающей среды и экологическая эффективность деловой практики.

Третья часть посвящена проблемам устойчивого развития сельского хозяйства.

Во II разделе книги исследуется переход к геоэкономике будущего, базирующейся на парадигме ответственного природопользования, формировании устойчивых сообществ и использовании альтернативных источников энергии (*Transition to the Geo-Economy of the Future Based on Responsible Nature Use, Sustainable Communities and Alternative*

Energy). Цель II раздела – сформировать системный научный взгляд на переход к геоэкономике будущего, которая базируется на ответственном природопользовании, устойчивых сообществах и использовании альтернативных источников энергии. Эта цель предопределила структуру данного раздела работы, которая также состоит из трех частей.

Четвертая часть посвящена развитию ответственной промышленности, устойчивому развитию регионов, городов и сообществ.

Пятая часть исследует устойчивое сельское хозяйство и развитие сельских районов.

Шестая (заключительная) часть книги изучает устойчивую и альтернативную энергетику.

Данная монография является междисциплинарным научным исследованием, она содержит разработки, которые, по убеждению авторов, представляют большой интерес для представителей экономической географии, корпоративной экономики, региональной экономики (в аспекте устойчивого развития городов и регионов), социологии, права и других общественных наук (в аспекте устойчивых сообществ), управления (в частности, государственного и корпоративного), наук о земле и планетах.

В книге также представлены две рецензии на коллективные монографии, опубликованные в зарубежных изданиях, индексируемых в международных базах данных SCOPUS и Web of Science Core Collection:

– *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law* // ed. by A. O. Inshakova, A. V. Bogoviz. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2020. – 314 p. – ISBN: 978-1-64113-989-2;

– *The Transformation of Social Relationships in Industry 4.0: Economic Security and Legal Prevention* // ed. by A. O. Inshakova, E. E. Frolova // *Advances in Research on Russian Business and Management*. – Cham : Information Age Publishing Inc., 2022. – 408 p. – ISBN: 978-1-64802-684-3.

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute (Volzhsky Branch), Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; доцент кафедры гражданского права и процесса, Международный юридический институт (Волжский филиал), ул. Большевистская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 1396 руб. 00 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 1396.00 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

